

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

16+

Регионология

Том 32, № 1. 2024 (январь – март)

Сквозной номер выпуска – 126

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 32, no. 1. 2024 (January – March)

Continuous issue 126

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2024

Регионология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)

Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)

International Relations (Political Sciences)

Economic Sociology (Social Sciences)

Demography (Social Sciences)

Demography (Economic Sciences)

Political Sociology (Social Sciences)

Political Sociology (Political Sciences)

Sociology of Culture (Social Sciences)

Sociology of Management (Social Sciences)

Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Regional and Branch Economics (Economic Sciences)

World Economy (Economic Sciences)

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножка Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор, и. о. заведующего кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Cand.Sci. (Ped.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Gharian, Libya)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Acting Head of Department, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolyubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

Н. Э. Демешко, Г. Л. Мурадов, А. А. Ирхин, О. А. Москаленко. «Декolonизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России 10

С. А. Тамби. Евроскептицизм в дискурсе «русских партий» Эстонии 31

Экономика и управление народным хозяйством

А. А. Урунов, И. М. Морозова. Методология оценки качества экономического пространства региона 48

П. В. Строев, М. М. Низамутдинов, В. В. Орешников. Методический подход к комплексной оценке уровня жизни населения в регионах России 71

Экономическая социология и демография

Н. В. Рубцова. Региональная санаторно-курортная сфера: оценка рисков функционирования и развития 90

А. Г. Манakov, Н. К. Теренина, И. А. Иванов. Динамика этноконтактных зон в тюркских республиках Урало-Поволжья в постсоветский период 108

Ч. И. Ильдaрханова, В. Н. Архангельский, Г. Н. Ершова. Структурные и тайминговые трансформации рождаемости – угрозы демографической безопасности Республики Татарстан 126

Социальная структура, социальные институты и процессы

М. С. Ашилова, А.С. Бегалинов, Ю. В. Пушкарев, И. Ю. Пушкарева, К. К. Бегалинова, Е. А. Пушкарева. Оценка перспектив развития массовых открытых онлайн-курсов (МОOC): SWOT-анализ (глобальное и региональное измерение) 144

П. Я. Циткилов. Трансформации института семьи в восприятии студенческой молодежи Юга России 163

Информация для авторов и читателей 182

CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

- N. E. Demeshko, G. L. Muradov, A. A. Irkhin, O. A. Moskalenko.** “Decolonization” and “Deimperialization”: Modern Western Policy Towards Fragmentation of Russia 10
- S. A. Tambi.** Euroscepticism in the Discourse of “Russian Parties” in Estonia 31

Economics and Management of National Economy

- A. A. Urunov, I. M. Morozova.** Methodology for Assessing the Quality of the Economic Space of the Region 48
- P. V. Stroeve, M. M. Nizamutdinov, V. V. Oreshnikov.** Methodological Approach to Comprehensive Assessment of Living Standards in Russian Regions 71

Economic Sociology and Demography

- N. V. Rubtsova.** Regional Health Resort Area: Risk Assessment of Functioning and Development 90
- A. G. Manakov, N. K. Terenina, I. A. Ivanov.** Dynamics of Ethnocontact Zones in the Turkic Republics of the Ural-Volga Region in the Post-Soviet Period 108
- Ch. I. Ildarhanova, V. N. Arkhangelskiy, G. N. Ershova.** Structural and Timing Transformations of Fertility – Threats to Demographic Security of the Republic of Tatarstan 126

Social Structure, Social Institutions and Processes

- M. S. Ashilova, A. S. Begalinov, Yu. V. Pushkarev, I. Yu. Pushkareva, K. K. Begalinova, E. A. Pushkareva.** Assessment Future Evolution of Massive Open Online Courses (MOOCs): SWOT Analysis (Global and Regional Measuring) 144
- P. Ya. Tsitkilov.** Transformations of the Family Institution in the Perception of Student Youth in the South of Russia 163
- Information for Authors and Readers of the Journal** 182

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

УДК 327.2(4-15)(470+571)

doi: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

«Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России

Н. Э. Демешко¹✉

Г. Л. Мурадов²

А. А. Ирхин¹

О. А. Москаленко¹

¹ Севастопольский государственный университет
(г. Севастополь, Российская Федерация)

² Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ natalidem93@mail.ru

Аннотация

Введение. Многонациональная Россия на различных этапах своего существования сталкивается с разыгрыванием национального вопроса со стороны противоборствующих геополитических центров. Дискурс «деколонизации» и «деимпериализации» России приобрел на международной арене новый уровень актуальности после 24 февраля 2022 г. Цель исследования – определить и исследовать особенности деструктивной формы этнополитической мобилизации в регионах Российской Федерации через конструирование и продвижение дискурса «деколонизации» и «деимпериализации» России западными государствами.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования привлекаются нормативно-правовые документы США, резолюции Европарламента, публикации и выступления представителей западной политической элиты и научно-экспертного сообщества, материалы Комиссии Соединенных Штатов по безопасности и сотрудничеству в Европе, контент различных организаций, зарубежных масс-медиа и СМИ-иноагентов. Методологическая основа исследования представлена системным, геополитическим и инструменталистским подходами, а также такими методами, как мониторинг, дискурс-анализ и контент-анализ.

Результаты исследования. Изучен нарратив «деимпериализации» и «деколонизации» России в публикациях западного научно-экспертного сообщества и материалах масс-медиа, определены политические технологии западных государств, направленные на разжигание этнического национализма и в последующем сепаратистских тенденций в регионах Российской Федерации. Выявлено, что западные проекты практической политики, направленные на формирование национальных противоречий в России, реализуются прежде всего через следующие инициативы: проведение мероприятий, посвященных «деколонизации» и «деимпериализации» России; использование представителей западно ориентированных национальных элит для поощрения

© Демешко Н. Э., Мурадов Г. Л., Ирхин А. А., Москаленко О. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

сепаратистских тенденций в регионах России; принятие деклараций об «освобождении» народов России от «колониальной» зависимости; популяризация информации о необходимости «деколониализации» России через СМИ.

Обсуждение и заключение. «Деколониализация» и «деимпериализация» России направлены на реализацию деструктивной формы этнополитической мобилизации и на фрагментацию России по национальным линиям расселения. Выделено пять технологий формирования этнического национализма в российских регионах, которые применяются западными государствами в процессе современного противостояния с Россией. Результаты проведенного исследования будут полезны органам государственной власти разных уровней для разработки комплекса мер, направленных на противодействие разыгрывания «национальной карты» на территории России со стороны конкурирующих геополитических центров.

Ключевые слова: «деколониализация», «деимпериализация», национальный вопрос, сепаратизм, этнополитическая мобилизация, этнический национализм, политические технологии, политика Запада в отношении России

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917 (<https://rscf.ru/project/23-28-00917/>).

Для цитирования: «Деколониализация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России / Н. Э. Демешко [и др.] // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 1. С. 10–30. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030>

Original article

“Decolonization” and “Deimperialization”: Modern Western Policy Towards Fragmentation of Russia

N. E. Demeshko^a ✉, G. L. Muradov^b, A. A. Irkhin^a, O. A. Moskalenko^a

^a Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation)

^b Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

✉ natalidem93@mail.ru

Abstract

Introduction. Multinational Russia at various stages of its existence faces the playing out of the national question by opposing geopolitical centers. The discourse of “decolonization” and “deimperialization” of Russia has acquired a new level of relevance in the international arena after February 24, 2022. The purpose of the article is to identify and investigate the features of the destructive form of ethno-political mobilization in the regions of the Russian Federation through the construction and promotion of the discourse of “decolonization” and “deimperialization” of Russia by Western states.

Materials and Methods. The materials used in the study include U.S. legal documents, resolutions of the European Parliament, publications and speeches of representatives of the Western political elite and scientific and expert community, materials of the United States Commission on Security and Cooperation in Europe, content of various organizations, foreign mass media and media foreign agents. The methodological basis of the study is represented by systemic, geopolitical and instrumentalist approaches, as well as such methods as monitoring, discourse analysis and content analysis.

Results. The narrative of “deimperialization” and “decolonization” of Russia in the publications of the Western scientific and expert community and media materials is studied, and the political technologies of Western states oriented at the actualization of ethnic nationalism and, as a consequence, separatist tendencies in the regions of the Russian Federation are revealed. Western projects of practical policy oriented at actualization of national contradictions in the Russian Federation are implemented mainly through the following initiatives: holding events dedicated to “decolonization” and “deimperialization” of Russia; using representatives of Western-oriented national elites to actualize separatist tendencies in the regions of the Russian Federation; adopting declarations on “liberation” of the peoples of Russia from “colonial” dependence; popularization of information about the need for “decolonization”; and the use of the “decolonization” of Russia.

Discussion and Conclusion. “Decolonization” and “deimperialization” of Russia are focused on the implementation of a destructive form of ethno-political mobilization and fragmentation of the Russian Federation along national lines of settlement. The authors identify five technologies for the formation

of ethnic nationalism in the regions of the Russian Federation, which are used by Western states in the process of modern confrontation with Russia. The results of the study will be useful for public authorities at both regional and federal levels to develop a set of measures aimed at countering the playing of the “national card” on the territory of Russia by competing geopolitical centers.

Keywords: “decolonization”, “deimperialization”, national question, separatism, ethno-political mobilization, ethnic nationalism, political technologies, Western policy towards Russia

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00917 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>).

For citation: Demeshko N.E., Muradov G.L., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. “Decolonization” and “Deimperialization”: Modern Western Policy Towards Fragmentation of Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):10–30. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030>

Введение. Февраль 2022 г. открыл новый цикл противостояния России и Запада, трансформировав внешнеполитические подходы и на длительную политическую перспективу изменив повестку взаимодействия двух цивилизационных центров. Запад объявил своей основной целью «деколонизацию» и «деимпериализацию» России через освобождение «порабощенных» народов. В политической ретроспективе внутривнутриполитические национальные противоречия не раз становились механизмами ослабления одних великих держав в отношении других. Как показывает исторический опыт развития России, попытки этнонациональной мобилизации конкурирующими имперскими центрами являются традиционными и наиболее активны в процессе кризиса старого и формирования нового мирового порядка.

Россия как многонациональное государство на различных исторических этапах существования сталкивается с разыгрыванием национального вопроса на своей территории со стороны противоборствующих геополитических центров, прежде всего Запада, которые стремятся создать внутривнутриполитическую напряженность и активизировать столкновение различных этносов в рамках ее геополитического пространства. Это явно прослеживалось во время Отечественной войны 1812 г., Кавказской (1817–1864 гг.), Крымской (1853–1856 гг.), Первой и Второй мировых войн, а также в период биполярного противостояния США и Советского Союза. Впоследствии предоставление Советским Союзом автономии народам Восточной Европы привело к нарастающей волне народных движений и дало возможность элитам расколоться по линиям национальных республик СССР¹. В постсоветский период становления российской государственности национальный фактор также ставил под сомнение целостность Российской Федерации. Об этом свидетельствовали поддерживаемые извне попытки националистических кругов Чечни, Дагестана, Татарстана и других субъектов Федерации в начале 1990-х гг. продвигать в политической повестке вопрос о необходимости получения статуса «суверенных государств». Актуальность этой проблематики сохраняется и в современных геополитических реалиях. Дискурс «деколонизации» и «деимпериализации» России начал более активно внедряться Западом на международном уровне после 24 февраля 2022 г.

¹ Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2021. С. 15.

Целью исследования является анализ особенностей этнополитической мобилизации² на территории России через конструирование и продвижение дискурса «деколонизации» и «деимпериализации» страны западными государствами. В рамках достижения поставленной цели в статье решаются конкретные задачи: изучить нарратив «деимпериализации» и «деколонизации» России в публикациях западного научно-экспертного сообщества и материалах масс-медиа; определить политические технологии западных государств, направленные на формирование этнического национализма и в последующем сепаратистских тенденций в регионах России. Объектом исследования является этнонациональный фактор в контексте конкуренции великих держав, предметом – политика Запада по «деколонизации» и «деимпериализации» России.

Обзор литературы. Нарратив «колонизации» и «деколонизации» России в публикациях западного научно-экспертного сообщества конструируется не только в отношении Российской Федерации, но и Российской империи и Советского Союза. Так, в работе В. Коларца «Россия и ее колонии» происходит демонстрация определенной преемственности этнонациональной политики Российской империи и СССР. Автор отмечает, что Советская Россия часто следовала по стопам царской в плане «колонизации»³. В данном исследовании термин «колонии» прежде всего используется для обозначения таких территорий, как Украина, Прибалтика, Грузия, Армения и др., которые были низведены до «колониального статуса» в результате «вынужденной зависимости» от московского правительства. При этом данные территории, по мнению исследователя, хотя и не были отделены от метрополии морем, но имели статус, аналогичный статусу заморских зависимостей любой другой колониальной державы⁴. Как пишет А. Л. Бовдунов, схожая риторика прослеживалась и в работах других зарубежных исследователей [1, с. 647–648], в том числе М. Ходарковского [2]. Так, А. Беннигсен отмечал, что «имперский колониализм» существовал исключительно на тех российских владениях, которые значительно отличались историческим развитием, культурой и религией. В данную категорию были включены Сибирь, территории Центральной Азии, Волго-Уральские земли, Кавказ и Крым⁵.

При этом проблематика характера этнонациональной политики России (царской, советской и современной) сохраняет свою дискуссионность. Ряд исследователей, несмотря на историческую и культурно-лингвистическую близость России и Украины, все же оценивают прошлое украинского народа как колониальное [3; 4]. Эта особенность прослеживается и в публикациях журнала Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований

² Под деструктивной формой этнополитической мобилизации авторы понимают систему разрушительных технологий зарубежных государств (прежде всего, Запада и Турции), центров (автономных некоммерческих организаций) и транснациональных компаний в отношении российской идентичности, направленных на разжигание этнополитических противоречий через манипулирование историей, обычаями, ценностями, мифами и символами этнических групп для ослабления и последующей фрагментации России.

³ Kolartz W. *Russia and Her Colonies*. London : George Philip and Son, 1952. P. 124.

⁴ Там же. P. 76.

⁵ Bennigsen A. *Colonization and Decolonization in the Soviet Union* // *Journal of Contemporary History*. 1969. Vol. 4, no. 1. P. 145. <https://doi.org/10.1177/002200946900400110>

(Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies) «Slavic Review» [5; 6], а также одного из наиболее известных и влиятельных журналов по украинским исследованиям «Harvard Ukrainian Studies», издаваемого Институтом украинистики при Гарвардском университете (Ukrainian Research Institute at Harvard University) [7; 8]. Помимо публикаций, в данных организациях проводятся научные мероприятия по разработке путей и методов «деколонизации» России. Так, Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований провела в конце 2023 г. ежегодный съезд «Деколонизация», который связан с «полномасштабным вторжением России на Украину»⁶.

Об империалистической политике Советского Союза в отношении населения, не принадлежавшего к русской нации, писал и З. Бжезинский⁷. По мнению американского геополитика, для нивелирования возможного «имперского возрождения» России в будущем она должна была быть «децентрализована», так как ввиду колоссальных размеров и неоднородности страны «децентрализованная политическая система» на основе рыночной экономики скорее всего высвободила бы творческий потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы. В свою очередь, такая, в большей степени «децентрализованная», Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю⁸.

Сценарий будущей дезинтеграции России содержится и в докладе «Атлантического совета» («Atlantic Council») 2021 г. под названием «Россия после Путина: как восстановить государство»⁹. Эксперты этого американского аналитического центра указывают, что в процессе децентрализации России будут усиливаться сепаратистские тенденции и некоторые регионы могут выразить желание выйти из состава страны, но новое правительство должно быть готово к этому и, более того, механизм выхода субъектов из состава России должен быть четко и заранее очерчен в новых законах государства, так как Россия при Путине – крайний случай «глупой имперской ностальгии», которая должна быть преодолена новой политической властью¹¹. Нарратив угрозы российского империализма для стабильности мирового порядка конструируется экспертами данного аналитического центра с 2008 г.¹², что напрямую связано

⁶ Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES) Annual Convention 2023 [Электронный ресурс] // Manchester University Press. URL: <https://manchesteruniversitypress.co.uk/events/association-for-slavic-east-european-and-eurasian-studies-asee-es-annual-convention-2023/> (дата обращения: 25.10.2023).

⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2015. С. 21.

⁸ Там же. С. 238–239.

⁹ Внесен Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельностью которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

¹⁰ Aslund A., Gozman L. Russia after Putin: How to Rebuild the State [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2021. 24 Feb. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/russia-after-putin-report/> (дата обращения: 25.10.2023).

¹¹ Там же. Р. 8, 15.

¹² Joyner J. Melting the Russian Glacier [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2008. 19 Nov. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/melting-the-russian-glacier/>; Vakhitov V., Zaika N. Beyond Putin: Russian Imperialism is the No. 1 threat to Global Security [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2022. 27 Apr. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/beyond-putin-russian-imperialism-is-the-no-1-threat-to-global-security/>; Soltys D. Only Total Defeat in Ukraine can Cure Russia of its Imperialism [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2022. 7 June. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/only-total-defeat-in-ukraine-can-cure-russia-of-its-imperialism/> (дата обращения: 25.10.2023).

с пятидневной российско-грузинской войной и первыми попытками возвращения России ее субъектности на международной арене после распада СССР. Так, в данном контексте достаточно показательна статья А. Гайдая «Декolonизация крымской истории»¹³, опубликованная в августе 2022 г. В исследовании отмечается, что «имперский гнев» России по поводу потери Крыма в 1991 г. являлся предупредительным признаком потенциального конфликта, который оставался незамеченным международным сообществом и в конечном итоге привел к «войне», так как российское общество полностью не смирилось с потерей Украины и по-прежнему сохраняет «имперскую идентичность». И именно неспособность выйти за пределы имперского прошлого в 1990-е гг., по мнению автора, превратила современную Россию в «отсталую» страну, движимую «ревизионистским» желанием восстановить свою власть над бывшими «колониями», а не строить прагматичные добрососедские отношения. В заключении приведен тезис, что в настоящее время западные политики и ученые должны «деколонизировать» все постсоветское пространство.

После начала специальной военной операции на территории Украины (далее – СВО на Украине) рассматриваемая проблематика получила новый уровень актуальности и политизации, о чем свидетельствует и риторика статьи М. Кейси¹⁴. По мнению автора, Кремль в настоящий момент управляет своими «колониальными владениями», такими как Чечня, Татарстан, Сибирь и Арктика. При этом в статье указывается, что эта тенденция характерна для всей истории России, которая представляет собой якобы почти непрерывный процесс «экспансии и колонизации», а начало спецоперации на Украине расценивается исключительно как восстановление Российской империи. Кроме того, в публикации отмечается, что российскому «реваншизму» на Украине способствовали два фактора: игнорирование США истории российского империализма и их внешнеполитическая пассивность в отношении России после развала Советского Союза. Наибольшее внимание в статье, помимо украинского кризиса, уделено Чечне и Татарстану, «колонизация» которых, по мнению М. Кейси, продолжается и по настоящее время. Ключевой тезис публикации – Кремль должен утратить «имперский статус», так как именно Россия, и в частности, «российский империализм», представляет наиболее значимую угрозу международной безопасности, и «проект деколонизации» России должен быть окончательно завершен странами Запада в ближайшее время.

То есть, несмотря на то, что российский опыт взаимодействия с национальными окраинами в различные исторические эпохи существования государства не вписывается в силу ряда объективных причин в то, что именуется «колониализмом» (имеется в виду традиция взаимоотношений Запада со странами «третьего мира») [1, с. 648], зарубежные исследователи с 1950-х гг., в том числе

¹³ Gaidai O. Decolonizing Crimean History [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2022. 30 Aug. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/decolonizing-crimean-history/> (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁴ Casey M. Decolonize Russia [Электронный ресурс] // The Atlantic. 2022. 27 May. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/russia-putin-colonization-ukraine-chechnya/639428/> (дата обращения: 25.10.2023).

и эмигранты¹⁵, активно конструируют и ретранслируют нарратив о «колониальных методах» этнонациональной политики России. Одновременно с этим современные попытки «деколонизации» и «деимпериализации» России со стороны стран Запада находятся на начальной стадии изучения российским научно-экспертным сообществом, о чем свидетельствует небольшое количество публикаций¹⁶ [1], посвященных данной проблематике.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования привлекаются нормативно-правовые документы США, резолюции Европарламента, публикации и выступления представителей западной политической элиты и научно-экспертного сообщества, материалы Комиссии Соединенных Штатов по безопасности и сотрудничеству в Европе, Форума свободных народов России (постРоссии)¹⁷, «Крымской платформы», контент зарубежных масс-медиа («The Guardian», «The New York Times»), СМИ-иноагентов («Крым.Реалии», «Сибирь.Реалии», «Кавказ.Реалии», «Idel.Реалии»¹⁸), которые финансируются Конгрессом США.

Теоретико-методологической основой анализа политической мобилизации в целом и этнополитической мобилизации в частности являлись компаративные исследования революций и народных волнений Б. Мура, Т. Скочпол, Ч. Тилли и др. [9, с. 84]. Их идеи были в дальнейшем развиты в различных вариантах теории социальных движений, имеющих и этническую составляющую. Представленная публикация основана на теоретико-методологических подходах к изучению политической мобилизации, в том числе и этнокультурных общностей таких отечественных и зарубежных исследователей, как В. Авксентьев, Б. Аксумов, Г. Гриценко [10], В. Ачкасов [9; 11], П. Осколков [12], С. Поцелуев, С. Цибенко [13], Н. Глейзер, Д. Мойнихен¹⁹, К. Дженкинс²⁰, С. Красильников²¹, Дж. Ротшильд²², М. Эсман²³ и др.

Методологическая основа исследования представлена системным, геополитическим и инструменталистским подходами. Системный подход позволил авторам рассматривать целостность и взаимосвязанность этнических, внутриполитических и внешнеполитических проблематик в виде единой и сложной иерархической системы в рамках государства, региона и мира

¹⁵ Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 448 с.

¹⁶ «Декolonизация»: кто и как продвигает и готовит распад России? [Электронный ресурс] // Экспертный институт социальных исследований. URL: <https://eiss.ru/upload/iblock/9f0/9f0bfc9192b938bdccad72427118fdcf.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁷ Внесен Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

¹⁸ Данные СМИ внесены Минюстом Российской Федерации в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

¹⁹ Glazer N., Moynihan D. Introduction // Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge : Mass. : Harvard University Press, 1975. Pp. 1–26.

²⁰ Jenkins C. Resource Mobilisation: Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. Pp. 527–554.

²¹ Красильников С. А. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований. Теоретические аспекты // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) : коллектив. моногр. / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск : НГУ, 2013. 591 с.

²² Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. New York : Columbia University Press, 1981. 290 p.

²³ Esman M. Ethnic Politics. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1994. 304 p.

в целом. В свою очередь, с помощью геополитического подхода были определены механизмы использования национального вопроса региональными и глобальными акторами для получения наиболее благоприятного пространственного положения, достигаемого с помощью военных и невоенных средств. На основании инструменталистского подхода политизация этничности как элемент деструктивной формы этнополитической мобилизации рассматривается в исследовании в качестве одного из инструментов конкуренции великих и региональных держав, а также как ресурс этнонациональных элит для достижения конкретных целей: власти, экономических преференций и других социально-политических выгод.

Мониторинг контента веб-сайтов масс-медиа позволил определить роль СМИ в механизмах политизации этноидентичности народов, проживающих в регионах России. Методы дискурс-анализа и контент-анализа были применены для интерпретации американского «Закона о поработенных народах» (Public Law 86–90 Captive Nations Week Resolution)²⁴, «Декларации о деколонизации России»²⁵, а также публикаций и выступлений представителей зарубежного истеблишмента, научно-экспертного сообщества, направленных главным образом на деструктивную мобилизацию этнических групп Российской Федерации.

Результаты исследования. Заявления о «колониальной» политике современной России и о попытках российской политической элиты восстановить утраченный имперский статус звучат не только в кругу западного научно-экспертного сообщества, но и от первых лиц государств. Так, Дж. Байден, находясь с визитом в Польше в марте 2022 г., заявил, что В. Путин – «диктатор, стремящийся восстановить империю»²⁶. В этом контексте достаточно показательно и выступление Э. Макрона на 77-й Генеральной Ассамблее ООН, в ходе которого президент Франции отметил: «...то, что происходит с 24 февраля по сей день – это возвращение к эпохе империализма и колоний», и те государства, которые отмалчиваются, являются «сообщниками империализма и попирают международное право»²⁷. Помимо устных заявлений, коллективный Запад уже разрабатывает на доктринальном уровне механизмы расследования «преступлений» России на Украине с целью делигитимации российской власти. Так, в ноябре 2022 г. Европарламентом принята резолюция о признании Российской Федерации государством – спонсором терроризма²⁸, а в январе 2023 г. – резолюция,

²⁴ Public Law 86–90 Captive Nations Week Resolution [Электронный ресурс] // United States Congress : сайт. URL: <https://www.congress.gov/86/statute/STATUTE-73/STATUTE-73-Pg212.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

²⁵ Декларация о деколонизации России [Электронный ресурс] // Форум свободных народов постРоссии. URL: <http://ua.ukrlife.tv/uploads/files/decolonisation.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

²⁶ Выступление президента Байдена накануне годовщины жестокого и неспровоцированного вторжения России в Украину [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : сайт. 2023. 21 Feb. URL: <https://clck.ru/387eiX> (дата обращения: 25.10.2023).

²⁷ Эммануэль Макрон: Россия не сможет навязать свою волю силой, в том числе и на оккупированных территориях Украины [Электронный ресурс] // ООН : сайт. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/09/1431951> (дата обращения: 25.10.2023).

²⁸ Russia's war on Ukraine: Designating a State as a Sponsor of Terrorism [Электронный ресурс] // European Parliament : сайт. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/738218/EPRS_ATA\(2022\)738218_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/738218/EPRS_ATA(2022)738218_EN.pdf) (дата обращения: 25.10.2023).

согласно которой необходимо создать спецтрибунал для политического и военного руководства Российской Федерации и Беларуси²⁹.

Западные проекты практической политики, направленные на обострение национальных противоречий в регионах России, реализуются прежде всего через следующие инициативы:

- научная разработка нарративов «деколонизации» и «деимпериализации» России и их последующее распространение, в том числе и через систему образования;

- проведение мероприятий, посвященных «деколонизации» и «деимпериализации» России;

- обсуждение на международных площадках «притеснений» прав народов, проживающих в России;

- использование представителей западно ориентированных национальных элит и эмигрантов для поощрения сепаратистских действий в регионах России;

- принятие деклараций об «освобождении» народов России от «колониальной» зависимости;

- внедрение в мировое общественное сознание информации о необходимости «деколонизации» России и о якобы массовых центробежных тенденциях в российских регионах через СМИ, целевой аудиторией которых, в большей степени, являются народы России.

Так, в конце июня 2022 г. Комиссия Соединенных Штатов по безопасности и сотрудничеству в Европе провела брифинг в Конгрессе США под названием «Декolonизация России: моральный и стратегический императив»³⁰. Помимо представителей американского научно-экспертного, политического истеблишмента и активистов, в данном мероприятии также приняли участие представители черкесского и украинского народов. Черкесская активистка Ф. Тлис, получившая политическое убежище в Соединенных Штатах, в своем выступлении заявила о российской «оккупации» Черкесии. В свою очередь, украинская журналистка, экс-депутат Верховной Рады А. Гопко подняла вопрос о необходимости изменения «империалистической природы российской государственности»³¹. В ходе мероприятия участники отметили, что «варварская война России с Украиной, а до этого с Сирией, Грузией и Чечней», якобы продемонстрировала всему миру «агрессивный имперский характер» Российской Федерации³². По мнению экспертов, Москва господствует над многими коренными нерусскими народами и жестоко подавляет их национальное самознание и самоопределение, поэтому США необходимо оказывать поддержку сепаратистским движениям внутри России и национальным диаспорам. Более того, для избавления от имперских идей Россия должна владеть небольшой

²⁹ Ukraine War: MEPs Push for Special Tribunal to Punish Russian Crimes [Электронный ресурс] // European Parliament : сайт. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230113IPR66653/ukraine-war-meps-push-for-special-tribunal-to-punish-russian-crimes> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁰ Decolonizing Russia: A Moral and Strategic Imperative [Электронный ресурс] // Commission on Security and Cooperation in Europe. URL: <https://www.csce.gov/wp-content/uploads/2023/11/0623-Decolonizing-Russia-A-Moral-and-Strategic-Imperative.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

³¹ Там же.

³² Там же.

частью своей европейской территории, а на оставшемся пространстве должны появиться новые республики, такие как Сибирь, Дальний Восток, Саха, Бурятия и др.³³

Дискурс «деколонизации» и «деимпериализации» России широко обсуждается и на других антироссийских международных площадках. С мая 2022 г. в Польше, Чехии, Швеции, Бельгии, США, Японии проходят форумы свободных народов России³⁴, в которых ключевую роль играют эмигранты, позиционирующие себя представителями этнических сообществ, проживающих на территории Российской Федерации, участники региональных и национальных движений, активисты, а также эксперты из США, Великобритании, Литвы, Польши, Украины и других государств. 31 января 2023 г. в Европарламенте состоялся V Форум свободных народов постРоссии³⁵, посвященный теме «Имперская Россия. Идеология на практике: завоевание, колонизация и геноцид. Перспективы Деимпериализации и Декolonизации».

В ходе форума самопровозглашенные представители пяти регионов России³⁶ объявили о старте онлайн-референдума о независимости от Москвы³⁷. Кроме того, состоялась презентация результатов экспертного опроса «Перспективы антиколониальных и центробежных движений в отдельных субъектах Российской Федерации», имеющего манипулятивный характер. Он был проведен 4–16 января 2023 г. украинской исследовательской компанией «Социополис»³⁸. Цель исследования – оценка текущей общественно-политической ситуации в отдельных субъектах Российской Федерации и перспектив ее развития в контексте центристских и антиколониальных движений в указанных субъектах в целом, а также среди коренных народов, проживающих в них. В опросе приняли участие 27 экспертов.

Опрос носит явно прикладной характер, о чем свидетельствуют вопросы, посвященные увеличению количества противников «военных действий» России на Украине³⁹, центристскому потенциалу российских регионов, а также отношению россиян к «колониальному» статусу регионов России. Специалисты компании «Социополис» отмечают, что согласно оценкам экспертов, большинство жителей российских регионов скорее не согласилось бы с утверждением,

³³ Decolonizing Russia...

³⁴ С сентября 2022 г. название трансформировалось в Форум свободных народов постРоссии (организация запрещена в Российской Федерации).

³⁵ VI Форум свободных народов постРоссии проходил в апреле 2023 г. в США, VII Форум свободных народов постРоссии – в августе 2023 г. в Японии, VIII Форум свободных народов постРоссии – в октябре 2023 г. в Великобритании и Франции, IX Форум свободных народов постРоссии – в декабре 2023 г. в Италии и Германии, X Форум свободных народов постРоссии запланирован на апрель 2024 г.

³⁶ Данную идею высказали «представители» Кёнигсберга (Калининградская область), Ингрии (Санкт-Петербург), Урала (Екатеринбург), Сибири (Новосибирск) и Кубани (Краснодарский край).

³⁷ Форум свободных народов в Брюсселе: солидарность с Украиной, диалог с ЕС и начало референдумов [Электронный ресурс] // Форум свободных народов постРоссии. URL: <https://www.freenationsrf.org/news-posts/forum-svobodnyh-narodov-v-bryussele-solidarnost-s-ukrainoy-dialog-s-es-i-nachalo-referendumov> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸ Перспективы антиколониальных и центробежных движений в отдельных субъектах Российской Федерации // Социополис: Social, Political & Market Research. 91 с. URL: https://www.sociopolis.ua/images/Sociopolis_%20Report_rus_01.2023%20.pdf (дата обращения: 25.10.2023).

³⁹ Там же. С. 32, 33.

что их регион является колонией Российской Федерации. Эксперты также отметили, что многие жители России в настоящее время не задумываются над этим вопросом, но при проведении соответствующей информационной работы «значительная их часть могла бы согласиться с тем, что их регион является колонией Российской Федерации»⁴⁰. То есть респондентами предоставлялись конкретные рекомендации, направленные на внедрение в сознание темы «колониальной» зависимости регионов России от центра. Помимо этого, одним из выводов данного опроса является то, что наиболее положительно к реальной возможности получения независимости от России отнеслись бы именно коренные народы⁴¹. Подавляющее большинство экспертов считают вероятным сценарий дезинтеграции России на несколько частей в ближайшие 5–10 лет⁴², причем распад страны связывается ими напрямую с «победой Украины». Результаты опроса полностью соответствуют общей концепции мероприятия, поскольку на всех прошедших форумах лоббировался общий тезис: «победа Украины над Россией – это свобода колонизированным народам Российской Федерации»⁴³.

Идея о необходимости полной и всеобщей «деколонизации» и «деимпериализации» России через разделение ее территорий на отдельные государства отражена и в «Декларации о деколонизации России», принятой в июле 2022 г. на II Форуме свободных народов России (таблица).

Т а б л и ц а. Контент-анализ «Декларации о деколонизации России» (количество слов в документе – 1 250)⁴⁴

Table. Content analysis of the “Declaration about the decolonization of Russia” (number of words in a document – 1 250)

Ключевые слова (маркеры) / Keywords (markers)	Абсолютная частота упоминания маркеров / Absolute frequency of marker mentions	Относительная частота в % / Relative frequency in %
1	2	3
«Деколонизация» / “Decolonization”	10	0,8
«Имперский» (центр, управление, режим, практика) / “Imperial” (center, management, regime, practice)	8	0,6
«Колонизированные регионы», «колониальная политика» / “Colonized regions”, “colonial policy”	16	1,3
«Военные преступления», «преступники» / “War crimes”, “criminals”	4	0,3

⁴⁰ Перспективы антиколониальных и центробежных движений... С. 23.

⁴¹ Там же. С. 41.

⁴² Там же. С. 61.

⁴³ Григорьев А. III Форум свободных народов Пост-России в Гданьске [Электронный ресурс] // Idel.Реалии. 2022. 24 сент. URL: <https://www.idelreal.org/a/32049297.html> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁴ Таблица составлена авторами по: Декларация о деколонизации России [Электронный ресурс] // Форум свободных народов постРоссии. URL: <http://ua.ukrlife.tv/uploads/files/decolonisation.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

Окончание таблицы / End of table

1	2	3
«Дискриминация», «дискриминационные практики» / “Discrimination”, “discriminatory practices”	3	0,24
«Террор», «терроризм», «государство-террорист», «террористический режим» / “Terror”, “terrorism”, “terrorist state”, “terrorist regime”	5	0,4
«Геноцид» / “Genocide”	2	0,16
«Ядерное оружие», «ядерное государство» / “Nuclear weapon”, “nuclear state”	3	0,24

Контент-анализ «Декларации о деколонизации России» продемонстрировал, что ее ключевой темой являлась «колониальная политика» России в отношении своих регионов, а также ее будущая «деколонизация». Третий по количеству упоминаний маркер – «имперский» (центр, управление, режим, практика). Абсолютная частота его использования в тексте составляет 8 раз. Остальные темы, касающиеся «дискриминации», «террора», «геноцида», «преступной» политики России в отношении Украины и народов, проживающих в российских регионах, присутствуют в документе, но их упоминание значительно ниже и варьируется от 2 до 5 раз. Особый интерес представляют указания о необходимости ядерного разоружения России, так как хранение на территории страны опасных материалов якобы «нарушает права коренных народов и колонизированных регионов Российской Федерации»⁴⁵.

Необходимо отметить, что тема Крыма и Севастополя не фигурирует в ходе работы данных форумов из-за непризнания западными государствами воссоединения Крыма с Россией. Однако о «притеснениях» прав украинцев и крымских татар на Крымском полуострове со стороны России заявляют участники «Крымской платформы», инициированной Украиной в 2021 г. Изначально «Крымская платформа» создавалась как инструмент интернационализации крымского вопроса с целью «реинтеграции» Крыма, в том числе и Севастополя, в украинское пространство. Однако в 2022 г. президент Украины В. Зеленский предложил создать аналогичные «Крымской платформе» площадки для Абхазии, Приднестровья и Курил, что демонстрирует очередную попытку разжигания внутривосточной и международной напряженности на геополитическом пространстве внутри и вокруг Российской Федерации⁴⁶. Примечательно, что помимо «нарушений» прав народов, проживающих в Крыму, поднимался и вопрос «колониальной политики» России. Так, первой темой обсуждения «Крымской платформы» 2021 г. являлась «Колонизация XXI века: преодоление последствий и восстановление прав крымско-татарского народа как инструмент деоккупации Крыма», второй

⁴⁵ Декларация (о деколонизации)...

⁴⁶ Зеленский предложил аналоги «Крымской платформы» для Абхазии и Курил [Электронный ресурс] // РБК. 2022. 25 окт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/10/2022/6357c7679a7947bde2f88287> (дата обращения: 25.10.2023).

вопрос был посвящен обсуждению непризнания попытки «аннексии» Крыма как вызова для мира, во время третьей дискуссии «Реинтеграция Крыма через защиту прав человека и устойчивое развитие» участники рассматривали милитаризацию и экономическую деятельность в Азово-Черноморском регионе, а также «нарушения прав человека» на территории полуострова, проявления «дискриминации» украинцев и крымских татар, попытки «ассимиляции» украинцев российской властью. Второй саммит «Крымской платформы» состоялся в дистанционном формате при участии представителей шестидесяти зарубежных стран и международных организаций (НАТО, ООН, Совета Европы, ОБСЕ и др.). По итогам первой и второй «Крымской платформы» были приняты «Декларация Учредительного саммита» и «Совместное заявление участников Второго саммита Крымской платформы»⁴⁷, в которых также зафиксирован тезис о «притеснениях» прав украинцев и крымских татар российскими органами власти. Третья «Крымская платформа», организованная в 2023 г., продолжила традиции первых двух саммитов.

Активным субъектом «этнической фрагментации» России и отсечения тюркских постсоветских государств от Москвы в пределах исторической России является и современная Турция, которая позиционирует себя в качестве их «старшего брата» (ağabey) [14, с. 757]. Россия и Турция на протяжении различных исторических эпох находятся в динамично развивающейся и сложной системе двусторонних отношений, характеризующейся периодами как сотрудничества, так и конфронтации [15, с. 231–232]. Одним из инструментов этой конкуренции на современном этапе развития Российской Федерации и Турецкой Республики являются концепты лидерства в Русском и Тюркском мирах (Türk dünyası). Несмотря на то, что Русский и Тюркский миры – надэтнические/наднациональные понятия, и Россия, и Турецкая Республика в ходе своей конкуренции на евразийском пространстве активно задействуют религиозную, культурную, историческую близость с народами, проживающими на данной территории [16, с. 155–162; с. 167–175].

Однако именно Запад выступает основным субъектом «деколонизации» и «деимпериализации» России. Стоит отметить, что рассмотренные выше мероприятия, направленные прежде всего на обострение национальных противоречий на территории России, берут свое начало не с 2021–2022 гг., а имеют аналоги с точки зрения исторической ретроспективы. Так, схожие инициативы предпринимались великими державами и в годы Первой мировой войны. В качестве примера можно привести III конгресс Союза народов, проходивший в Лозанне в июне 1916 г. с участием представителей 23 народов, 14 из которых «находились под главенством России». Этот конгресс был направлен на формирование положительного образа Германии и позиционирование ее в качестве «друга и защитника малых наций»⁴⁸.

⁴⁷ Другой саміт [Электронный ресурс] // Кримська платформа. URL: <https://crimea-platform.org/second-summit> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁸ Цибенко В. В. Фактор нациестроительства в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции (XIX–XXI вв.): дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2022. С. 252.

Национальный вопрос разыгрывался и Соединенными Штатами в период биполярного противостояния с Советским Союзом, что отразилось в поддержке США советских эмигрантов, в использовании их для конструирования негативного имиджа СССР в международном информационном пространстве⁴⁹, а также в организации мероприятий, посвященных этнонациональной проблематике, которые остаются актуальными и для современного периода развития российско-американских взаимоотношений. Так, начиная с 1953 г. и до настоящего времени, в США ежегодно проводится «Неделя порабощенных народов», находящихся под контролем «коммунистических», а в последующем «репрессивных» режимов, к которым традиционно относится и Россия. При этом Советский Союз также отождествлялся с империей, а политика советского государства именовалась «империалистической», что отражено в «Законе о порабощенных народах» 1959 г.⁵⁰ В свою очередь, Соединенные Штаты именуются «цитаделью человеческой свободы», на которую возлагают надежды все «порабощенные народы мира»⁵¹.

Особую роль в ретрансляции и лоббировании смыслов о «колониальной политике» России в отношении своих регионов играют СМИ, так как масс-медиа не только выполняют информационную функцию, но и могут достаточно быстро и эффективно мобилизовать полиэтническое население России на конкретные действия либо при необходимости провоцировать на бездействие, что особенно актуально после 24 февраля 2022 г. Мониторинг публикаций зарубежных масс-медиа («The Guardian», «The New York Times») и СМИ-иноагентов («Крым.Реалии», «Сибирь.Реалии», «Кавказ.Реалии», «Idel.Реалии») продемонстрировал, что целевой аудиторией контента, направленного на продвижение темы «деколонизации» и возможного распада Российской Федерации, является именно население России, о чем свидетельствует сравнительный анализ количества публикаций зарубежных СМИ и СМИ-иноагентов по исследуемой теме (рисунок).

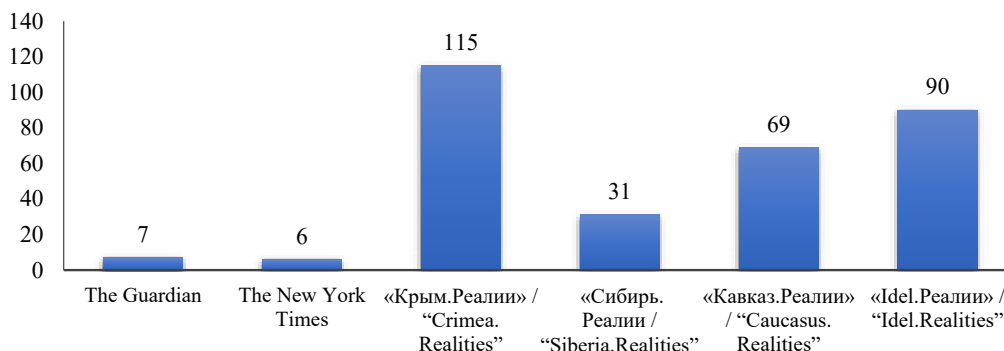
В британском и американском изданиях тема «деколонизации» России и ее возможной дезинтеграции встречается значительно реже в сравнении со СМИ-иноагентами, которые являются частью «Радио Свободы» и ориентированы на жителей конкретных регионов России. Контент «The Guardian» и «The New York Times» в большей степени связан с российской угрозой мировому порядку, украинским кризисом, а также деятельностью органов власти Украины по «деколонизации» своей культуры и истории от российского влияния⁵².

⁴⁹ Демешко Н. Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России : дис. ... канд. полит. наук. Симферополь, 2020. С. 76–89.

⁵⁰ Public Law 86–90 Captive Nations Week Resolution [Электронный ресурс] // United States Congress : сайт. URL: <https://www.congress.gov/86/statute/STATUTE-73/STATUTE-73-Pg212.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

⁵¹ Там же.

⁵² Higgins C. In Kyiv, I saw Ukrainians on the Frontlines of a Very Real Culture War [Электронный ресурс] // The Guardian. 2022. 7 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/nov/07/kyiv-ukrainians-culture-war-russian-decolonisation>; Sergatskova K. We Will Fight for Every Brick of Ukraine [Электронный ресурс] // The New York Times. 2022. 3 April. URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/03/opinion/ukraine-war-cultural-heritage.html> (дата обращения: 25.10.2023).

Р и с у н о к. Дискурс «деколонизации» России в зарубежных СМИ и СМИ-иноагентах⁵³
F i g u r e. The discourse of “decolonization” of Russia in foreign media and media foreign agents

Анализ публикаций СМИ-иноагентов продемонстрировал, что данные ресурсы выступают инструментом формирования этнических противоречий с целью внутривластной дестабилизации России. В транслируемом ими контенте можно условно выделить тематические блоки: нарушение прав и физическое уничтожение коренных народов регионов России; демонстрация преемственности Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации в «колониальной» и «ассимиляционной» политике в Крыму, Сибири, Поволжье и на Кавказе; утрата национальной государственности либо исконно национальных земель, что обозначается как «черная» дата в истории народов; «эксплуатация» природных ресурсов данных территорий Москвой; участие коренных народов России в СВО на Украине обосновывается как план по их «умышленному уничтожению», который реализуется российскими органами власти; противопоставление жителей регионов и федеральных органов власти (классическая дихотомия «мы – они», «свой – чужой»). Представляется важным, что данные ресурсы не только публикуют информационные заметки и аналитические статьи с безапелляционной антироссийской риторикой, но и готовят интервью, подкасты, циклы документальных фильмов. Помимо функционирования официальных сайтов СМИ-иноагентов, их контент также распространяется через различные информационные ресурсы: радио, телевидение, YouTube-каналы, Telegram-каналы, социальные сети.

⁵³ Рисунок составлен авторами на основе публикаций указанных СМИ. Мониторинг публикаций СМИ осуществлялся по следующим словосочетаниям: «деколонизация России» / «распад России» («decolonizing Russia» / «disintegration of Russia») с 2014 г. по февраль 2023 г. Исследование в диапазоне данных хронологических рамок связано с тем, что 2014 г. был ознаменован воссоединением Крыма с Россией, которое, помимо Мюнхенской речи В. В. Путина и российско-грузинской пятидневной войны, стало наиболее ярким проявлением пересмотра итогов холодной войны и восстановления российской субъектности. Однако отдельные СМИ-иноагенты начали функционировать позже, поэтому мониторинг исследуемых материалов варьировался в зависимости от периода их существования. Мониторинг публикаций «The Guardian» осуществлялся с 2014 г. по 22.02.2023 г., «The New York Times» – с 2014 г. по 22.02.2023 г., «Крым.Реалии» – с 2014 г. по 22.02.2023 г., «Сибирь.Реалии» – с 2017 г. по 22.02.2023 г., «Кавказ.Реалии» – с 2016 г. по 22.02.2023 г., «Idel.Реалии» – с 2016 г. по 22.02.2023 г.

Обсуждение и заключение. Исследование особенностей стимулирования националистических настроений в регионах России через формирование и продвижение идей «деколонизации» и «деимпериализации» России западными государствами позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, нарратив «деколонизации» и «деимпериализации» России главным образом направлен на реализацию деструктивной формы этнополитической мобилизации и на фрагментацию России по линиям расселения этнических групп. При этом методология разжигания национализма представляет собой сплав мифологем и реализма, т. е. идей и реальной политики. Катализатором разжигания межэтнических противоречий является формирование чувства социальной несправедливости и ущемленности у конкретной этнической общности. Однако для успешной мобилизации крайне значимы и так называемые позитивные побудители, а именно перспективы получения социально-политических и экономических выгод. Ключевую роль в консолидации этноса играет этнополитическая элита, которая в идеале до определенного времени должна быть преследуемой и гонимой, но у которой должен быть лидерский потенциал, а также разработанный политический проект будущего развития независимого национального государства. Именно для внедрения устойчивых антигосударственных мотивов и осуществляется смысловое кодирование этнических групп как через научно-экспертную литературу, так и через СМИ, которые ориентированы на более широкий круг потребления.

Во-вторых, на методологическом уровне можно условно выделить следующие технологии продвижения этнического национализма в регионах России, которые применяются западными государствами в процессе противостояния с Россией:

- формирование лояльной Западу, как правило ориентированной на ценности западной цивилизации, этнополитической элиты;
- воссоздание мифологии о «золотом веке», который был разрушен «врагами-колонизаторами», в лице которых выступает царская, советская и современная Россия;
- разработку и навязывание этническим группам концепции «заклятого врага» (России), на которого возлагается ответственность за все беды и трагические события нации;
- использование лидеров общественного мнения и эмигрантов как для получения информации про отдельные этнические группы, так и для популяризации их проблем на международной арене;
- декларация предоставления различных привилегий этническим группам, которые в недостаточной мере, по мнению национальных элит и зарубежных субъектов, присутствуют в российской системе: от особого положения национальной религии и культуры до формирования собственной государственности.

В-третьих, национальный вопрос на протяжении различных исторических эпох традиционно выступает одним из механизмов конкуренции мировых и региональных держав как в «горячих», так и в «холодных» фазах конфликтов. Для предотвращения использования Западом этнонационального фактора против России необходимо на внутривнутриполитическом и международном уровнях через систему различных мероприятий (проведение объективных сравнительных исследований, конференций, круглых столов, лекций, съемку документальных

и художественных фильмов и т. д.) раскрывать и популяризировать представления о том, что Россия – единственная в мире цивилизационная система, обеспечивающая многовековое сохранение больших и малых народов с их языками, культурами, традициями и, как правило, развитым автономным управлением [17, с. 6]. Крайне важным представляется и тот факт, что Россия как многонациональное и многоконфессиональное образование существует на 4 ключевых принципах:

1. Расширение России и присоединение новых народов происходило в большей степени на добровольной основе. При этом ни один народ не утрачивал свою этнонациональную идентичность, традиции и обычаи.

2. Россия сохраняла все многообразие народов, их национальные языки, культуру и историю. Так, начиная с XVII в. по указам русских царей долгое время сохранялись традиционные государственно-общественные, родоплеменные границы, установления, обычаи, языки нерусских народов, русский политический класс включал их как подданных в состав России, в том числе и в правящие слои империи; русская церковь проявляла значительную веротерпимость, ей не было свойственно активное миссионерство, вплоть до Петра I запрещалось насильственное крещение. И в советский период, несмотря на распространение русского языка и культуры, поощрялось развитие локальных, национальных автономий, культур⁵⁴. То есть одновременно происходили два разнонаправленных процесса: создание единства во множественности. Один уровень российской интеграции подразумевал приобщение национальных групп к русской культуре, а второй – развитие местных культур.

3. Россия – природоодаренная и насыщенная ресурсами территория, которая предоставляет всем народам равные возможности для процветания и развития. При этом обладание 35–40 % природных ресурсов, огромными запасами пресной воды и возможностями производства больших объемов продовольствия создают особую привлекательность России как государства с одним из самых высоких в мире потенциалов развития. Это обстоятельство представляет собой самый прочный заслон на пути усилий Запада по подрыву этнополитического единства страны.

4. Россия – государство, ориентированное на сохранение исторических, конфессиональных и семейных традиционных ценностей.

Именно Россия выступает более привлекательным социальным организмом для различных этносов и наций в сравнении со странами Запада, которые при расширении своих географических границ использовали методы ассимиляции и физического уничтожения в отношении различных этнонациональных групп. Российское правительство (царское, советское, современное) проводило достаточно гибкую и лояльную политику в отношении национальных окраин. В свою очередь, в странах западной цивилизации сохранялось жесткое разделение метрополий и колоний, так как последние выступали исключительно сырьевыми придатками для экономического обогащения метрополий.

Во многих странах Запада и в Турецкой Республике этнокультурные меньшинства не имеют возможности для собственной самоидентификации.

⁵⁴ Земсков В. Б. Образ России в современном мире и иные сюжеты. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. С. 35.

Это несомненный крупный изъян на фоне провозглашаемой приверженности демократическим принципам.

Что касается, в частности, Турции, то там данный подход к этнонациональным процессам был разработан первым президентом страны М. К. Ататюрком, который привнес в турецкий национализм отождествление гражданства с этнической принадлежностью. Нация мыслилась Ататюрком как общность всех граждан страны на основе турецкого этнического самосознания [18, с. 135–136], все другие этнические группы и нетитульные нации подлежали ассимиляции и отуречиванию⁵⁵. Позднее эти идеи были закреплены в ст. 66 ныне действующей Конституции Турецкой Республики, указывающей, что все граждане страны являются турками [19, с. 292–293].

Перспективным направлением исследования видится совершенствование методологии предотвращения внешнего использования национальных противоречий в России со стороны конкурирующих со страной геополитических центров (прежде всего, Запада и Турции), а также исследование инициатив других зарубежных государств, направленных на разжигание сепаратистских тенденций в российских регионах (например, консолидация на сепаратистских позициях тюркской и финно-угорской частей российской цивилизации), а также сопоставление западных и турецких механизмов использования в своих интересах фактора полиэтнической сущности российской государственности.

Исследовательский интерес представляет и концепция Русского мира, которая получила новый уровень актуальности после начала СВО на Украине, что отражено и в новой Концепции внешней политики Российской Федерации. Ключевой тезис Концепции, разработанной в условиях СВО и открытого противоборства с Западом, обозначает Россию как «самобытное государство-цивилизацию, обширную евразийскую и евро-тихоокеанскую державу, сплотившую русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»⁵⁶ и ставит вопрос о создании новых механизмов противостояния западным деструктивным технологиям, направленным на разрушение российской государственности и конструирование идентичности на основе чуждых внешних смыслов.

Результаты проведенного исследования будут полезны органам государственной власти как регионального, так и федерального уровня для разработки комплекса мер, направленных на противодействие использованию «национальной карты» на территории России со стороны стран Запада, что особенно актуально на фоне проведения Россией СВО на Украине.

Материалы публикации могут быть также использованы для разработки и преподавания учебных курсов: этнополитологии, политической конфликтологии и геополитики.

⁵⁵ Это явно прослеживается на примере черкесов и крымских татар (последние именуются в Турции крымскими турками / крымскими тюрками). Представители данных народов, проживающие в Турецкой Республике, лишены национальной печати, учебных заведений, возможности получения образования на национальном языке и т. д. В свою очередь, в России ситуация кардинально противоположная.

⁵⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. 2023. 31 марта. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 25.10.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бовдунов А. Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокOLONИализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 645–658. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658>
2. Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800 // The Journal of Modern History. 1999. Vol. 71, no. 2. Pp. 394–430. <https://doi.org/10.1086/235251>
3. Kang B. Understanding the Ukrainian Conflict from the Perspective of Post-Soviet Decolonization // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2020. Vol. 9, no. 2. Pp. 1–28. <https://doi.org/10.1353/reg.2020.0015>
4. Mäklsoo M. The Postcolonial Moment in Russia's War Against Ukraine // Journal of Genocide Research. 2023. Vol. 25, issue 3-4. Pp. 471–481. <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2074947>
5. Hagen M. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review. 1995. Vol. 54, issue 3. Pp. 658–673. <https://doi.org/10.2307/2501741>
6. Gerasimov I., Mogilner M. Deconstructing Integration: Ukraine's Postcolonial Subjectivity // Slavic Review. 2015. Vol. 74, no. 4. Pp. 715–722. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.74.4.715>
7. Delwaide J. Identity and Geopolitics: Ukraine's Grappling with Imperial Legacies // Harvard Ukrainian Studies. 2011. Vol. 32/33. Pp. 179–207. URL: <https://www.jstor.org/stable/24711662> (дата обращения: 22.10.2023).
8. Hagen M. Wartime Occupation and Peacetime Alien Rule: 'Notes and Materials' toward a(n) (Anti-) (Post-) Colonial History of Ukraine // Harvard Ukrainian Studies. 2015. Vol. 34, no. 1/4. Pp. 153–194. URL: <https://www.jstor.org/stable/44364491> (дата обращения: 22.10.2023).
9. Ачкасов В. А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 3. С. 81–89. EDN: **SMMLEH**
10. Авксентьев В. А., Аксумов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
11. Ачкасов В. А. Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 1. С. 106–128. EDN: **WKBFPV**
12. Осколков П. В. Политизация этничности и смежные феномены (Контурсы терминологического поля) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 8. С. 131–138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138>
13. Поцелуев С. П., Цибенко С. Н. Феномен национальной мобилизации: к уточнению концепта // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Том 11, № 1. С. 1–23. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-1-23>
14. Демешко Н. Э., Ирхин А. А. Турецкая Республика и Украина: использование крымскотатарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 755–770. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770>
15. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) / А. А. Ирхин [и др.] // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 214–237. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237>
16. Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии / Н. Э. Демешко [и др.] // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, № 6. С. 153–182. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182>
17. Мурадов Г. Л. Русский мир и крымская пассионарность // Международная жизнь. Специальный выпуск. 2022. 153 с. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38396> (дата обращения: 25.10.2023).
18. Савинов Л. В. Национальный вопрос в Турции // Федерализм. 2012. № 2 (66). С. 135–146. URL: <https://federalizm.rea.ru/jour/article/view/455> (дата обращения: 25.10.2023).
19. Аватков В. А., Сбитнева А. И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 2. С. 291–302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>

Поступила в редакцию 26.03.2023; поступила после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 03.07.2023.

Об авторах:

Демешко Наталья Эдуардовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Researcher ID: [ABY-8555-2022](https://orcid.org/0000-0002-9620-2410), Scopus ID: [57759845100](https://orcid.org/0000-0002-9620-2410), natalidem93@mail.ru

Мурадов Георгий Львович, кандидат исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76), заместитель Председателя Совета министров Республики Крым (295005, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Кирова, д. 13), Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2806-5821>, pprk@ppcrimea.ru

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Researcher ID: [A-4781-2019](https://orcid.org/0000-0001-7895-550X), Scopus ID: [57212405239](https://orcid.org/0000-0001-7895-550X), alex.irhin@mail.ru

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Researcher ID: [F-2699-2016](https://orcid.org/0000-0002-4162-3162), Scopus ID: [57211746837](https://orcid.org/0000-0002-4162-3162), kerulen@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. Э. Демешко – разработка концепции исследования; подготовка начального варианта текста.

Г. Л. Мурадов – развитие методологии; критический анализ текста.

А. А. Ирхин – разработка концепции исследования; развитие методологии; критический анализ текста.

О. А. Москаленко – формализованный анализ данных; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bovdunov A.L. Challenge of “Decolonisation” and Need for a Comprehensive Redefinition of Neocolonialism. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022;22(4):645–658. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658>
2. Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800. *The Journal of Modern History*. 1999;71(2):394–430. <https://doi.org/10.1086/235251>
3. Kang B. Understanding the Ukrainian Conflict from the Perspective of Post-Soviet Decolonization. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2020;9(2):1–28. <https://doi.org/10.1353/reg.2020.0015>
4. Mälksoo M. The Postcolonial Moment in Russia’s War Against Ukraine. *Journal of Genocide Research*. 2023;25(3-4):471–481. <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2074947>
5. Hagen M. Does Ukraine Have a History? *Slavic Review*. 1995;54(3):658–673. <https://doi.org/10.2307/2501741>
6. Gerasimov I., Mogilner M. Deconstructing Integration: Ukraine’s Postcolonial Subjectivity. *Slavic Review*. 2015;74(4):715–722. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.74.4.715>
7. Delwaide J. Identity and Geopolitics: Ukraine’s Grappling with Imperial Legacies. *Harvard Ukrainian Studies*. 2011;(32/33):179–207. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24711662> (accessed 22.10.2023).
8. Hagen M. Wartime Occupation and Peacetime Alien Rule: ‘Notes and Materials’ toward a(n) (Anti-) (Post-) Colonial History of Ukraine. *Harvard Ukrainian Studies*. 2015;34(1/4):153–194. Available at: <https://www.jstor.org/stable/44364491> (accessed 22.10.2023).
9. Achkasov V.A. Ethno-Political Mobilization: An Attempt to Conceptualize the Idea. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2014;(3):81–89. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **SMMLEH**
10. Avksentev V.A., Aksiumov B.V., Gritsenko G.D. Ethnicity in Political Conflicts: Ethnicization of Politics and Politicization of Ethnicity. *Political Science*. 2020;(3):74–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>

11. Achkasov V.A. The Role of “Enemy Image” in the Ethno-Political Mobilization Processes. *Political Expertise: POLITEX*. 2016;12(1):106–128. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [WKBFVP](#)
12. Oskolkov P.V. Politicization of Ethnicity and Related Phenomena. *World Economy and International Relations*. 2021;65(8):131–138. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138>
13. Potseluev S.P., Tsybenko S.N. The Phenomenon of National Mobilization: Clarifying the Concept. *Ars Administrandi*. 2019;11(1):1–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-1-23>
14. Demeshko N.E., Irkhin A.A. The Republic of Türkiye and Ukraine: Using the Crimean Tatar Question in Foreign Policy after 2014. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022;22(4):755–770. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770>
15. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Kabanova N.E., Demeshko N.E. The Rebirth of Empires: Contest and Cooperation of Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis). *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):214–237. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237>
16. Demeshko N.E., Muradov G.L., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russian and Turkic Worlds in Eurasia. *MGIMO Review of International Relations*. 2023;16(6):153–182. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182>
17. Muradov G.L. [The Russian World and Crimean Passionarity]. *The International Affairs. Special issue*. 2022. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/38396> (accessed 09.08.2023). (In Russ.)
18. Savinov L.V. National Problem in Turkey. *Federalism*. 2012;(2):135–146. Available at: <https://federalizm.rea.ru/jour/article/view/455> (accessed 25.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Avatkov V.A., Sbitneva A.I. New Nationalism of Turkish Republic. *RUDN Journal of Political Science*. 2022;24(2):291–302. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>

Submitted 26.03.2023; revised 21.06.2023; accepted 03.07.2023.

About the authors:

Natalya E. Demeshko, Cand.Sci. (Polit.), Associate Professor, Department of Political Science, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Researcher ID: [ABY-8555-2022](#), Scopus ID: [57759845100](#), natalidem93@mail.ru

Georgy L. Muradov, Cand.Sci. (History), Professor of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russian Federation), Deputy Chairman of the Council of Ministers of the Republic of Crimea (13 Kirov Ave., Simferopol 295005, Russian Federation), Permanent Representative of the Republic of Crimea to the President of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2806-5821>, pprk@ppcrimea.ru

Aleksandr A. Irkhin, Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Head, Department of Political Science, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Researcher ID: [A-4781-2019](#), Scopus ID: [57212405239](#), alex.irhin@mail.ru

Olga A. Moskalenko, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Researcher ID: [F-2699-2016](#), Scopus ID: [57211746837](#), kerulen@bk.ru

Contribution of the authors:

N. E. Demeshko – concept of the research; draft of the manuscript.

G. L. Muradov – development of the methodology; critical analysis of the text.

A. A. Irkhin – concept of the research; development of the methodology; critical analysis of the text.

O. A. Moskalenko – formal data analysis; critical analysis and editing of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 329.4(474.2)

doi: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.031-047

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Евроскептицизм в дискурсе «русских партий» Эстонии

С. А. Тамби

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
sergey.tambi@gmail.com*

Аннотация

Введение. Для партийно-политической системы Эстонии с традиционно возглавляющими ее еврооптимистическими элитами ранее было характерно наличие целого ряда «русских политических партий», традиционно исповедовавших евроскептицизм и критиковавших Европейский союз в целом или отдельные направления его деятельности. Цель исследования – определить специфические черты евроскептического партийного дискурса «русских партий» в Эстонии.

Материалы и методы. Информационную основу исследования составили результаты, полученные с применением совокупности компаративного метода (метода сравнительного анализа) и метода дискурс-анализа. Для проведения исследования выбран дизайн в стиле одиночного кейс-стади. Данные, полученные в результате использования метода дискурс-анализа, позволили изучить индикаторы евроскептического дискурса «русских партий» и обработать их программы, манифесты, предвыборные платформы, а также заявления их высокопоставленных представителей.

Результаты исследования. Выявлено, что использование «русскими партиями» евроскептицизма при ориентации на русскоязычную диаспору страны в ряде случаев показало некоторую эффективность, позволив мобилизовать электорат среди русскоязычных граждан. Однако установлено, что для небольших маргинальных «русских партий» Эстонии это не продемонстрировало продуктивности и пользы, так как такие усилия не принесли им значительного количества голосов на выборах разного уровня. Большинство из них, придерживаясь протестных евроскептических деклараций, так и не смогли принять участие в «большой политике» Эстонии и не реализовали свою евроскептическую политическую повестку.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что специфической чертой евроскептического партийного дискурса большинства «русских партий» Эстонии является его нацеленность на прагматизм для проживающих в этой стране этнических русских жителей в виде конкретных полезных для них результатов: стремление через апеллирование к Брюсселю улучшить имеющееся дискриминационное положение этнического русского населения в Эстонии, решить проблему неграждан, наконец, наладить хорошие отношения Эстонии с ее восточным соседом – Россией. Результаты исследования могут найти свое применение в академической деятельности вузов России, а также представлять интерес для политологов и регионоведов, изучающих политические процессы в Прибалтике.

Ключевые слова: Эстонская Республика, Европейский союз, «русские партии» в Эстонии, евроинтеграция в Эстонии, евроскептицизм в Эстонии, российско-эстонские взаимоотношения

© Тамби С. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тамби С. А. Евроскептицизм в дискурсе «русских партий» Эстонии // Регионология. 2024. Т. 32, № 1. С. 31–47. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.031-047>

Original article

Euroscepticism in the Discourse of “Russian Parties” in Estonia

S. A. Tambi

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
sergey.tambi@gmail.com

Abstract

Introduction. The party-political system of Estonia, with traditionally Euro-optimistic elites leading it, was previously characterized by the presence of a number of so-called “Russian political parties”, which traditionally professed Euroscepticism and criticized the European Union as whole or certain areas of its activities. The purpose of the article is to determine the specific features of the Eurosceptic party discourse of “Russian parties” in Estonia.

Materials and Methods. The information basis of the paper consisted of the results obtained using a combination of the comparative method (method of comparative analysis) and the method of discourse analysis. A single case study design was chosen for the paper. The data obtained as a result of using the discourse analysis method made it possible to study the indicators of the Eurosceptic discourse of “Russian parties” and process their programs, manifestos, electoral platforms, as well as statements of their high-ranking representatives.

Results. It was revealed that the use of Euroscepticism by the analyzed “Russian parties” when targeting the Russian-speaking diaspora of the state in a number of cases (for example, in case of the Estonian Center Party) has shown some efficacy, allowing it to mobilize the electorate among Russian-speaking citizens. However, it was found that for small marginal “Russian parties” in Estonia this did not demonstrate productivity and benefit, since such efforts did not bring them a significant number of votes in elections at various levels. Most of them, adhering to Eurosceptic protest declarations, were never able to take part in “mainstream politics” of Estonia; thereby they failed to implement their Eurosceptic political agenda.

Discussion and Conclusion. The results allow us to conclude that a specific characteristic of the Eurosceptic party discourse of the majority of “Russian parties” in Estonia is its focus on pragmatism for ethnic Russian residents living in this state in the form of concrete results that are useful for them: the desire to improve the existing discriminatory position of ethnic Russian population in Estonia through appealing to Brussels, to solve the problem of so called non-citizens, and, finally, to establish good relations between Estonia and its eastern neighbor state – Russia. The results of this study can find application in the academic activities of universities in our country, may be of interest to political and regional scientists studying political processes in the Baltic States.

Keywords: Republic of Estonia, European Union, “Russian parties” in Estonia, European integration in Estonia, Euroscepticism in Estonia, Russian-Estonian relations

Conflict of interests. The author declares no conflict of interest.

For citation: Tambi S.A. Euroscepticism in the Discourse of “Russian Parties” in Estonia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):31–47. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.031-047>

Введение. Государственное строительство в Эстонии после восстановления ее независимости в 1991 г. по модели «нация-государство» столкнулось с рядом проблем. По мнению эстонских исследователей, этот процесс с самого начала «осложнялся» присутствием русскоязычного меньшинства [1]. Все попытки завершить его интеграцию наталкиваются на сформированную местными русскими

жителями особую коллективную историческую память [2], отличающуюся от коллективной памяти этнических эстонцев. Русскоязычные жители Эстонии, имеющие сравнительно небольшое присутствие в политических институтах на национальном уровне, не испытывают удовлетворения от демократических процессов в стране [3]. Начиная с 1991 г. и вплоть до наших дней в руководимой еврооптимистическими («Брюсселе-ориентированными») политическими элитами Эстонии традиционно высоким является уровень общественного евроскептицизма, разделяемого значительной частью проживающих в этой стране русскоязычных жителей [4]. Существенен также и партийный евроскептицизм, транслируемый в разное время различными «русскими партиями» Эстонии. Актуальность настоящего исследования исходит из того, что для значительной части всех *эстоноземельцев* (т. е. не только для этнических эстонцев, но и для местных русскоязычных жителей Эстонии) традиционной и характерной является довольно высокая восприимчивость к евроскептической риторике, исходящей в том числе и от «русских партий» Эстонии. Значительная часть русскоязычных граждан этой страны традиционно полагает, что членство Эстонии в Европейском союзе (далее – ЕС), а также расширение/углубление евроинтеграции создают реальные препятствия для социальной сплоченности в Эстонии. И в наши дни «главным языком» евроскептицизма в этом прибалтийском государстве продолжает оставаться русский язык.

Компактное проживание русскоязычных жителей в некоторых регионах Эстонии формирует в них специфическую русскоязычную среду, выступающую в таких уездах главным субъективным фактором при голосовании. По оценке на 2023 г., общее число русских в Эстонии составило 306 801 чел. (или 22,5 % от общей численности населения страны)¹. По данным на 1 января 2023 г., число так называемых *неграждан* в Эстонии (среди них – преимущественно русскоязычные жители) составляло 64 297 чел. (или 4,7 % от всего населения). В электоральном поведении русскоязычных граждан Эстонии доминирующее положение занимает этнолингвистическое размежевание (раскол).

Цель исследования – определить уникальные отличительные черты, присущие евроскептицизму, исповедуемому «русскими партиями» в Эстонской Республике. Исходя из цели поставлены следующие задачи: определить евроскептическую составляющую в программных документах, политической практике «русских партий» Эстонии и риторике их лидеров; проследить эволюцию евроскептического партийного дискурса таких партий; классифицировать данные партии Эстонии на «жестких» и «мягких» евроскептиков; определить факторы, обусловившие наличие евроскептических позиций, которые поддерживаются «русскими партиями».

Политический дискурс является дискурсом политических деятелей. Он базируется на массиве партийных программ, дебатов на заседаниях в национальном парламенте (в эстонском случае – в избираемом на четыре года 101-местном однопалатном Рийгикогу), обсуждений на заседаниях правительства, а также

¹ Population by Sex, Ethnic Nationality and County, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvastik_rahvastikunaitajad-ja-koosseis__rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV0222U (дата обращения: 30.08.2023).

выступлений самих политических деятелей, их риторики [5]. Предвыборный партийный дискурс является особой разновидностью политического дискурса, который словно бы «пристегнут» к конкретному временному интервалу, а также к месту проведения определенной предвыборной кампании². К партийно-политическому дискурсу относятся партийные документы (манифесты, программы, заявления), а также речи, статьи и интервью партийных функционеров.

Чрезвычайно важным является попытка понять модальность евроскептического политического потенциала «русских партий» Эстонии по отношению к России, в особенности с учетом произошедшей в 2019–2021 гг. значительной *деевропеизации* внешней политики Эстонии ввиду функционирования в эти годы «самого антиевропейского» правительства с участием партии «жестких» евроскептиков [6]. Отметим также, что вступление Эстонии в ЕС в 2004 г. не повлияло на улучшение российско-эстонских отношений и положения русскоязычного меньшинства (чего всячески добивались, напрямую апеллируя к Брюсселю, «русские партии» Эстонии). С годами статус русскоязычных жителей в этой прибалтийской стране даже в некоторой степени осложнился. В последние годы между Россией и Эстонией (страной, на востоке которой проходит «внешняя граница» ЕС и где критическое отношение к Евросоюзу становится все более заметным) возник глубокий раскол [7].

В нашем исследовании используется классическая классификация евроскептицизма на «мягкий» и «жесткий» [8]. Последняя разновидность евроскептицизма все больше ассоциируется со странами Центрально-Восточной Европы [9]. Примерно к середине 2000-х гг. эстонской партийно-политической системе стала присуща значительная степень национализации, причем как на национальном уровне, так и более концентрированно – на местном уровне [10]. На выборах в Эстонии русскоязычный избиратель традиционно имеет весьма ограниченный выбор наиболее подходящих для него и наиболее полно учитывающих его специфические интересы политических партий. «Русские» евроскептические партии Эстонии традиционно оказывали значительное влияние на русскоязычное сообщество этой страны, однако большинство из них исповедовали «мягкий», а не «жесткий» (в его представлении как устойчивой и укорененной идеологии, реализуемой на практике) евроскептицизм [11].

Из общей категории «русские партии» Эстонии позволим себе выделить две ее условные составляющие. С одной стороны, это «чисто русские партии» Эстонии, состоящие преимущественно из русскоязычных членов, основной, а порой и единственной, задачей которых является защита русскоязычного населения страны, с другой – «условно русские партии» Эстонии, также известные как «русскоязычные партии» или «партии русских». К «чисто русским» партиям Эстонии, евроскептицизм которых рассмотрен в настоящем исследовании, отнесем следующие ранее функционировавшие в стране партии: Объединенная народная партия Эстонии (она же – Конституционная партия), Русская партия Эстонии и Русско-Балтийская партия Эстонии. Уже более десяти лет «чисто русские» партии Эстонии, растеряв свой политический капитал, принадлежат

² Корниенко А. В. Предвыборный партийный дискурс в лингвосоциологической перспективе // Символическая политика : сб. науч. тр. М., 2015. Вып. 3. С. 300.

истории (в 2012 г. из Регистра политических партий была исключена последняя такая политическая сила – Русская партия Эстонии), хотя периодически в этой прибалтийской стране появляются так пока и не реализованные на практике проекты создания русских этнических партий.

Также остановимся на рассмотрении евроскептицизма «условно русских» партий Эстонии, действующих в настоящее время, а именно крупнейшей партии в стране – Центристской партии Эстонии (ее традиционно называют именно «русской» из-за внушительного «русского крыла» внутри себя и за активную защиту в том числе и интересов русских жителей, что в целом не свойственно для националистического эстонского *политикума*), а также маргинальной политической силы под названием «Организация Коос указывает на суверенитет». Особо подчеркнем условность разделения «русских партий» на две составляющие («чисто русские» и «условно русские»): так, в рядах «чисто русских» партий Эстонии всегда присутствовало значительное число этнических эстонцев или лиц смешанного русско-эстонского происхождения (например, к 1998 г. каждый десятый сторонник «чисто русской» Объединенной народной партии Эстонии являлся этническим эстонцем)³.

Обзор литературы. К числу основных современных исследований и публикаций по тематике евроскептицизма в Эстонии, на которые опирается настоящее исследование, относится работа П. Таггарта и А. Щербяка [12], в которой предложено классическое разделение евроскептицизма на «жесткий» (*hard*) и «мягкий» (*soft*). Первый вариант евроскептицизма предполагает наличие требования о пересмотре условий вхождения государства в ЕС вплоть до выхода из него; «мягкий» вариант признает положительные аспекты европейской интеграции и не приемлет лишь некоторые «общие политики» ЕС (противоречащие национальным интересам стран какие-либо отдельные направления деятельности), подразумевая реорганизацию механизмов функционирования институтов ЕС, т. е. проведение фундаментальных реформ внутри ЕС при сохранении функционирования самого Евросоюза.

При обзоре научных исследований, посвященных данной теме, выделим работу В. Везбея, утверждающего, что евроскептицизм в Эстонии в основном базируется на чисто экономической рациональности [13]. Другие авторы рассматривают особенности евроскептически настроенного эстонского электората [14]; анализируют отношение Эстонии к евроинтеграции и выявляют присутствовавшие во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. нарративы в евроскептицизме [15; 16].

Немало работ посвящено анализу деятельности политических партий Эстонии. Так, Л. Виеренга изучил систему убеждений, цели и политическую роль евроскептической Консервативной народной партии Эстонии [17], а Т. Бекишас выявил позиции некоторых эстонских политических партий по отношению к ЕС, придя к выводу, что они не всегда отражают позиции своих избирателей в отношении Евросоюза [18]. В. В. Воротников утверждает, что евроскептицизм в Эстонии не имеет институционализированного характера

³ Andrejev A. Ühist maja ehitatakse koos [Электронный ресурс]. URL: <https://epl.delfi.ee/artikkel/50751173> (дата обращения: 14.09.2023).

и отмечает его весьма слабую консолидацию в рамках имеющейся эстонской партийной системы [19].

Определенные затруднения при разработке данной темы заключаются в неоднородности и социально-экономической фрагментированности русской общины Эстонии [20], в которой, помимо евроскептиков, представлена небольшая, но все более расширяющаяся группа так называемых *еврорусских*, настроенных по большей части еврооптимистично. Имеется и фрагментация русскоязычного электорального поля Эстонии. Трудность также возникает в связи с ориентацией «условно русских» партий страны (в особенности Центристской партии Эстонии) не только на русскоязычных жителей, но и на этнических эстонцев и наличием у них, в связи с этим, двух (порой совершенно разных) политических повесток, обращенных к представителям двух общин Эстонии – русскоязычной и эстоноязычной.

Таким образом, принимая во внимание наличие существенного крена имеющихся работ в сторону рассмотрения евроскептицизма КНПЭ, актуальность настоящего исследования вытекает из отсутствия в отечественной и зарубежной историографии научных работ, специально посвященных комплексному изучению уникальной природы евроскептицизма «русских партий», существовавших ранее или существующих в настоящее время в *политикуме* Эстонской Республики.

Материалы и методы. Объектом настоящего исследования выступает евроскептический элемент в дискурсе «русских партий» Эстонии. Работа призвана ответить на следующие исследовательские вопросы: 1) какова специфическая характеристика евроскептицизма «русских партий» Эстонии; 2) какие лозунги в политической линии этих политических партий привлекают значительное внимание русскоязычных избирателей Эстонии?

При проведении исследования изначально были отобраны текстовые материалы – институциональные (т. е. созданные политиками) тексты, официальные партийные документы, программы, манифесты, заявления партийных руководителей и влиятельных членов «русских партий» Эстонии и интервью с ними. Эмпирическую базу исследования составили партийные программы и другие документы пяти «русских партий» Эстонии. Общий объем выборки – 10 партийных программ, манифестов, платформ (в том числе предвыборных) и официальных заявлений, а также семь интервью в различных СМИ с высокопоставленными партийными функционерами «русских партий» Эстонии.

Для анализа текстовых материалов были использованы следующие методы: компаративный (метод сравнительного анализа) – для сравнения целей и задач евроскептических «русских партий», выявления специфики их евроскептической направленности в ракурсе определенной проблемы, сопоставления признаков и базовых идеологем таких партий, а также метод дискурс-анализа. Для проведения исследования выбран дизайн в стиле одиночного кейс-стади (single case study).

Исследование реализовано в несколько этапов. Во-первых, собран массив партийных программ, манифестов и платформ «русских партий» Эстонии, заявлений их лидеров и влиятельных членов по отношению к общей идее евроинтеграции Эстонии и различных аспектов деятельности Евросоюза. Во-вторых, проведен качественный контент-анализ текстов на предмет отношения

«русских партий» Эстонии к Евросоюзу. В-третьих, на основе определения положительного/отрицательного отношения партии к ЕС и евроинтеграции, (не)поддержки по конкретным направлениям политики ЕС (например, международные отношения, экономика и т. д.), а также посредством определения признаков доверия/недоверия этих партий к ЕС были выявлены евроскептические элементы. Соответствующие партии были классифицированы как «жесткие» или «мягкие» евроскептики.

Результаты исследования. Разрозненные маргинальные «чисто русские» политические партии Эстонии, являвшиеся выразителями интересов местного русскоязычного населения, в 2000-х гг. окончательно утратили свое представительство в эстонском национальном парламенте. Уже в 2003 г. ни одна из них не смогла попасть в Рийгикогу, с тех пор они пребывали в маргинальном положении, а несколько позднее и вовсе прекратили свое существование (в 2012 г. произошло слияние Русской партии Эстонии с Социал-демократической партией Эстонии). Деятельность, однако, продолжили партии из категории «условно русских». Например, Центристская партия Эстонии окончательно стала настоящим монополистом в русскоязычном электоральном сегменте страны.

Русская партия Эстонии. В 1995 г. Русская партия Эстонии (далее – РПЭ), образовав с Объединенной народной партией Эстонии избирательный союз «Наш дом – Эстония», получила представительство в эстонском парламенте (двум партиям досталось шесть мест). В 1996 г. РПЭ прошла в Таллинское городское собрание, в котором создала свою фракцию. Также была образована фракция «Наш выбор» (председатель – Л. Михайлов), в которую вошли депутаты от Объединенной народной партии Эстонии. В разные периоды времени РПЭ имела представительство в Калласте, Нарве и Палдиски. К 1998 г. партия поставила перед собой так и не реализованную цель – продвижение «нейтрального статуса» для Эстонии. Программным требованием РПЭ (не было осуществлено) стала необходимость проведения подлинно всенародного референдума (т. е. в котором бы приняли участие также и лица без гражданства) для вступления Эстонии в ЕС⁴.

В предвыборной платформе⁵ РПЭ к выборам в Рийгикогу в 1999 г. присутствовали следующие положения: способствование переговорному процессу Эстонии по вопросам евроинтеграции; приведение эстонского законодательства в соответствие с требованиями ЕС; вынесение на подлинно всенародный референдум вопроса о вступлении Эстонии в ЕС. В платформе⁶ партии к выборам в парламент в марте 2003 г. имелось требование (так и не воплощенное в жизнь) о предоставлении в период до проведения еврореферендума гражданства Эстонской Республики всем родившимся на территории Эстонии (без какого-либо исключения), а также обладателям «паспорта иностранца» (негражданина), которые имели в Эстонии постоянный вид на жительство.

⁴ Программа Русской партии Эстонии [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20050308080025/http://www.hot.ee/rpe/rus/ru_prog.htm (дата обращения: 12.09.2023).

⁵ Предвыборная платформа Русской партии Эстонии (парламентские выборы 1999 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20050115203622/http://www.hot.ee/rpe/rus/ru_pro99.htm (дата обращения: 06.09.2023).

⁶ Платформа Русской партии Эстонии к выборам в Рийгикогу 2 марта 2003 года [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20050308081805/http://www.hot.ee/rpe/rus/platforma.htm> (дата обращения: 22.08.2023).

В 1999 г. председатель РПЭ Н. Маспанов опасался, что присоединение Эстонии к Евросоюзу может нарушить устойчивость экономики страны⁷. Неправильным, по его мнению, было и отсутствие предусмотренного «выхода» страны из Евросоюза. Он утверждал, что власти Эстонии, желая вступить в ЕС, забывают о чрезвычайно высокой стоимости, которую придется заплатить за членство в нем⁸. Следующий руководитель РПЭ С. Черепанов утверждал, что только создание *Русской культурной автономии* является единственной возможностью, способной «сохранить русских в Эстонии именно как русских. По его мнению, такая *нетерриториальная автономия* стала бы «легитимным субъектом» для взаимоотношений как с Эстонией и ЕС, так и с Россией, и лишь с помощью нее в ближайшей перспективе представилось бы возможным добиться признания русских жителей Эстонии национальным меньшинством *de jure*⁹.

В программе РПЭ¹⁰, принятой после вхождения Эстонской Республики в Евросоюз, отмечается, что явление *неграждан* в стране необходимо искоренить, но уже исходя из особенностей законодательства ЕС. Ратовавшая за обеспечение равных прав для всех жителей страны, эта партия также отдельно подчеркивала, что суверенная Эстонская Республика должна «громко и четко» заявлять о своих национальных интересах на уровне Евросоюза. В 2009 г. на выборах в Европарламент РПЭ получила лишь 0,32 % голосов. Таким образом, РПЭ стояла на позиции «мягких евроскептиков».

Русско-Балтийская партия Эстонии. Позиционировавшая себя в качестве «мягких» евроскептиков, а также как своеобразный «мост» между эстонским государством и проживающими в нем русскоязычными жителями Русско-Балтийская партия Эстонии в целом стояла на центристских позициях и была нацелена как на скорейшее решение многочисленных проблем русскоязычных жителей, так и на полную интеграцию последних в эстонское общество. В 2002 г. Русско-Балтийская партия отмечала, что «непоправимое» может произойти в том случае, если страна вступит в Евросоюз со следующим лозунгом: «В Эстонии нет русских жителей»¹¹.

Объединенная народная партия Эстонии. Объединенная народная партия Эстонии (далее – ОНПЭ; с 2006 г. – Конституционная партия) образована в 1994 г.; в 1999–2003 гг. была представлена шестью депутатами в Рийгикогу. Большинство ее членов составляли русскоязычные граждане. ОНПЭ являлась относительно еврооптимистической партией (показательно ее программное утверждение о «большой важности» для Эстонии вступить в политические и экономические

⁷ О Русской партии Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moles.ee/99/Mar/06/7-1.html> (дата обращения: 19.05.2023).

⁸ Конкретный разговор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moles.ee/99/Sep/13/3-1.html> (дата обращения: 05.08.2023).

⁹ Черепанов С. Арифметика для русских [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20070702192713/http://www.rusparty.ee/?smg=16&schg=17&data=87> (дата обращения: 02.09.2023).

¹⁰ Основные положения Программы Русской партии Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20070703013403/http://www.rusparty.ee/?smg=15> (дата обращения: 27.08.2023).

¹¹ Никифоров И. Гонка за лидером. Русско-балты встали в очередь в единый русский список [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moles.ee/02/Jun/29/4-2.php> (дата обращения: 06.09.2023).

структуры Европы)¹². Ее преемник – Конституционная партия – поддерживала примат в Эстонии так и не вступившей в силу Конституции Европейского союза и всего массива законодательства ЕС¹³.

Несмотря на отсутствие «жестких» евроскептических элементов в программе этой партии, ей был присущ *ситуативный евроскептицизм* (внезапное появление на временной основе, обычно незадолго до выборов или еврореферендума, евроскептической риторики у ранее еврооптимистической политической партии в угоду текущей политической конъюнктуры и ради привлечения электората и общественного внимания). В 2003 г. ОНПЭ была замечена в довольно резком политическом маневрировании. В феврале 2003 г. ее председатель Е. Томберг стал утверждать, что в канун вступления страны в ЕС в Эстонии были предприняты попытки «ликвидировать русскую политику». Он отмечал, что эстонские власти всерьез опасались того, что местные русские жители проголосуют против членства в Евросоюзе, но полагал, что эти опасения являются все же беспочвенными. Е. Томберг подкреплял свою позицию тем, что русскоязычное население страны поддерживает вступление Эстонии в ЕС «даже гораздо активнее, чем этнические эстонцы», обосновывая это тем, что русскоязычные жители ожидают решительных и энергичных действий от Евросоюза, который мог бы коренным образом повлиять на эту прибалтийскую страну с целью окончательного преодоления дискриминационного положения национальных меньшинств¹⁴.

Примерно за один месяц до проведения еврореферендума, в августе 2003 г., Е. Томберг неожиданно выступил с громким заявлением о том, что его партия вообще не поддерживает вхождение Эстонии в ЕС¹⁵. Такая риторика шла вразрез с программой ОНПЭ по данному вопросу. Таким образом, партийное руководство, в стремлении привлечь избирателей, вдруг резко поменяло свою прежнюю позицию, пытаясь сыграть на падении уровня поддержки ЕС среди русскоязычного населения Эстонии, а также исходя из укрепляющегося среди них чувства «оторванности» от России. ОНПЭ учитывала и неприятие значительной частью русскоязычных жителей проводящегося эстонскими политическими элитами курса по «демонизации» России.

Однако по прошествии еврореферендума «ситуативный» евроскептицизм (или тактико-стратегический евроскептицизм [21]) ОНПЭ практически сошел на нет. Риторика этой партии вновь стала довольно еврооптимистической, когда она призвала привести эстонскую Конституцию и законы в полное соответствие с так и не вступившей в силу Конституцией ЕС¹⁶. В 2008 г. она слилась воедино слевой партией Эстонии: новая политическая сила получила название Объединенной левой партии Эстонии.

¹² Программа Объединенной народной партии Эстонии, с изменениями и дополнениями, принятыми VI съездом ОНПЭ 16 декабря 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20050421143744/http://www.eurp.ee/rus/programm_full.asp (дата обращения: 23.08.2023).

¹³ Программа Конституционной партии [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20080513085336/http://www.kpartei.ee/programma.html> (дата обращения: 13.08.2023).

¹⁴ Томберг Е. Власти боятся «новых граждан» накануне еврореферендума [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.delfi.ee/statja/4958781> (дата обращения: 13.08.2023).

¹⁵ Самородный О. Бремя полуверок. Особенности русской политики в Эстонии. Таллин : Vali Press, 2012. С. 155, 162.

¹⁶ О съезде Объединенной Народной партии Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20070607020444/http://www.kpartei.ee/index.php?area=1&p=static&page=cjezd> (дата обращения: 15.09.2023).

«Организация Коос указывает на суверенитет». Объединенная левая партия Эстонии решила идти на выборы в Рийгикогу в марте 2023 г. вместе с евроскептическим и популистским движением «Коос – Вместе» (тогда оно, будучи зарегистрированным как некоммерческая организация «Вместе за мир в Эстонии», еще не получило официальную регистрацию в качестве политической партии). Предвыборная программа этого «общественного движения за мир и стабильное развитие Эстонии» характеризовалась евроскептическим настроем и содержала тезисы о необходимости закрепления примата законодательства Эстонии над законодательством ЕС¹⁷. Небольшой результат Объединенной левой партии Эстонии вместе с Коос (2,4 %) на этом последнем волеизъявлении граждан Эстонии в условиях «засилья» в стране неолиберализма был признан «ярчайшим» моментом выборов¹⁸.

В мае 2023 г. движение Коос было наконец официально зарегистрировано в качестве политической партии и получило название «Организация Коос указывает на суверенитет» (далее – Коос). Политическая сила выступает за нормализацию российско-эстонских двусторонних связей, а также придание им дружественности. Программа партии предусматривает закрепление за русским языком статуса второго государственного языка в Эстонии; поддержку меньшинств в стране; закрепление в Конституции Эстонии избирательных прав на муниципальных выборах для лиц, являющихся гражданами других государств и имеющих постоянный вид на жительство в Эстонии; отмену закона об однополых браках; принятие закона о запрете пропаганды LGBTQ+; закрепление в Конституции Эстонии понятий «семьи» и «брака»; запрет на законодательном уровне русофобских проявлений и введение уголовной ответственности за их применение, использование или же пропаганду; наконец, упразднение института «безгражданства»¹⁹. Выступающую за национальный суверенитет Эстонии от Брюсселя и ее нейтралитет, а также в поддержку возведения со стороны Эстонии надежного «моста» между Западом и Востоком, новую партию в самом прибалтийском государстве незамедлительно назвали «пророссийской».

Центристская партия Эстонии. Входящая в категорию «условно русских» Центристская партия Эстонии (далее – ЦПЭ) традиционно является весьма популярной именно среди национального меньшинства Эстонии – русскоязычных жителей. В ней, помимо «эстонского», всегда существовало мощное и укорененное «русское» крыло. Ее отнесение к стану «условно русских» обусловлено и тем, что за нее на выборах разного уровня традиционно голосует значительное количество местных русскоязычных избирателей. ЦПЭ является выразителем интересов соответствующих *этнофоров*, в рассматриваемом случае – русскоязычных жителей Эстонии [22]. Постепенно разочаровавшиеся в небольших и маргинальных «чисто русских» партиях Эстонии русскоязычные избиратели последовательно переходили в лагерь твердых сторонников этой, во многом

¹⁷ Предвыборная программа «Во имя мира!» [Электронный ресурс]. URL: <https://koos-vmeste.ee/ru> (дата обращения: 02.08.2023).

¹⁸ Loone O. Vasakpartei kõrge tulemus oli tegelikult valimiste üks helgemaid momente [Электронный ресурс]. URL: <https://epl.delfi.ee/artikkel/120154656> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁹ Erakond KOOS organisatsioon osutab suveräänsusele. Poliitiline programm [Электронный ресурс]. URL: https://www.eekoos.ee/party_prog.php?l=1 (дата обращения: 05.09.2023).

прорусской, и даже в чем-то пророссийской еще со времен председателя Э. Сависаара, партии. Ее ряды постепенно пополняли и многие известные русские политики из «чисто русских» партий²⁰. Как внутри Эстонии, так и в Западной Европе, СМИ неизменно продолжают называть ЦПЭ «партией русских»²¹, особенно в свете значительного оттока в январе 2024 г. из нее эстоноязычных членов и появления все большего крена в сторону русскоязычных жителей.

Будучи влиятельной и крупной партией, неоднократно входившей в правительственные коалиции, ЦПЭ внесла свой значительный вклад в формирование евроскептического настроения среди граждан Эстонии перед эстонским евроферендумом, что в целом выглядело как ситуационное политическое лавирование. В партии всегда имелись как сторонники евроинтеграции, так и евроскептики (в том числе и «жесткие»). После евроферендума и вплоть до настоящего времени крупнейшая в Эстонии (по состоянию на январь 2024 г. – 12 792 члена) ЦПЭ стоит на еврореалистических основаниях и поддерживает процессы евроинтеграции. Несмотря на то, что евроскептические заявления практически исчезли из официального партийного дискурса ЦПЭ, у некоторых влиятельных членов партии по-прежнему прослеживаются такие взгляды.

В 2016–2019 гг. среди многих русскоязычных жителей Эстонии стало нарастать некоторое отчуждение от ЦПЭ, в поддержку которой большинство из них традиционно отдавали свои голоса. Это произошло в связи с эрозией статуса ЦПЭ как «всеохватной» партии и снижением позиционирования ее как «политического универсала». Во многом этот процесс был связан и с окончательным прекращением центристами «пророссийского» курса Э. Сависаара. Доверие к партии было подорвано и в связи с неприятием многими русскоязычными избирателями решения центристов сформировать в 2019 г. правительственную коалицию вместе с праворадикальной Консервативной народной партией Эстонии. В последнее время просматривается попытка вытеснения этими эстонскими евроскептиками-радикалами теряющей «прорусскость» ЦПЭ с русского евроскептического поля Эстонии [23]. Теперь уже бывшие сторонники центристов из числа русскоязычных жителей смотрят в сторону евроскептической Консервативной народной партии, но ее частичный возврат к старой и давно отработанной тактике по отношению к русскоязычным жителям после начала проведения нашей страной специальной военной операции и возникновения нового противостояния по линии «Восток и Запад» [24] – возобновление требований о закрытии русских школ в Эстонии, повсеместном сносе мемориалов советским воинам, в том числе памятника Воину-освободителю – продолжают отталкивать от нее русскоязычное население.

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют об исключительно прагматическом характере евроскептического элемента в дискурсе «русских партий» Эстонии, которые желают всяческого улучшения дискриминационного положения русских в Эстонии, налаживания конструктивных и дружеских отношений Эстонии с ее восточным соседом – Россией. Если

²⁰ Mudde C. *Populist Radical Parties in Europe*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 53.

²¹ Антоненко А. «Партия русских» теряет власть в Эстонии по итогам выборов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47436332> (дата обращения: 03.09.2023).

сами программы «русских партий» Эстонии часто были довольно умеренными по отношению к ЕС (в них прослеживался «мягкий»/«ситуативный» евроскептицизм или даже еврооптимизм), то в своей риторике и заявлениях (в том числе предвыборных) партийные лидеры таких политических сил время от времени транслировали «жесткий» евроскептицизм в виде эмоционального воздействия на русскоязычный электорат, прибегая к эффективному противопоставлению — *мы* («русскоязычные», «эстоноземельцы», «наша Эстония») и *они* («этнические эстонцы», «далекая от народа Брюссельская верхушка», «бюрократы-еврочиновники», «оторванный от эстонской действительности Евросоюз»).

Если в 1990-е гг. русскоязычные жители Эстонии как национальное меньшинство были настроены в своей массе довольно еврооптимистично, что было связано с их упованием на качественное и основательное улучшение своего незавидного положения после вступления Эстонии в ЕС, то в 2000-х гг. и по мере осознания ими, что какого-то коренного сдвига в этом отношении не предвидится (во многом из-за бездействия самого Брюсселя, вскоре отдавшего решение этого вопроса на откуп Таллину), многие из них переходили в стан «жестких» евроскептиков. Установлено, что к факторам наличия евроскептицизма у русскоязычных жителей Эстонии относятся следующие: опасения относительно продолжения свободного общения с близкими и родными в Российской Федерации и беспрепятственного посещения их; опасения относительно снижения уровня заработной платы и пенсий, неудовлетворенность русскоязычных жителей сохраняющимся в их отношении дискриминационным положением в этой прибалтийской стране; сохранение и поддержание ими тесных культурных, языковых и идеологических связей с соседней Россией, остающейся для многих из них «вторым домом» или «исторической Родиной»; сохраняющаяся лояльность и благожелательное отношение к России у значительной части русскоязычных жителей; наличие в виде России важного альтернативного центра влияния в Прибалтике; все большее разочарование русскоязычных жителей к институтам ЕС и отсутствие какого-либо доверительного отношения к ним; черпание значительной частью русскоязычного населения Эстонии информации из «другого» информационного поля (во многом евроскептического), насыщенного российскими геополитическими нарративами [25] (например, из интернета или российских СМИ [26]).

В настоящее время происходит постепенное снижение числа «жестких» евроскептиков среди русскоязычных жителей Эстонии, что вызвано, к примеру, окончательным прекращением вещания российских телеканалов в Эстонии и значительным усилением так называемой европропаганды из Таллина и Брюсселя, все более активно транслируемой в среде национальных меньшинств, а также продолжающимся процессом «расщепления лояльности» среди русскоязычного населения, все большим причислением их к членам эстонской *этногражданской* нации [27]. Сегодня «русские партии» Эстонии (Коос и частично ЦПЭ) продолжают делать ставку на «мягкий» евроскептицизм, например, на необходимость все большей защиты национальных интересов Эстонии на уровне ЕС. В последние годы наблюдался процесс постепенного вытеснения «русских партий» Эстонии (на примере ЦПЭ) с русского евроскептического поля страны

«эстоно-этнической» КНПЭ, а также частичный перехват ею евроскептической повестки, транслируемой на русскоязычную аудиторию. КНПЭ активно подогревала и распространяла евроскептицизм в преимущественно русскоязычных уездах Эстонии (например, в Ида-Вирумаа).

В среднесрочной перспективе использование «русскими» политическими партиями Эстонии евроскептических лозунгов при ориентации на русскоязычную общину может по-прежнему являться инструментом для мобилизации электората среди русскоязычных граждан. Например, для ЦПЭ применение таких лозунгов в свое время (например, в 2002–2003 гг.) действительно было полезно, но лишь в период «курса Э. Сависаара», ведь впоследствии партия постепенно становилась еврооптимистической, очищаясь от евроскептиков (вспомним исключение в 2022 г. из рядов ЦПЭ влиятельного и популярного евроскептического политика в Ида-Вирумаа М. А. Стальнухина). Все больше русскоязычных избирателей стало отворачиваться от ЦПЭ, партия растеряла значительную часть своих русскоязычных голосов. Для малых маргинальных «русских партий» использование евроскептического инструментария не продемонстрировало не только прорывной успешности или же революционного результата, но и вообще какого-либо толка. Ведь большинство из них, придерживаясь протестных евроскептических деклараций, так в реальности и не приняли участия в «большой политике» Эстонии и не смогли реализовать свою политическую евроскептическую повестку. Например, проблема *неграждан* в Эстонии не решена до сих пор, *Русская культурная автономия* также так и не была зарегистрирована, а ходатайствующим о ее создании (например, РПЭ) традиционно отказывалось в их прошениях: эстонские политические элиты опасались структуризации русскоязычной общины и обретения ею «единства и монолитности»; другим в какой-то мере препятствующим фактором является то, что согласно соответствующему закону от 1993 г. РКА могут создать лишь граждане Эстонии. Наконец, отношения Эстонии с Россией на политическом уровне из года в год демонстрируют все большую недружественность и упадок. Таким образом, небольшие «русские партии» в их «недолгий век» так и не смогли убедить Брюссель повлиять на Эстонию, чтобы успешно (в пользу русскоязычных жителей) разрешить все эти насущные вопросы.

Евроскептическому дискурсу многих «русских партий» Эстонии был присущ довольно неустойчивый и переменчивый характер, а также постоянная модернизация. Высокопоставленные представители многих «русских партий» то подвергали резкой критике европейскую интеграционную модель (по определенным направлениям), то ударялись в еврооптимистическую риторику. Многие официальные программы этих партий по отношению к ЕС демонстрировали сдержанность к Брюсселю и даже еврооптимизм, который впоследствии начинал резко контрастировать с партийно-политической практикой и риторикой: вдруг возникал «припрятанный до выборов» конъюнктурный «ситуативный» евроскептицизм, артикулируемый в устных заявлениях влиятельных партийных функционеров (в том числе некоторыми председателями «русских партий»). Таким образом, евроскептицизму разрозненных «русских партий» Эстонии, их игре на традиционно укорененных в среде значительной части русскоязычного

населения этой страны евроскептических воззрениях и *анти-брюссельских* настроениях во многом присущ прикладной, ситуативный и конъюнктурный характер: не многие из них стояли или стоят на евроскептических основаниях до самого конца.

Особо отметим, что в контексте «не подлежащей сомнению» важности членства Эстонии в ЕС, о которой непрестанно заявляют эстонские политические элиты, проблематика евроскептицизма в дискурсе «русских партий» Эстонии как воспринималась ранее, так и будет в среднесрочной перспективе (в случае возможного появления на партийно-политической карте Эстонии новых подобных евроскептических этнических политических сил) восприниматься политическими элитами сквозь призму секьюритизации – в связи с артикулируемым ими наличием у Эстонии геополитических проблем, а также проблем безопасности, вытекающих из географического положения этого государства. Возможное возникновение в этой стране новых «русских» евроскептических партий (например, в дополнение к недавно созданной Koos) расценивается ими как угроза безопасности для Эстонии, ведь Россия традиционно преподносится эстонскими политическими элитами как «основной бенефициар» в процессе укрепления евроскептического стана эстонского *политикума*.

Практическая значимость настоящего исследования заключается не только в использовании полученных в ходе анализа результатов при актуализации внешнеполитического курса России в отношении Эстонии, но и в актуальности прогнозирования дальнейшего развития евроскептицизма «русских партий» Эстонии, в особенности с учетом возникшего в январе 2024 г. глубокого (и обещающего быть затяжным) кризиса в Центристской партии Эстонии: избрание в 2023 г. нового председателя М. Кылварта (выступающего в поддержку эстонских русскоязычных), начавшееся в начале 2024 г. усиление в партии «русского тренда», рост внутрипартийного раскола, отток членов, значительное сокращение фракции ЦПЭ в Рийгикогу и внезапное превращение ее в самую малочисленную в парламенте, некоторое ослабевание ее бывшего влияния и даже угроза ее распада, предрекаемая маргинализация ЦПЭ, а также возможное последующее изменение всей политической динамики в Эстонии в целом.

Очевидна и несомненная польза от настоящей работы для развития данного направления исследований, так как статья затрагивает изучение положения российских соотечественников в Эстонии, поддержка которых представляет собой одно из главных направлений деятельности внешней политики Российской Федерации. Значимость исследования основывается и на возможности лучшего понимания модальности политического потенциала евроскептических «русских партий» по отношению к России. Перспективы проведения дальнейших исследований по рассматриваемой тематике заключаются в более предметном и детальном изучении евроскептического нарратива «русских партий» Эстонии (например, его отдельных составляющих), а также в использовании полученных результатов отечественными регионоведами и политологами, изучающими политические процессы на постсоветском пространстве. Статья также будет полезна для широкого круга специалистов, занимающихся прибалтийской проблематикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pettai V. National Identity and Re-Identity in Post-Soviet Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2021. Vol. 52, issue 3. Pp. 425–436. <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1944236>
2. Gorelov D. The Role of 9 May Commemorations in the Discursive Construction of Russophone Identity in Estonia // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72, issue 1. Pp. 55–79. <https://doi.org/10.1080/0968136.2019.1680608>
3. Chereson P., Estes K. W. Paradoxes of Minority Representation: A Comparison of Russophone Political Attitudes in Estonia and Latvia // *Journal of Baltic Studies*. 2023. Vol. 54, issue 3. Pp. 581–599. <https://doi.org/10.1080/01629778.2022.2150667>
4. Vetik R. E'lite vs. People? Eurosceptic Public Opinion in Estonia // *Cambridge Review of International Affairs*. 2003. Vol. 16, issue 2. Pp. 257–271. <https://doi.org/10.1080/09557570302046>
5. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // *Политические исследования*. 2004. № 3. С. 127–139. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.13>
6. Raik K., Rikmann E. Resisting Domestic and External Pressure towards De-Europeanization of Foreign Policy? The Case of Estonia // *Journal of European Integration*. 2021. Vol. 43, issue 5. Pp. 603–618. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1927011>
7. Худoley К. К. «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11, № 3. С. 4–24. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>
8. Тамби С. А. Модель «мягкого» и «жесткого» евроскептицизма: эстонский кейс // *Современная Европа*. 2023. № 5. С. 211–219. URL: <http://www.sov-europe.ru/2023-5/model-myagko-go-i-zhestkogo-evroskeptitsizma-estonskij-kejs.html> (дата обращения: 14.09.2023).
9. Узнародов И. М. Евроскептицизм после кризиса // *Современная Европа*. 2015. № 1 (61). С. 26–36. <https://doi.org/10.15211/soveurope120152636>
10. Ланко Д. А., Ланцова И. С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005–2019 гг. // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12, № 1. С. 16–31. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-2>
11. Шибкова М. О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий // *Современная Европа*. 2019. № 4 (90). С. 119–128. <https://doi.org/10.15211/soveurope42019119128>
12. Taggart P., Szczerbiak A. Contemporary Euroscepticism in the Party Systems of the European Union Candidate States of Central and Eastern Europe // *European Journal of Political Research*. 2004. Vol. 43, issue 1. Pp. 1–27. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00143.x>
13. Veebel V. Opposing the European Union or Looking for More Reforms: Different Facets of Euroscepticism in Estonia // *Romanian Journal of European Affairs*. 2017. Vol. 17, issue 2. Pp. 89–107. URL: <https://ssrn.com/abstract=3088497> (дата обращения: 14.09.2023).
14. Ehin P., Talving L. Still Second-order? European Elections in the Era of Populism, Extremism, and Euroscepticism // *Politics*. 2021. Vol. 41, issue 4. Pp. 467–485. <https://doi.org/10.1177/0263395720986026>
15. Kuus M. European Integration in Identity Narratives in Estonia: A Quest for Security // *Journal of Peace Research*. 2002. Vol. 39, issue 1. Pp. 91–108. <https://doi.org/10.1177/0022343302039001005>
16. Feldman M. European Integration and the Discourse of National Identity in Estonia // *National Identities*. 2001. Vol. 3, issue 1. Pp. 5–21. <https://doi.org/10.1080/14608940020028466>
17. Wierenga L. Russians, Refugees and Europeans: What Shapes the Discourse of the Conservative People's Party of Estonia? // *Uptake*. 2017. No. 6. 20 p. URL: <https://core.ac.uk/reader/141514828> (дата обращения: 14.09.2023).
18. Bekišas T. Party Positions on the European Union in the Baltic States: Do they Compete? Do they Mirror Voters' Positions? // *Baltic Journal of Political Science*. 2017. No. 6. Pp. 75–93. URL: <https://clck.ru/37npkj> (дата обращения: 14.09.2023).
19. Воротников В. В. Страны Балтии в условиях Brexit: еврооптимизм vs евроскептицизм // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10, № 1. С. 122–140. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140>
20. Lawrence T. Estonia: Size Matters // *PRISM*. 2023. Vol. 10, no. 2. Pp. 18–37. URL: <https://www.jstor.org/stable/48718171> (дата обращения: 14.09.2023).
21. Sitter N. The Politics of Opposition and European Integration in Scandinavia: Is Euroscepticism a Government-Opposition Dynamic? // *West European Politics*. 2001. Vol. 24, issue 4. Pp. 22–39. <https://doi.org/10.1080/01402380108425463>

22. Осколков П. В. Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 8. С. 112–118. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-112-118>
23. Braghiroli S., Makarychev A. Conservative Populism in Italy and Estonia: Playing the Multicultural Card and Engaging “Domestic Others” // *East European Politics*. 2023. Vol. 39, issue 1. Pp. 128–149. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2077725>
24. Khudoley K. New Russia-West Confrontation: War of Attrition or Escalation? // *Strategic Analysis*. 2022. Vol. 46, issue 6. Pp. 571–584. <https://doi.org/10.1080/09700161.2022.2149980>
25. Vihalemm T., Juzefovičs J. Sense-making of Conflicting Political News among Baltic Russian-speaking Audiences // *National Identities*. 2021. Vol. 23, issue 3. Pp. 253–275. <https://doi.org/10.1080/14608944.2020.1723512>
26. Erbsen H. Orientalism and Russian Speaking Minority Regions in Europe: Representing Narva // *National Identities*. 2020. Vol. 22, issue 2. Pp. 151–172. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1600485>
27. Oskolkov P. Estonianness in the Making: Transformations of Ethnic Democracy Model and Nationalism in Estonia // *Ethnopolitics*. 2023. Article no. 2216981. <https://doi.org/10.1080/17449057.2023.2216981>

Поступила в редакцию 04.10.2023; поступила после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 14.12.2023.

Об авторе:

Тамби Сергей Александрович, соискатель кафедры интеграционных процессов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5018-6574>, Researcher ID: GWU-9203-2022, Scopus ID: 58678102800, sergey.tambi@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Pettai V. National Identity and Re-Identity in Post-Soviet Estonia. *Journal of Baltic Studies*. 2021;52(3):425–436. <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1944236>
2. Gorelov D. The Role of 9 May Commemorations in the Discursive Construction of Russophone Identity in Estonia. *Europe-Asia Studies*. 2020;72(1):55–79. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1680608>
3. Chereson P., Estes K. W. Paradoxes of Minority Representation: A Comparison of Russophone Political Attitudes in Estonia and Latvia. *Journal of Baltic Studies*. 2023;54(3):581–599. <https://doi.org/10.1080/01629778.2022.2150667>
4. Vetik R. E'lite vs. People? Eurosceptic Public Opinion in Estonia. *Cambridge Review of International Affairs*. 2003;16(2):257–271. <https://doi.org/10.1080/09557570302046>
5. Gavrilova M. V. Political Discourse as Object of Linguistic Analysis. *Polis. Political Studies* 2004;(3):127–139. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.13>
6. Raik K., Rikmann E. Resisting Domestic and External Pressure Towards De-Europeanization of Foreign Policy? The Case of Estonia. *Journal of European Integration*. 2021;43(5):603–618. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1927011>
7. Khudoley K.K. The ‘Cool War’ in the Baltic Sea Region: Consequences and Future Scenarios. *Baltic Region*. 2019;11(3):4–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>
8. Tambi S.A. Model of “Soft” and “Hard” Euroscepticism: Estonian Case. *Contemporary Europe*. 2023;(5):211–219. Available at: <http://www.sov-europe.ru/2023-5/model-myagkogo-i-zhestkogo-evroskeptsizma-estonskij-kejs.html> (accessed 14.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Uznarodov I.M. Euroscepticism after the Crisis. *Contemporary Europe*. 2015;(1):26–36. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope120152636>
10. Lanko D.A., Lantsova I.S. Party System Nationalization in Estonia, 2005–2019. *Baltic Region*. 2020;12(1):16–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-2>

11. Shibkova M.O. Populism and Euroscepticism: Correlation of Notions. *Contemporary Europe*. 2019;(4):119–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope42019119128>
12. Taggart P., Szczepiński A. Contemporary Euroscepticism in the Party Systems of the European Union Candidate States of Central and Eastern Europe. *European Journal of Political Research*. 2004;43(1):1–27. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00143.x>
13. Veebel V. Opposing the European Union or Looking for More Reforms: Different Facets of Euroscepticism in Estonia. *Romanian Journal of European Affairs*. 2017;17(2):89–107. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3088497> (accessed 14.09.2023).
14. Ehin P., Talving L. Still Second-Order? European Elections in the Era of Populism, Extremism, and Euroscepticism. *Politics*. 2021;41(4):467–485. <https://doi.org/10.1177/0263395720986026>
15. Kuus M. European Integration in Identity Narratives in Estonia: A Quest for Security. *Journal of Peace Research*. 2002;39(1):91–108. <https://doi.org/10.1177/0022343302039001005>
16. Feldman M. European Integration and the Discourse of National Identity in Estonia. *National Identities*. 2001;3(1):5–21. <https://doi.org/10.1080/14608940020028466>
17. Wierenga L. Russians, Refugees and Europeans: What Shapes the Discourse of the Conservative People's Party of Estonia? Uptake. 2017;6. Available at: <https://core.ac.uk/reader/141514828> (accessed 14.09.2023).
18. Bekišas T. Party Positions on the European Union in the Baltic States: Do they Compete? Do They Mirror Voters' Positions? *Baltic Journal of Political Science*. 2017;(6):75–93. Available at: <https://clck.ru/37npkj> (accessed 14.09.2023).
19. Vorotnikov V.V. The Baltic States in the Context of Brexit: Euro-Optimism vs Euroscepticism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2017;10(1):122–140. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140>
20. Lawrence T. Estonia: Size Matters. *PRISM*. 2023;10(2):18–37. Available at: <https://www.jstor.org/stable/48718171> (accessed 14.09.2023)
21. Sitter N. The Politics of Opposition and European Integration in Scandinavia: is Euroscepticism a Government-Opposition Dynamic? *West European Politics*. 2001;24(4):22–39. <https://doi.org/10.1080/01402380108425463>
22. Oskolkov P.V. Ethnic Parties and Ethnic Voting: Conceptualization Problems and Development Factors. *World Economy and International Relations*. 2020;64(8):112–118. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-112-118>
23. Braghieri S., Makarychev A. Conservative Populism in Italy and Estonia: Playing the Multi-cultural Card and Engaging “Domestic Others”. *East European Politics*. 2023;39(1):128–149. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2077725>
24. Khudoley K. New Russia-West Confrontation: War of Attrition or Escalation? *Strategic Analysis*. 2022;46(6):571–584. <https://doi.org/10.1080/09700161.2022.2149980>
25. Vihalemm T., Juzefovičs J. Sense-Making of Conflicting Political News among Baltic Russian-speaking Audiences. *National Identities*. 2021;23(3):253–275. <https://doi.org/10.1080/14608944.2020.1723512>
26. Erbsen H. Orientalism and Russian Speaking Minority Regions in Europe: Representing Narva. *National Identities*. 2020;22(2):151–172. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1600485>
27. Oskolkov P. Estonianness in the Making: Transformations of Ethnic Democracy Model and Nationalism in Estonia. *Ethnopolitics*. 2023;2216981. <https://doi.org/10.1080/17449057.2023.2216981>

Submitted 04.10.2023; revised 05.12.2023; accepted 14.12.2023.

About the author:

Sergey A. Tambi, Candidate for a Degree, Department for Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5018-6574>, Researcher ID: GWU-9203-2022, Scopus ID: 58678102800, sergey.tambi@gmail.com

The author read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 332.12

doi: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.048-070

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Методология оценки качества экономического пространства региона

А. А. Урунов ✉

И. М. Морозова

Государственный университет управления (г. Москва, Российская Федерация)✉ urunov@rambler.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы определяется необходимостью теоретико-методологического обоснования и практической проработки проблемы измерения качества экономического пространства регионов России и его влияния на развитие региональной экономики. Отсутствие подобного рода исследований повышает значимость данной работы. Целью исследования является разработка методологических вопросов измерения качества регионального экономического пространства и обоснование методики его интегральной оценки.

Материалы и методы. Объектом исследования выступили российские регионы и их социально-экономическое состояние. Авторская методология опирается на системный анализ, эконометрическое моделирование с использованием индексов, рассчитанных на панельных данных по регионам, а также метод экспертных опросов. Для получения количественных оценок качества экономического пространства на основе данных Росстата была сформирована информационная база по 85 регионам Российской Федерации, охватывающая период с 2007 по 2021 г. Осуществлена типологизация регионов России по уровню интегрального показателя качества экономического пространства.

Результаты исследования. Предложен оригинальный методологический подход, основанный на системной оценке совокупного влияния комплекса факторов на качество регионального экономического пространства. В рамках данного подхода разработана и апробирована методика измерения качества экономического пространства региона. Осуществлена группировка регионов по уровню качества экономического пространства. На основе эконометрического моделирования и эмпирических данных установлено влияние качества экономического пространства на валовой региональный продукт российских территорий, приходящийся на душу населения.

Обсуждение и заключение. Предлагается проводить относительную оценку качества экономического пространства системой показателей, сгруппированных по трем блокам: «вход», «процесс», «выход». Такая структура показателей способна на системной основе отразить сильные и слабые стороны того или иного региона, источники региональной пространственной динамики, а значит может быть использована для интегральной оценки уровня развития территорий. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и реализации региональной экономической политики, а также будут полезны специалистам и государственным служащим, занимающимся разработкой стратегических направлений совершенствования территориального устройства Российской Федерации.

© Урунов А. А., Морозова И. М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: экономическое пространство региона, интегральная оценка качества, типология территорий, экспертное ранжирование, регрессионный анализ

Для цитирования: Урунов А. А., Морозова И. М. Методология оценки качества экономического пространства региона // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 1. С. 48–70. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.048-070>

Original article

Methodology for Assessing the Quality of the Economic Space of the Region

A. A. Urunov ✉, I. M. Morozova

State University of Management (Moscow, Russian Federation)

✉ urunov@rambler.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the topic is determined by the need for theoretical and methodological justification and practical study of the problem of measuring the quality of the economic space of Russian regions and its influence on the development of the regional economy. The absence of this type of research increases the significance of this work. The purpose of the study is to develop methodological issues for measuring the quality of the regional economic space and substantiate the methodology for its integral assessment.

Materials and Methods. The object of the study was Russian regions and their socio-economic state. The authors' methodology is based on system analysis, econometric modeling using indices calculated on panel data for regions, as well as the method of expert surveys. To obtain quantitative estimates of the economic space based on Rosstat data, an information base was created for 85 regions of the Russian Federation, covering the period from 2007 to 2021. A typology of Russian regions has been carried out according to the level of the integral indicator of the quality of the economic space.

Results. An original methodological approach is proposed, based on a systemic assessment of the total influence of a set of factors on the quality of the regional economic space. Within the framework of this approach, a methodology for measuring the quality of the economic space of a region has been developed and tested. Regions were grouped according to the level of the economic space; based on econometric modeling and empirical data, the influence of the economic space on the gross regional product per capita of Russian territories was established.

Discussion and Conclusion. It is proposed to carry out a relative assessment of the quality of the economic space using a system of indicators grouped into three blocks: "input", "process", "output". Such a structure of indicators is capable of systematically reflecting the strengths and weaknesses of a particular region, the sources of regional spatial dynamics, and therefore can be used for an integral assessment of the level of development of territories. The results of the study can be used in the development and implementation of regional economic policy, and will also be useful to specialists and government officials involved in the development of strategic directions for improving the territorial structure of the Russian Federation.

Keywords: economic space of the region, integrated quality assessment, typology of subjects, expert ranking, regression analysis

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Urunov A.A., Morozova I.M. Methodology for Assessing the Quality of the Economic Space of the Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):48–70. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.048-070>

Введение. Сбалансированное экономическое развитие территорий России во многом зависит от способности органов регионального управления отслеживать динамику качества экономического пространства и своевременно принимать корректирующие меры, для чего им необходим соответствующий научно-обоснованный инструментарий.

Задача оценки качества экономического пространства (далее – КЭП) является весьма сложной, но решаемой на основе использования обширной базы статистических данных, отражающих социально-экономическое состояние регионов. Прежде всего, необходимо выделить *ключевые факторы*, оказывающие влияние на КЭП: социальные, экономические, политические, информационные, инновационные и др. Для оценки влияния каждого из факторов на региональное экономическое пространство могут быть использованы интегральные показатели (индексы).

При оценке КЭП важен учет временного аспекта, ибо экономическое пространство является континуумом – непрерывной и продолжающей развиваться средой, свойства и характеристики которой постоянно изменяются под влиянием множества факторов, в том числе человеческой деятельности, структурных, технологических и иных сдвигов. В этом смысле показатели качества, характеризующие состояние системы в тот или иной момент времени, неприменимы для адекватного отражения его динамики. В ряде научных работ предприняты попытки рассмотрения методологических вопросов оценки КЭП в динамике¹ [1; 2], однако практическая реализация научных выводов и рекомендаций авторов этих исследований наталкивается на ряд препятствий, среди которых недоступность или недостоверность статистических данных по регионам, приводящая к существенным искажениям в оценках.

Цель исследования – разработка методологических вопросов измерения качества экономического пространства регионов (включая определение характеристик пространства и его динамических свойств), обоснование ориентированной на практическую реализацию методики оценки качества экономического пространства российских регионов и их группировка по интегральному уровню КЭП. Для реализации этой цели авторами решены следующие задачи: формирование системы показателей, позволяющих осуществлять комплексную оценку качества экономического пространства региона с учетом наличия соответствующих данных в источниках официальной статистики; разработка методики оценки и расчет уровня качества экономического пространства 85 субъектов Российской Федерации за 2019–2021 гг.; ранжирование регионов по уровню инвестиционной привлекательности на основе интегрального показателя качества; регрессионный анализ влияния уровня КЭП на ВРП на душу населения. Объектом исследования являются субъекты Федерации и их социально-экономическое состояние, а предметом – совокупность экономических отношений, формирующих качество экономического пространства.

Обзор литературы. В отечественных и зарубежных публикациях много раз поднималась проблема влияния различных факторов на инвестиционную привлекательность регионов. Однако исследований, посвященных изучению качества экономического пространства в контексте региональной инвестиционной политики и экономического регулирования, в настоящее время практически нет.

¹ Бияков О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2004. 152 с.; Вардомский Л. Б. Российское экономическое пространство: вопросы единства в условиях глобализации : науч. доклад. М. : Ин-т экономики РАН, Центр стран СНГ и Балтии, 2006. 19 с.

По мнению П. И. Бурака, на состояние экономического пространства значительное влияние оказывает его отраслевое разнообразие и уровень отраслевого развития². Учитывая многопрофильность как минимум половины хозяйствующих субъектов, а также то, что субъекты, входящие в одну отрасль, могут сильно отличаться по уровню развития, подобная позиция вызывает сомнение. Не исключено также, что отраслевое и региональное развитие могут быть не связанными напрямую. Так, валовой региональный продукт некоторых территорий российского Севера сопоставим с соответствующим показателем Москвы и Санкт-Петербурга, чего нельзя сказать об уровне и качестве жизни населения указанных субъектов Федерации.

А. Г. Гранберг предлагает интересный подход к типологизации регионов, выделяя своего рода их «идеальные типы» (по терминологии М. Вебера), к которым он относит регион как квазигосударство, регион как квазикорпорацию, регион как рынок и регион как социум³. О. В. Иншаков указывает на то, что пространство следует рассматривать не «как пустоту, наполненную предметами», а как качественную определенность, «детерминированную насыщающими его предметами» [3]. Т. Н. Аврамчикова обращает внимание на использование количественных показателей социально-экономического развития региона и существующие между ними внутренние связи, обеспечивающие качественное состояние экономического пространства [1, с. 3]. Автор выделяет 11 индикаторов качества экономического пространства, сгруппированных по трем блокам, отражающим *плотность, размещение и связность* пространства [1, с. 7]. Сама методология представляет большую научную ценность, однако ее практическое использование требует громоздких расчетов и может привести к искажению результатов оценки вследствие нарушения условия сопоставимости регионов. Так, например, заложенный в методику показатель плотности путей сообщения, измеряемый в км/км², может быть применим там, где функционируют железные дороги, однако в шести российских регионах железнодорожная сеть вообще отсутствует.

А. В. Суворова рассматривает экономическое пространство как единство его физической основы (территории) и среды, определяющей условия деятельности, развития и взаимодействия субъектов хозяйствования, при этом подчеркивается подверженность данного единства постоянным изменениям [4]. Концепция А. В. Суворовой совпадает с позицией А. Г. Гранберга (территориальный подход) и привлекает внимание тем, что в ней экономическое пространство охватывает протекающие на территории социально-экономические процессы.

Заслуживает внимания взгляд Ю. Г. Лавриковой на региональное пространство как «социально-экономическую среду взаимодействия хозяйствующих субъектов, которая создается применяемыми на территории механизмами регулирования экономики» [5, с. 157]. Автор подробно исследует роль и значение различных факторов развития экономического пространства, среди которых: человеческий капитал, а также информационные, институциональные, инфраструктурные,

² Бурак П. Региональные программы социального развития в условиях формирования рынка // Российский экономический журнал. 1996. № 3. С. 15–16.

³ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 3-е изд. М. : ГУ ВШЭ, 2004. С. 101.

инновационные ресурсы развития. В рамках логики регионального развития Ю. Г. Лаврикова выделяет три переходных этапа эволюции экономического пространства: от хозяйства модерна к экономике постмодерна, далее через устойчивое развитие к интеграции региона в глобальные экономические процессы. К сожалению, в трудах автора мы не обнаружили стремления оценить качество экономического пространства.

По мнению Н. М. Сурниной экономическое пространство представляет собой «эволюционирующую, циклично саморазвивающуюся, иерархически организованную суперсистему (целостность), в каждой ячейке (точке) которой существует информационная программа развития (в проявленном или непроявленном состоянии), обуславливающая потенциальность, наполненность и многообразие форм его развития»⁴. О. В. Иншаков и Д. П. Фролов подчеркивают, что «параметры и тенденции эволюции экономического пространства отражают логику и динамику воспроизводства его эндогенных компонентов – факторов производства» [6, с. 175]. Однако измерение качества экономического пространства в задачи авторов не входит.

Систематизировав имеющиеся теоретические подходы, О. А. Бияков выдвигает следующий тезис: «Экономическое пространство – это отношение между экономическими процессами субъектов хозяйствования и совокупным экономическим процессом по формированию возможных результатов экономической деятельности»⁵. В исследовании автора можно обнаружить попытки количественной оценки результатов хозяйственной деятельности в экономическом пространстве.

Во многих работах отмечается разнообразие свойств экономического пространства⁶ [7; 8]. При этом среди прочих свойств большинством ученых наиболее существенным признается свойство *связанности*. Данное свойство мы не относим к природе ограниченного экономического пространства, скорее оно проявляется благодаря функционированию единого экономического пространства во взаимодействии с мировым пространством. К сожалению, авторы многих работ обходят тему единого экономического пространства, связывая его с интеграционными процессами и полагая не заслуживающим обсуждения. По словам И. С. Симаровой, полемика вокруг термина «единое экономическое пространство» чуть ли не закрыта в научном сообществе [9, с. 110]. В качестве одного из немногочисленных исключений следует указать на глубокое и целостное исследование «Единое и общее экономическое пространство»⁷.

На роль интеграционных процессов как фактора развития регионального пространства указывают А. Г. Полякова и И. С. Симарова. По их мнению, реализация потенциала связанности требует «введения однотипных механизмов регулирования экономики, основанных на рыночных принципах и использовании единых оценочных норм для процесса развития» [10, с. 34]. Авторы приходят

⁴ Сурнина Н. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики / науч. ред. Е. Г. Анимца. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. эконом. ун-та, 2003. С. 23.

⁵ Бияков О. Теория экономического пространства: методологические и региональные аспекты. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2004. С. 23.

⁶ Анимца Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект. Пермь : ПГУ, 2007. 124 с.; Сурнина Н. Пространственная экономика...

⁷ Урунов А. А. Единое и общее экономическое пространство. М. : Синергия, 2014. С. 123.

к выводу, что причиной связанности регионов являются именно межрегиональные интеграционные процессы. Подобная позиция приближает ученых к понятию единого экономического пространства.

Свойство связанности территории начинает проявляться на уровне хозяйствующих субъектов, объектов производственной и социальной инфраструктуры региона, а затем уже на уровне межрегиональной и межнациональной интеграции деятельности агентов. На мезоуровне свойство связанности является ключевым для формирования экономического пространства, однако степень связанности с трудом поддается количественному измерению.

Для оценки *степени связанности* экономического пространства С. А. Кириллова и О. Г. Кантор предлагают использовать показатели, сгруппированные в зависимости от отражения ими связей экономического, социального или финансового характера. К первой группе авторы относят объемы грузоперевозок железнодорожным и автомобильным транспортом, а также объем внешней торговли, определяемый параметрами экспорта-импорта; ко второй – объемы пассажирских перевозок железнодорожным транспортом и автобусами общего пользования, а также коэффициенты миграционного прироста; к третьей – объем бюджетных инвестиций региона в основной капитал [8, с. 67]. На наш взгляд, данные показатели могут характеризовать качество единого экономического пространства, но не позволяют оценить качество регионального экономического пространства.

В представлении В. В. Радаева обособленного экономического пространства не существует, есть только экономическое поле как «совокупность экономических действий» в рамках социального пространства [11, с. 22]. Однако что такое социальное пространство? Согласно П. Сорокину, «социальное пространство является трехмерным, что соответствует трем осям стратификационных координат: политической, профессиональной и экономической»⁸. В подавляющем большинстве случаев социальные отношения людей начинаются и заканчиваются удовлетворением своих потребностей в материальных и нематериальных благах. А значит, в чистом виде социальное пространство без экономики не существует.

Теоретический анализ зарубежных источников показывает, что вопросам регионального экономического развития за последние 5 лет посвящено незначительное количество публикаций. Для представителей унитарных государств отсутствие интереса к исследуемой теме вполне объяснимо. Однако в мире насчитывается 35 государств с федеративным устройством, в которых данная тема, казалось, должна широко обсуждаться, что не находит подтверждения. Проанализируем некоторые зарубежные публикации, представляющие определенный интерес в контексте нашего исследования. С. Роккетта с соавторами акцентируют внимание на таком качестве экономического пространства, как устойчивость, на факторах ее формирования и роста [12]. Интерес к устойчивости связан с необходимостью выявления причин неравномерности в процессе регионального развития. Региональное пространство интересует авторов с точки

⁸ Теория социального пространства П. Сорокина и ее особенности [Электронный ресурс]. URL: <https://zaochnik.com/spravochnik/sotsiologija/istorija-sotsiologii/sotsialnoe-prostranstvo-sorokina/> (дата обращения: 19.09.2023).

зрения взаимосвязи между технологическим профилем региона и его устойчивостью к внешним потрясениям, а потому представляет для нас ограниченный интерес. К. Куватсука в своей работе рассматривает региональную структуру экономического пространства Индии с использованием статистических методов анализа главных компонент и кластерного анализа [13]. В ходе анализа выявлен ключевой фактор изменения национальной пространственной структуры, которым стало появление мегаполисов. Однако задачи данного исследования сосредоточены на классификации возможностей трудоустройства с учетом пространственной структуры страны и далеки от решения проблемы измерения качества экономического пространства.

П. Доре и К. Нараянан исследуют региональную экономику Индии, пытаясь ответить на вопросы об оценке роли экономического разнообразия, факторах, определяющих различия между индийскими регионами [14]. Обсуждаемые авторами вопросы представляют интерес с точки зрения разработки региональной политики размещения производительных сил, инвестиций, создания рабочих мест и рыночных возможностей. К сожалению, в работе не идет речь о свойствах и функциях пространства региона, тем более о его качестве.

Ссылаясь на недавние исследования в области экономической географии, С. Г. Симонов с соавторами подчеркивают, что экономическое пространство играет структурообразующую роль в формировании локальных рынков с интенсивным взаимодействием бизнес-агентов [15]. Однако понятия экономического пространства и его качества в публикации глубоко не прорабатываются. Качество экономического пространства интересует авторов с точки зрения способности бизнеса к эффективному взаимодействию с ним. К показателям, характеризующим КЭП, авторы относят показатели плотности, размещения и связанности, которые используются в международной практике. Я. Бондарева с коллегами сосредотачивают внимание на неэффективной региональной экономической структуре, огромных внутренних различиях и неравенствах, а также снижении экономической значимости ряда регионов России, что создает угрозы устойчивому пространственному развитию территорий и целостности национального экономического пространства [16]. Подчеркивается, что при оценке качества экономического пространства региона необходимо определить тип пространственной структуры, к которой принадлежит рассматриваемая территория, что требует учета пространственных факторов.

Завершая краткий обзор литературы по теме исследования, отметим, что уже более четверти века вопросы экономического пространства, его свойств и параметрических характеристик глубоко и успешно развиваются в трудах многих отечественных авторов [3; 17–19]. Можно смело говорить о наличии стройной теории экономического пространства. Вместе с тем мы вынуждены констатировать факт отсутствия комплексного подхода к измерению его качества.

Качество представляет собой «множество важнейших отличительных признаков и свойств предмета или явления, придающих ему форму и определенность», и, согласно принципу целостности, «несводимо к отдельным его свойствам, охватывая его в полном объеме» [20, с. 149]. Исходя из этого, использование одного параметра или небольшого набора отдельных показателей не позволит

осуществить комплексную оценку качества экономического пространства. В литературе, правда, такие попытки неоднократно предпринимались разными авторами (Т. Н. Аврамчиковой, О. А. Бияковым, Ю. Г. Лавриковой, А. Г. Поляковой), однако предложенные ими показатели могут служить лишь для отдельных расчетов, разработки определенного проекта в рамках специальных научных исследований.

Ниже будет представлен авторский подход к рассматриваемой проблеме, который исходит из того, что «экономическое пространство представляет собой сферу, охватывающую, территорию, аэроторию и акваторию в пределах административных границ территориального образования, в котором протекают различные социально-экономические процессы, в том числе экономические взаимоотношения и взаимодействия людей и хозяйствующих субъектов»⁹. В свою очередь, *качество экономического пространства* – это совокупность его устойчивых и изменчивых характеристик и свойств в соотношении последних со стратегическими интересами и потребностями хозяйствующих субъектов и населения в рамках существующей институциональной среды [21].

Материалы и методы. Авторская методология опирается на системный анализ, эконометрическое моделирование с использованием индексов, рассчитанных на панельных данных по регионам, а также метод экспертных опросов.

На основе уточнения таких основополагающих категорий, как «экономическое пространство» и «качество экономического пространства», нами разработана система показателей (индексов) для интегральной оценки качества экономического пространства региона и обоснован алгоритм их расчета.

Для получения количественных оценок КЭП на основе данных Росстата была сформирована информационная база по 85 регионам Российской Федерации, охватывающая период с 2007 по 2021 г. С целью определения значимости (ранжирования) индексов качества проведен экспертный опрос с привлечением специалистов. Это позволило вывести итоговую формулу определения интегрального показателя качества регионального экономического пространства. На основе выполненных расчетов осуществлена типологизация регионов России по уровню данного показателя.

В ходе регрессионного анализа установлена высокая теснота связи интегрального уровня качества экономического пространства российских регионов как с индексом душевого ВРП, так и с его абсолютным значением.

Результаты исследования. Опыт регионального планирования и управления субъектами Федерации за последние 30 лет показывает, что постепенное сближение уровней экономического и социально-культурного развития регионов, являясь закономерным процессом, может направляться в интересах каждого субъекта в соответствии со стратегическими интересами развития единого экономического пространства страны. Выравнивание уровней экономического развития регионов в то же время не предполагает абсолютного равенства ВРП или ВРП на душу населения.

Чрезмерное и одинаковое налогообложение регионов, без учета их специализации, размещения производительных сил, и, в конце концов, их роли

⁹ Урунов А. А. Единое и общее экономическое пространство. С. 44.

в обеспечении национальной безопасности в долгосрочной перспективе, может привести к антагонистической обособленности регионов и фрагментации экономических территорий. Сегодня процесс развития хозяйства регионов происходит на основе целенаправленного, быстро расширяющегося использования достижений отечественной и мировой науки и технологий. Он характеризуется значительными масштабами вовлекаемых в производство материальных средств, усложнением структуры производства, быстрым внедрением новых технологий, усложнением и значительным количественным ростом связей между хозяйствующими субъектами, усилением взаимозависимости между ними как отдельными звеньями хозяйственного организма.

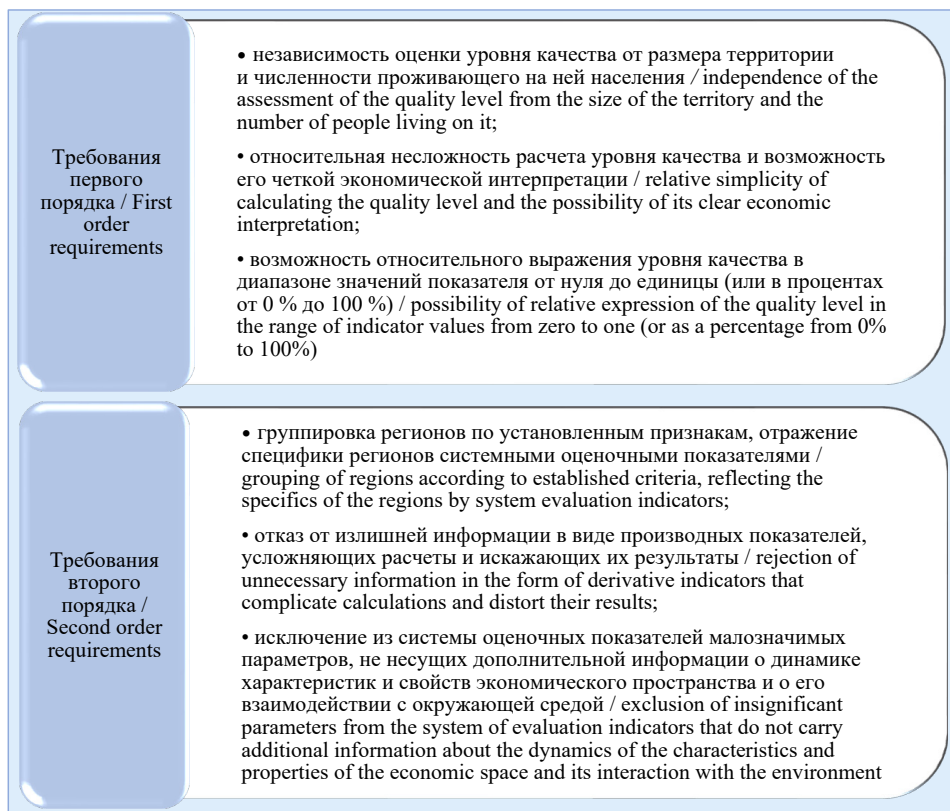
Процесс выравнивания уровней экономического развития регионов сопровождается повышением уровня и качества жизни населения, обобщающим показателем которого, на наш взгляд, является валовой региональный продукт на душу населения, с чем соглашаются многие исследователи. Однако по вопросу измерения КЭП нет единого мнения, а предлагаемые показатели оценки вызывают серьезные сомнения и возражения.

Нередко качество экономического пространства предлагается оценивать простым набором параметров. В случае сопоставимости регионов по особенностям территориальной организации хозяйства и расселения, уровню хозяйственного освоения и развития территории это может быть оправдано. С определенной натяжкой такому критерию может соответствовать совокупность территорий одного федерального округа. В отношении же 89 субъектов Федерации (включая новые регионы), различающихся по размерам, природно-климатическим условиям, трудовому потенциалу и т. д., добиться сопоставимости результатов на основе расчета отдельных показателей не представляется возможным. Только *интегральная оценка* по совокупности показателей может характеризовать качество экономического пространства и его динамику.

В связи с этим целесообразно предварительно сформулировать ряд требований, с учетом которых должна осуществляться оценка качества экономического пространства (рис. 1).

Оценка детерминации качества экономического пространства на региональном уровне совокупностью изменчивых факторов требует использования интегральных показателей (индексов). Анализ имеющихся научных исследований в данной области свидетельствует о нерешенности указанной проблемы.

Руководствуясь системным подходом, с учетом введенных ограничений (рис. 1) предлагается проводить относительную оценку КЭП системой показателей, сгруппированных *по трем блокам*: 1) «вход» системы (факторы формирования и развития экономического пространства); 2) «процесс» (параметры социально-экономических процессов, протекающих в системе); 3) «выход» системы (результаты формирования качества экономического пространства). Такая структура показателей способна на системной основе отразить сильные и слабые стороны того или иного региона, источники региональной пространственной динамики, а значит, может быть использована для интегральной оценки уровня развития территорий.

Р и с. 1. Основные требования к методике проведения
оценки качества экономического пространства¹⁰

F i g. 1. Basic requirements for the methodology for assessing the quality of economic space

Из 30 показателей, всесторонне характеризующих уровень социально-экономического развития региона и качества жизни населения, авторами выбрано 10 ключевых, исходя из критериев доступности и достоверности источников информации для их расчета (табл. 1). «Вход» системы (регионального экономического пространства – РЭП) включает капитальные, трудовые и финансовые ресурсы, что отражается соответствующими показателями. Функционирование РЭП («процесс») характеризуют текущие параметры деловой активности (индекс уровня занятости), доходов (индекс сравнительной заработной платы), безопасности, ожидаемой продолжительности жизни. Результат функционирования РЭП («выход») фиксируется показателями, выражающими нацеленность социально-экономического и пространственного развития на человека. Что касается остальных 20 показателей, то расчеты по ним, ввиду отсутствия объективных данных, могут оказаться затруднительными, а их достоверность – сомнительной.

¹⁰ Здесь и далее в статье рисунки и таблицы составлены авторами.

Таблица 1. Систематизация индексов, отобранных для проведения интегральной оценки качества экономического пространства региона

Table 1. Systematization of the indices selected for the integrated assessment of the quality of the economic space of the region

Показатель / Indicator	Обозначение / Designation	Формула расчета / Calculation formula	Условное обозначение и электронный адрес источника данных / Symbol and URL address of the data source
1	2	3	4
<i>Показатели, отражающие условия формирования регионального экономического пространства и его качества / Indicators reflecting the conditions for the formation of the regional economic space and its quality</i>			
Индекс объема инвестиций в основной капитал / Index of the volume of investments in fixed assets	$Ин_1$	$\frac{\Pi_1(r)}{\bar{\Pi}_1(R)}$	$\Pi_1(r)$ – объем региональных инвестиций в основной капитал на душу населения / volume of regional investments in fixed assets per capita; $\bar{\Pi}_1(R)$ – средний подушевой объем инвестиций по Российской Федерации / average per capita investment volume in the Russian Federation <i>Источник:</i> https://clck.ru/38dY9R
Индекс объема инвестиций в человеческий капитал / Index of the volume of investments in human capital	$Ин_2$	$\frac{\Pi_2(r)}{\bar{\Pi}_2(R)}$	$\Pi_2(r)$ – объем инвестиций субъекта Федерации в человеческий капитал на душу населения / volume of investments of the subject of the Federation in human capital per capita; $\bar{\Pi}_2(R)$ – среднероссийский объем инвестиций на душу населения / average Russian investment volume per capita <i>Источник:</i> https://clck.ru/38dYAU
Индекс расчетной бюджетной обеспеченности / Index of estimated budget security	$Ин_3$	$\frac{\Pi_3(r)}{\bar{\Pi}_3(R)}$	$\Pi_3(r)$ – расчетные налоговые доходы на одного жителя субъекта Федерации / estimated tax income per inhabitant of a federal subject; $\bar{\Pi}_3(R)$ – расчетные налоговые доходы на одного жителя в среднем по консолидированным бюджетам субъектов Российской Федерации / estimated tax revenues per inhabitant on average for the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation <i>Источник:</i> https://clck.ru/38dYBF
Индекс объема жилищного строительства / Housing construction volume index	$Ин_4$	$\frac{\Pi_4(r)}{\bar{\Pi}_4(R)}$	$\Pi_4(r)$ – ввод в действие жилых домов по субъекту Федерации на душу населения / commissioning of residential buildings in the subject of the Federation per capita; $\bar{\Pi}_4(R)$ – ввод жилья на душу населения в среднем по России / housing commissioning per capita on average in the Russia <i>Источник:</i> https://clck.ru/32G9yL

Блок «Вход» / The “Entrance” block

Окончание табл. 1 / End of table 1

	1	2	3	4
<i>Показатели, характеризующие процесс функционирования регионального экономического пространства / Indicators characterizing the process of functioning of the regional economic space</i>				
Блок «Процесс» / The “Process” block	Индекс занятости / Employment index	$И_{н_5}$	$1 - U(r)$	$U(r)$ – уровень безработицы в регионе Источник: https://clck.ru/38dXuc
	Индекс сравнительной зарботной платы / Comparative salary index	$И_{н_6}$	$\frac{\Pi_6(r)}{\bar{\Pi}_6(R)}$	$\Pi_6(r)$ – среднемесячная заработная плата наемных работников в регионе / average monthly salary of employees in the region; $\bar{\Pi}_6(R)$ – среднемесячная заработная плата в среднем по стране / average monthly salary is the national average Источник: https://clck.ru/38dXuc
	Индекс безопасности / Security Index	$И_{н_7}$	$\frac{\bar{\Pi}_7(R)}{\Pi_7(r)}$	$\bar{\Pi}_7(R)$ – медианный уровень преступности в целом по стране / median crime rate in the whole country; $\Pi_7(r)$ – уровень региональной преступности / level of regional crime Источник: https://clck.ru/riQNHf
	Индекс ожидаемой продолжительности жизни населения / Index of life expectancy of the population	$И_{н_8}$	$\frac{\Pi_8(r)}{\bar{\Pi}_8(R)}$	$\Pi_8(r)$ – средняя продолжительность жизни населения региона / average life expectancy of the region’s population; $\bar{\Pi}_8(R)$ – средняя продолжительность жизни населения по стране / average life expectancy of the population in the country Источник: https://clck.ru/38dXuc
<i>Показатели, отражающие результат функционирования регионального экономического пространства / Indicators reflecting the result of the functioning of the regional economic space</i>				
Блок «Выход» / The “Exit” block	Индекс небедности / Index of non-poverty	$И_{н_9}$	$1 - P(r)$	$P(r)$ – уровень бедности в регионе / level of poverty in the region Источник: https://clck.ru/38dXuc
	Индекс подушевого ВВП / Per capita GRP index	$И_{н_{10}}$	$\frac{\Pi_{10}(r)}{\bar{\Pi}_{10}(R)}$	$\Pi_{10}(r)$ – объем валового регионального продукта на душу населения региона / volume of the gross regional product per capita of the region; $\bar{\Pi}_{10}(R)$ – объем валового регионального продукта на душу населения в целом по стране / volume of gross regional product per capita in the whole country Источник: https://clck.ru/38dYoi

Следует учитывать, что качество исходной информации и аналитических материалов может затруднить расчет и интерпретацию полученных значений. Это может быть связано:

1) с несовершенством методик расчета некоторых показателей региональной статистики. Так, в официальной статистике за среднюю заработную плату, как правило, принимается начисленная, а не выплаченная заработная плата. В случае массовых задержек заработной платы различия между ними могут быть существенными;

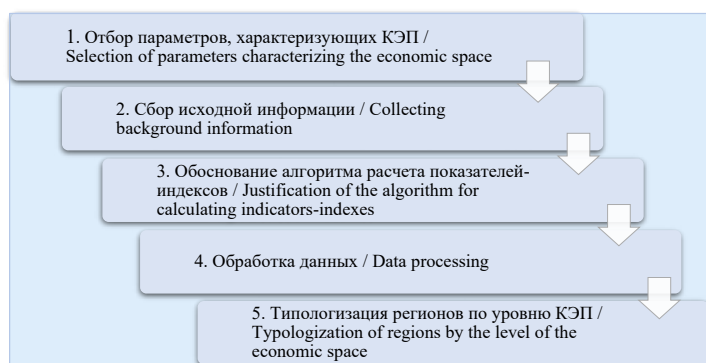
2) с отсутствием или сомнительностью первичных данных, касающихся реальных доходов населения в регионах.

Предлагаемая нами методика, будучи основанной на данных официальной статистики, применима для большинства регионов. Однако для некоторых

территорий (существенно отличающихся по природным, демографическим и иным естественным условиям) представленную систему показателей в случае необходимости можно доработать, вводя поправочные коэффициенты с учетом их специфики. В данной работе мы не ставили перед собой задачу разработки поправочных коэффициентов, так как это требует дополнительных экспериментальных расчетов.

Привлекательность данного алгоритма заключается в том, что оценка производится с учетом параметров, отражающих гуманитарную и криминальную ситуацию в регионе (к которым можно отнести ожидаемую продолжительность жизни населения, число зарегистрированных преступлений и др.), и после проведенного экспертного опроса и расчета соответствующих показателей.

Порядок измерения КЭП, предлагаемый авторами, включает пять этапов (рис. 2).

Р и с. 2. Основные этапы оценки качества экономического пространства
F i g. 2. Main stages of assessing the quality of the economic space

Первый этап – отбор параметров, характеризующих качество регионального экономического пространства с учетом критериев полноты, наглядности и доступности информации; уточнение источников исходных данных для их расчета.

Второй этап – сбор и обработка исходной информации, важнейшим источником которой по отобранным показателям является ежегодник Федеральной службы государственной статистики «Регионы России».

Третий этап – обоснование алгоритма расчета показателей-индексов.

В нашем случае целесообразно проведение опроса экспертов для установления значимости показателей качества экономического пространства.

Первоначально составляется список экспертов. Для репрезентативности выборки и объективности оценки к опросу необходимо привлечь хозяйственных руководителей, представляющих различные сферы экономики. Число участвующих в опросе должно быть не менее 10 человек. С этой целью авторами разработана анкета, в которой перед экспертами поставлена задача проранжировать показатели с точки зрения их влияния на состояние экономического пространства (в порядке убывания их значения).

Нами был проведен опрос экспертов в городах Москве, Калуге и Курске. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. Любопытно, что помимо ответов, эксперты предложили дополнительные параметры

и индикаторы, по их мнению, также отражающие качество экономического пространства, среди них – обеспеченность территории газом, электроэнергией, всеми видами коммунальных услуг (холодное и горячее водоснабжение, отопление и др.), а также широкополосной сетью Интернет.

Согласно методике, значение «1» присваивается наиболее важному, по мнению эксперта, индикатору, а значение «10» – наименее значимому. Соответственно, каждому показателю эксперты присваивают тот или иной ранг, руководствуясь своими знаниями, опытом и интуицией. Как показал опрос (табл. 2), экспертные оценки параметров существенно отличаются. Далее из перечня индикаторов выбирается самый значимый индикатор (имеющий наименьшую сумму рангов).

После обработки данных опроса был рассчитан интегральный показатель КЭП по формуле:

$$\text{КЭП} = \sum_{i=1}^{10} a_i \text{И}_{n_i},$$

где КЭП – интегральный показатель качества экономического пространства; И_{n_i} – значение i -го индекса; a_i – вес (значимость) i -го индекса.

Ниже представлена итоговая формула расчета интегрального показателя КЭП:

$$\begin{aligned} \text{КЭП} = & 0,1344 \text{И}_{n_1} + 0,1543 \text{И}_{n_2} + 0,0748 \text{И}_{n_3} + 0,0640 \text{И}_{n_4} + 0,1420 \text{И}_{n_5} + \\ & + 0,1132 \text{И}_{n_6} + 0,0833 \text{И}_{n_7} + 0,0758 \text{И}_{n_8} + 0,0844 \text{И}_{n_9} + 0,0738 \text{И}_{n_{10}}. \end{aligned}$$

Четвертый этап предполагает обработку исходных данных. Все показатели приводятся к индексной форме. Для этого значение каждого регионального показателя делится на среднее значение соответствующего показателя в целом по России. Изначальная неоднородность экономического пространства и колоссальный разброс экономического потенциала не позволяют выбрать в качестве эталона значения показателей регионов, поставленных в заведомо лучшие условия, поэтому мы остановились на среднероссийских значениях показателей.

Превышение индексами значения «1» по отдельным регионам в большей степени определяется исходными преимуществами неэкономического происхождения (столичный статус г. Москвы, регистрация ПАО «Газпром» в г. Санкт-Петербурге, ресурсный потенциал таких регионов, как Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тюменская область и т. п.), что дает таким субъектам возможность присваивать своего рода дифференциальную ренту. Поэтому если рассчитанное отношение превысит единицу, то индексу условно присваивается значение «1».

Пятым этапом является типологизация регионов по уровню КЭП в соответствии с разработанной нами шкалой оценки. Для этого на основе среднероссийских значений показателей рассчитывается интегральный показатель качества экономического пространства, который принимается за эталон. Далее определяются уровни качества экономического пространства каждого субъекта Федерации, в соответствии с которыми регионы распределяются на три группы: в *первую группу* (оценка «хорошо») входят регионы, уровень КЭП которых варьируется от 0,80 до 1,00; *вторая группа* включает регионы, имеющие уровень КЭП в пределах от 0,70 до 0,79 (оценка «удовлетворительно»); регионы с уровнем КЭП 0,69 и ниже составляют *третью группу* (оценка «неудовлетворительно»).

Т а б л и ц а 2. Экспертное ранжирование индикаторов качества экономического пространства
Table 2. Expert ranking of economic space quality indicators

Итоговое место / Final place	Список индикаторов качества экономического пространства / List of indicators of the quality of the economic space	Оценка экспертов / Expert assessment										Коэффициент относительной важности / Coefficient of relative importance	Значимость показателя / Significance of the indicator
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
3	Индекс инвестиций в основной капитал / Index of investments in fixed assets	4	2	3	1	6	5	3	3	4	7	38	0,1344
1	Индекс инвестиций в человеческий капитал / Human capital investment index	3	1	5	2	4	3	2	4	3	6	33	0,1543
8	Индекс расчетной бюджетной обеспеченности / Index of estimated budget security	1	3	7	10	8	9	7	7	6	5	63	0,0748
10	Индекс объема жилищного строительства / Housing construction volume index	2	10	6	7	10	10	9	9	9	8	80	0,0640
2	Индекс занятости населения / Employment index of the population	5	4	4	6	3	2	8	1	1	2	36	0,1420
4	Индекс сравнительной заработной платы / Comparative salary index	6	5	8	3	5	7	6	2	2	1	45	0,1132
6	Индекс безопасности / Security index	8	6	10	8	1	1	3	8	5	9	59	0,0833
7	Индекс ожидаемой продолжительности жизни / Life expectancy index	9	7	2	4	2	8	6	10	10	10	57	0,0758
5	Индекс бедности / Index of non-poverty	7	8	9	5	7	4	5	5	8	3	61	0,0844
9	Индекс полушевого ВРП / Per capita GRP index	10	9	1	9	9	6	8	6	7	4	69	0,0738
Всего / Total												6,4796	1

Предложенная методика позволяет проводить межрегиональные сравнения качества экономического пространства и выстраивать рейтинг инвестиционной привлекательности регионов. Инвестиционная привлекательность определяется, с одной стороны, инвестиционным потенциалом, с другой – инвестиционными рисками. Часть предложенных оценочных показателей (индекс инвестиций в основной капитал, индекс инвестиций в человеческий капитал и др.) характеризуют инвестиционный потенциал региона, а такие показатели, как индекс занятости, безопасности, небедности, отражают уровень рисков. Поэтому интегральная оценка КЭП по совокупности показателей может быть использована при составлении рейтинга инвестиционной привлекательности регионов. Полученный рейтинг может служить основой корректировки государственной социально-экономической политики.

В соответствии с разработанной методикой произведен расчет качества экономического пространства 85 субъектов Федерации. Полученные результаты отражены в таблице 3.

Таблица 3. Типологизация регионов по авторской методике (2019–2021 гг.)

Table 3. Typologization of regions according to the authors' methodology (2019–2021)

Субъект Федерации / Subject of the Russian Federation	2019	2020	2021
1	2	3	4
<i>Интегральный показатель КЭП от 0,80 до 1,00 / The integral index of the CEP is from 0.80 to 1.00</i>			
Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,98	0,99	0,97
Московская область / Moscow Region	0,97	0,99	0,96
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra	0,99	0,99	0,98
Москва / Moscow	0,97	0,98	0,97
...			
Ярославская область / Yaroslavl Region	0,80	0,81	0,85
Калининградская область / Kaliningrad Region	0,82	0,81	0,83
Камчатский край / Kamchatka Territory	0,80	0,80	0,91
<i>Переходные регионы (в разные годы регионы можно отнести к разным группам) / Transitional regions (regions can be classified into different groups in different years)</i>			
Омская область / Omsk Region	0,76	0,80	0,80
Ставропольский край / Stavropol Territory	0,78	0,80	0,78
...			
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	0,75	0,75	0,80
Республика Алтай / Republic of Altai	0,73	0,71	0,81
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	0,71	0,70	0,84
<i>Интегральный показатель КЭП от 0,70 до 0,79 / Integral index of the CEP is from 0.70 to 0.79</i>			
Саратовская область / Saratov Region	0,78	0,79	0,78
Волгоградская область / Volgograd Region	0,75	0,78	0,74
...			
Псковская область / Pskov Region	0,72	0,70	0,78
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	0,70	0,70	0,76

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4
<i>Переходные регионы (в разные годы регионы можно отнести к разным группам) / Transitional regions (regions can be classified into different groups in different years)</i>			
Республика Тыва / Republic of Tuva	0,70	0,69	0,76
Ивановская область / Ivanovo Region	0,66	0,68	0,73
...			
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayev-Circassian Republic	0,68	0,63	0,75
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	0,63	0,62	0,72

В первую группу (индекс КЭП выше 0,80) вошли: по состоянию на 2020 г. – 43 субъекта Федерации; по данным за 2021 г. – 57 регионов. Во вторую группу (индекс КЭП в диапазоне от 0,70 до 0,79) попали: в 2020 г. – 33 региона, а в 2021 г. – 28 регионов. В третью группу (индекс КЭП ниже 0,70) в 2020 г. вошли 9 регионов. По данным за 2021 г. уровень КЭП ниже 0,7 не зафиксирован ни в одном регионе.

Ввиду большого объема полученных данных в таблице 3 представлены результаты не по всем 85 субъектам Федерации, а только по лучшим и худшим в каждой группе регионов.

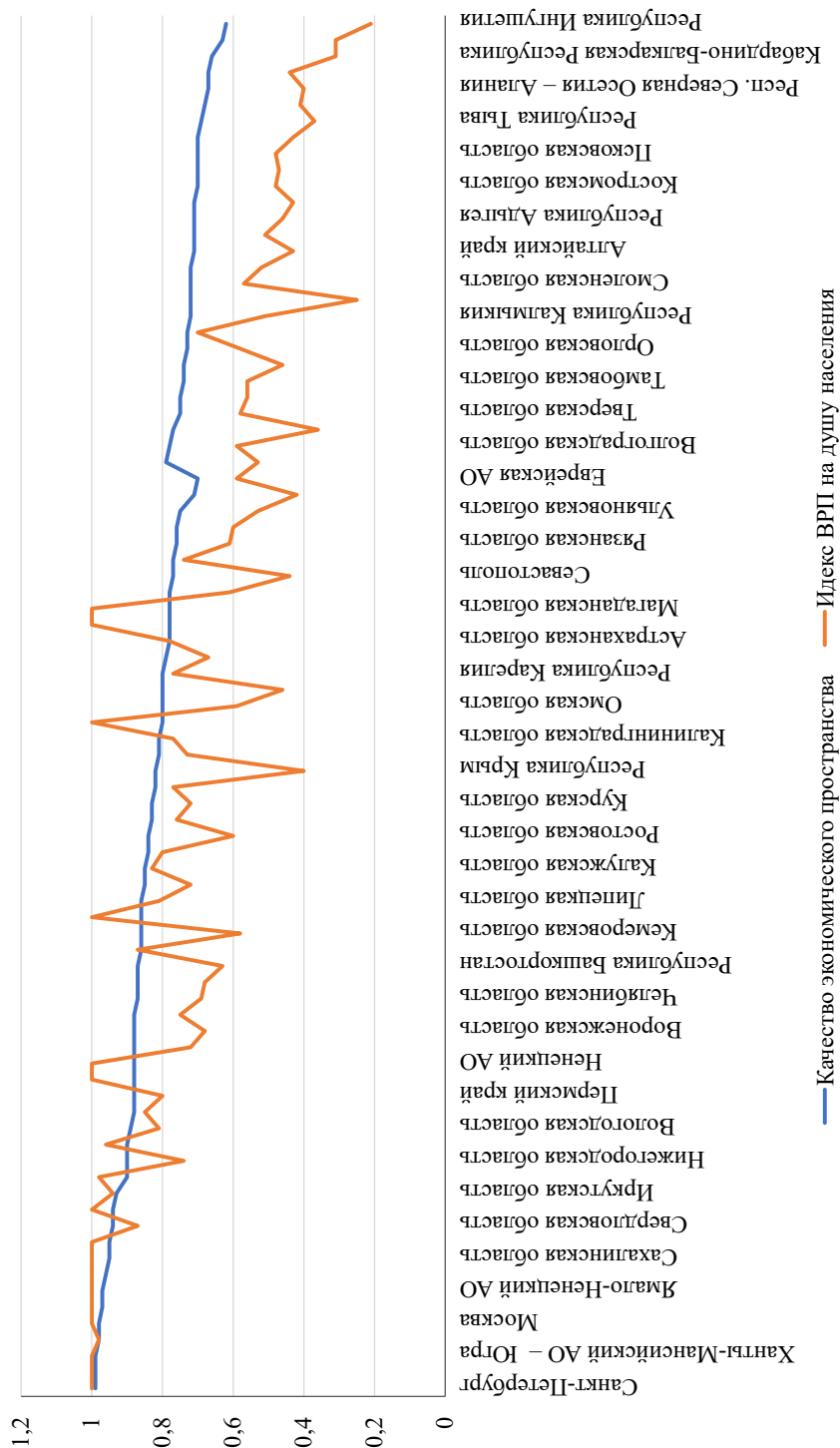
В целом по стране в 2020 г. уровень КЭП составил 0,81, а в 2021 г. – 0,83. Расчеты по данной методике показывают незначительное улучшение качества экономического пространства в развитых регионах страны в сложный период (с 2014 по 2021 г.), отмеченный пандемией и введением антироссийских санкций.

Интересную картину представляет взаимосвязь интегрального уровня качества экономического пространства с «выходом» системы (индексом валового регионального продукта на душу населения). В целом по 85 регионам коэффициент корреляции составляет 0,8434, что свидетельствует о высокой тесноте связи (рис. 3).

Расчеты показывают, что сильная корреляционная связь (коэффициент корреляции составляет 0,81) имеется также между показателем КЭП и абсолютным значением валового регионального продукта на душу населения. Поскольку последний показатель является одним из индикаторов экономического развития, можно говорить об определенном влиянии КЭП на развитие регионов.

Подтверждением качественного развития экономического пространства российских регионов и связанного с ним улучшения качества жизни населения служат данные о трудовой миграции между регионами за последние 7 лет. Так, число граждан России, работающих в стране за пределами региона своего места проживания, в 2022 г. сократилось на 7,4 %, до 2,64 млн чел., что является самым низким показателем межрегиональной трудовой миграции с 2015 г.¹¹ (мы не исключаем, однако, что в последние три года на это снижение частичное влияние оказало использование удаленной формы привлечения сотрудников). Все это вписывается в выявленную тенденцию улучшения КЭП регионов России за последние 15 лет (2008–2022 гг.) – период нашего исследования.

¹¹ Межрегиональная трудовая миграция снизилась до минимума за 7 лет [Электронный ресурс]. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/trud-migr-sniz/> (дата обращения: 15.09.2023).

Р и с. 3. Взаимосвязь индекса валового регионального продукта на душу населения и интегрального показателя качества экономического пространства

Fig. 3. Relationship between the GRP per capita index and the integral indicator of the CEP

Обсуждение и заключение. На основе системного подхода, с учетом введенных авторами ограничений, а также требований к методологии измерения КЭП, предлагается проводить его относительную оценку системой показателей, сгруппированных по трем блокам: факторы формирования и развития экономического пространства («вход»); параметры социально-экономических процессов, протекающих в системе («процесс»); результаты формирования качества экономического пространства («выход»). Такая структура показателей способна на системной основе отразить потенциал и уязвимости того или иного региона, источники региональной пространственной динамики, а значит, может быть использована для интегральной оценки уровня развития территорий.

Исследование показало сильную корреляционную связь интегрального показателя КЭП как с индексом душевого ВРП, так и с показателем ВРП на душу населения. Наши выводы об улучшении качества жизни населения находят подтверждение в данных по межрегиональной трудовой миграции, которая существенно сократилась за последние 7 лет.

Предложенная нами методика применима для всех регионов (с учетом введения поправочных коэффициентов для отдельных регионов с существенно отличающимися, естественно-экстремальными условиями жизнедеятельности) и позволяет проводить межрегиональные сравнения качества экономического пространства, а также выстраивать рейтинг инвестиционной привлекательности регионов. Полученный рейтинг может служить основой корректировки государственной социально-экономической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврамчикова Н. Т. Теоретические аспекты оценки качества экономического пространства // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 35. С. 2–13. Электронный ресурс. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=52801> (дата обращения: 19.09.2023).
2. Лаврикова Ю. Г., Суворова А. В. Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 4. С. 1017–1030. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1>
3. Иншаков О. В. Потенциал эволюционного подхода в экономической науке современной России // Экономическая наука современной России. 2004. № 4. С. 42–52. EDN: IEZXUJ
4. Суворова А. В. Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 3. С. 629–642. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.9>
5. Лаврикова Ю. Г. Концептуальные основы пространственного развития регионов // Журнал экономической теории. 2008. № 4. С. 147–162. EDN: KYTWZJ
6. Иншаков О. В., Фролов Д. П. Экономическое пространство и пространственная экономика. Размышление над новым экономическим журналом // Экономическая наука современной России. 2005. № 4 (31). С. 174–180. EDN: IEYZZN
7. Гранберг А. Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 87–107. EDN: JJROBJ
8. Кириллова С. А., Кантор О. Г. Региональное развитие и качество экономического пространства // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 57–80. URL: <http://recis.ru/region/magazine/39/1750> (дата обращения: 19.09.2023).
9. Симарова И. С. Региональная связанность как фактор формирования единого экономического пространства // Перспективы науки. 2013. № 1 (40). С. 110–113. EDN: QARNRV

10. Полякова А. Г., Симарова И. С. Концептуальная модель управления развитием региона с учетом уровня пространственной связанности // Экономика региона. 2014. № 2. С. 32–42. EDN: SFZBTL
11. Радаев В. В. Что такое «экономическое действие» // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 18–25. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=18 (дата обращения: 19.09.2023).
12. Technological Knowledge Spaces and the Resilience of European Regions / S. Rocchetta [et al.] // Journal of Economic Geography. 2022. Vol. 22, issue 1. Pp. 27–51. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbab001>
13. Kuwatsuka K. Regional Diversity of Job Opportunities and the New Economic Space in India // Inclusive Development in South Asia. 1st ed. / eds. by T. Awaya, K. Tomozawa. Routledge, 2022. Pp. 37–62. <https://doi.org/10.4324/9781003304760-4>
14. Dore P., Narayanan K. Trends and Patterns of Regional Economic Development // Regional Economic Diversity. Oxford University Press, 2022. Pp. 51–73. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190130596.003.0004>
15. Факторы экономического пространства и деловой сети в повышении экономической безопасности бизнеса / С. Г. Симонов [и др.] // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2021. № 2. С. 56–62. <https://doi.org/10.37788/2021-2/56-62>
16. Theoretical and Methodological Approaches to Assessing the Quality of Regional Economic Space / Y. Bondareva [et al.] // Economic Annals-XXI. 2021. Vol. 193, issue 9–10. Pp. 152–160. <https://doi.org/10.21003/ea.V193-19>
17. Минакир П. А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 4–26. <https://doi.org/10.14530/se.2005.1.004-026>
18. Минакир П. А. Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр // Пространственная экономика. 2023. Т. 19, № 1. С. 7–19. <https://doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019>
19. Песоцкий А. А. Теоретические подходы к определению понятия «экономическое пространство» // Вопросы экономики и права. 2015. № 82. С. 41–44. EDN: VJUSXX
20. Урунов А. А., Левина Л. Ф., Остапенко В. А. Качество экономического пространства: проблемы измерения на мезоуровне // Вестник университета. 2020. № 4. С. 144–151. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-4-144-151>
21. Урунов А. А. Основные категории теории экономического пространства // Аллея науки. 2017. Т. 1, № 11. С. 360–377. URL: [https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vyходnye%20dannye%20Iyul\(1\).pdf](https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vyходnye%20dannye%20Iyul(1).pdf) (дата обращения: 19.09.2023).

Поступила в редакцию 20.06.2023; поступила после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 31.10.2023.

Об авторах:

Урунов Асрор Алижонович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической политики и экономических измерений Государственного университета управления (109542, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2404-6092>, Researcher ID: C-9674-2019, Scopus ID: 57220635545, urunov@rambler.ru

Морозова Ирина Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической политики и экономических измерений Государственного университета управления (109542, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4434-6049>, Scopus ID: 57224220437, natoecon@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. А. Урунов – постановка проблемы исследования; анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование результатов исследования и выводов.

И. М. Морозова – сбор и анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Avramchikova N.T. Theoretical Aspects of Estimation of Quality of Economic Space. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2012;(35):2–13. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=52801> (accessed 19.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Lavrikova Yu.G., Suvorova A.V. Optimal Spatial Organisation of the Regional Economy: Search for Parameters and Dependencies. *Economy of Region*. 2020;16(4):1017–1030 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1>
3. Inshakov O.V. Potential of the Evolutionary Approach in an Economics of Contemporary Russia. *Economics of Contemporary Russia*. 2004;(4):42–52. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: IEZXUJ
4. Suvorova A.V. Evolution of Approaches in the Theory of Economic Space. *Russian Journal of Economic Theory*. 2020;17(3):629–642. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.9>
5. Lavrikova Yu.G. Conceptual Bases of Regional Economic Space. *Russian Journal of Economic Theory*. 2008;(4):147–162. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: KYTWZJ
6. Inshakov O.V., Frolov D.P. Economic Space and Spatial Economy. Reflection above New Economic Magazine. *Economics of Contemporary Russia*. 2005;(4):174–180. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: IEZYZN
7. Granberg A.G. Modelling Spatial Development of National and World Economies: Evolution in Approaches. *Region: Economics and Sociology*. 2007;(1):87–107. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: JJROBJ
8. Kirillova S.A., Kantor O.G. Regional Development and Quality of an Economic Space. *Region: Economics and Sociology*. 2010;(3):57–80. Available at: <http://recis.ru/region/magazine/39/1750> (accessed 19.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Simarova I.S. Regional Links as a Factor of Developing Common Economic Space. *Science Prospects*. 2013;(1):110–113. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: QARNRV
10. Polyakova A.G., Simarova I.S. The Conceptual Model of a Region Development Administration Considering the Level of Spatial Relatedness. *Economy of Regions*. 2014;(2):32–42. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SFZBTL
11. Radaev V.V. What is the Economic Action? *Journal of Economic Sociology*. 2002;3(5):18–25. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=18 (accessed 19.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Rocchetta S., Mina A., Lee C., Kogler D.F. Technological Knowledge Spaces and the Resilience of European Regions. *Journal of Economic Geography*. 2022;22(1):27–51. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbab001>
13. Kuwatsuka K. Regional Diversity of Job Opportunities and the New Economic Space in India. In: Awaya T., Tomozawa K., eds. *Inclusive Development in South Asia* (1st ed.). Routledge; 2022. p. 37–62. <https://doi.org/10.4324/9781003304760-4>
14. Dore P., Narayanan K. Trends and Patterns of Regional Economic Development. In: Dore P., Narayanan K. *Regional Economic Diversity*. Oxford University Press; 2022. p. 51–73. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190130596.003.0004>
15. Simonov S.G., Akhrorova A.D., Smagulova Z.K., Zhanuzakova S.K. Factors of Economic Space and Business Network in Improving the Economic Security of Business. *Bulletin of the Innovative Eurasian University*. 2021;(2):56–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37788/2021-2/56-62>
16. Bondareva Y., Vaganova O., Vladyka M., Kamyshanchenko E., Stryabkova E. Theoretical and Methodological Approaches to Assessing the Quality of Regional Economic Space. *Economic Annals-XXI*. 2021;193(9-10):152–160. <https://doi.org/10.21003/ea.V193-19>
17. Minakir P.A. Economy and Space (Rethinking' Thesis's). *Spatial Economics*. 2005;(1):4–26. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2005.1.004-026>
18. Minakir P.A. The Foreign Trade Factor of the Force Majeure Economy: A Spatial Manoeuvre. *Spatial Economics*. 2023;19(1):7–19. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019>
19. Pesotsky A.A. Theoretical Approaches to the Definition of “Economic Space”. *Questions of Economics and Law*. 2015;(82):41–44. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VJUSXX
20. Urunov A.A., Levina L.F., Ostapenko V.A. Quality of Economic Space: Measurement Problems at the Meso-Level. *Vestnik Universiteta*. 2020;(4):144–151. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-4-144-151>

21. Urunov A.A. Main Categories of the Theory of Economic Space. *Alleya nauki*. 2017;1(11):360-377. Available at: [https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vyходnye%20dannye%20lyul\(1\).pdf](https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vyходnye%20dannye%20lyul(1).pdf) (accessed 19.09.2023).

Submitted 20.06.2023; revised 20.10.2023; accepted 31.10.2023.

About the authors:

Asror A. Urunov, Dr.Sci. (Econ.), Professor of Chair of Economic Policy and Economic Measurements, State University of Management (99 Ryazanskiy Prospekt, Moscow 109542, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2404-6092>, Researcher ID: C-9674-2019, Scopus ID: 57220635545, urunov@rambler.ru

Irina M. Morozova, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor of Chair of Economic Policy and Economic Measurements, State University of Management (99 Ryazanskiy Prospekt, Moscow 109542, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4434-6049>, Scopus ID: 57224220437, natoecon@mail.ru

Contribution of the authors:

A. A. Urunov – statement of the research problem; data analysis; preparation of the text of the article; formulation of research results and conclusions.

I. M. Morozova – data collection and analysis; preparation of the text of the article; formulation of conclusions; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 330.59:332.12(479+571)

doi: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.071-089

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Методический подход к комплексной оценке уровня жизни населения в регионах России

П. В. Строев¹М. М. Низамутдинов¹ ✉В. В. Орешников²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)

² Уфимский университет науки и технологий (г. Уфа, Российская Федерация)
✉ marsel_n@mail.ru

Аннотация

Введение. Повышение уровня жизни населения является важнейшей задачей, стоящей перед органами публичной власти. Однако ее решение невозможно без четкого понимания того, что подразумевается под данной дефиницией и как следует оценивать данный показатель. Несмотря на широкую представленность исследований по этому вопросу, единой позиции и общепринятой оценки фактически нет. Использование частных показателей дает противоречивые результаты. В связи с этим целью исследования является разработка методики комплексной оценки уровня жизни населения в регионах России.

Материалы и методы. В рамках выполнения поставленной задачи были применены методы группировки, динамического и структурного анализа, корреляционного анализа и др. Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики России, а также работы отечественных и зарубежных ученых в рассматриваемой сфере. Предложен подход к формированию интегральной оценки уровня жизни населения регионов России, основанный на двухэтапной свёртке 22 частных показателей, разделенных на пять групп с учетом весовых коэффициентов. Далее методика была апробирована на данных по регионам Российской Федерации.

Результаты исследования. По результатам апробации сформированы рейтинги регионов по уровню жизни за 2017–2021 гг., что позволило рассмотреть его динамику. Выявлено, что в целом позиции лидеров и аутсайдеров остаются стабильными, дифференциация между регионами не снижается. При этом если аутсайдеры имеют слабые позиции по подавляющему числу показателей, то лидерство может быть обусловлено различными составляющими интегрального показателя.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты могут быть использованы органами власти, ответственными за разработку и реализацию государственной политики в области регионального развития, социального обеспечения и в других связанных с данными вопросами сферах. Прогнозные оценки позволяют выявить угрозы реализации задачи повышения уровня жизни населения в регионах России.

Ключевые слова: уровень жизни населения регионов России, неравенство регионов, структура показателей уровня жизни, весовые характеристики показателей, методика определения интегрального показателя, рейтинг регионов по уровню жизни, дифференцированная политика

© Строев П. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: Строев П. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Методический подход к комплексной оценке уровня жизни населения в регионах России // Регионология. 2024. Т. 32, № 1. С. 71–89. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.071-089>

Original article

Methodological Approach to Comprehensive Assessment of Living Standards in Russian Regions

P. V. Stroev^a, M. M. Nizamutdinov^a ✉, V. V. Oreshnikov^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

^b Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)
✉ marsel_n@mail.ru

Abstract

Introduction. Improving the living standards of the population is the most important task facing public authorities. However, its solution is impossible without a clear understanding of what is meant by this definition and how this indicator should be assessed. Despite the wide representation of studies on this issue, there is actually no unified position and, consequently, no generally accepted assessment. The use of private indicators gives contradictory results. In this regard, the aim of the study is to develop a methodology for the comprehensive assessment of living standards in Russian regions.

Materials and Methods. The methods of grouping, dynamic and structural analysis, correlation analysis and others were applied in the framework of the task. The information base of the study was formed by the data of the Federal State Statistics Service of Russia, as well as the works of domestic and foreign scientists in the field under consideration. The research proposed an approach to the formation of an integral assessment of the standard of living of the population of Russian regions, based on a two-stage convolution of 22 private indicators divided into five groups, taking into account the weighting coefficients. Further the methodology was tested on the data on the regions of the Russian Federation.

Results. According to the results of the approbation, the ratings of regions by standard of living for 2017–2021 were formed, which allowed us to consider its dynamics. It was revealed that, in general, the positions of leaders and outsiders remain stable; the differentiation between regions does not decrease. At the same time, while outsiders have weak positions in the overwhelming number of indicators, leadership can be due to different components of the integral indicator.

Discussion and Conclusion. The obtained results can be used by the authorities responsible for the development and implementation of state policy in the field of regional development, social security and other related areas. Forecast assessments allow us to identify threats to the realization of the task of improving living standards in Russian regions.

Keywords: living standards in Russian regions, inequality of regions, structure of living standards indicators, weight characteristics of indicators, methodology for determining the integral indicator, rating of regions by living standards, differentiated policy

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

Funduing. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Financial University.

For citation: Stroev P.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Methodological Approach to Comprehensive Assessment of Living Standards in Russian Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):71–89. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.071-089>

Введение. Одной из основных проблем в России на протяжении последних лет является высокая степень дифференциации регионов по уровню жизни населения. Подобная ситуация приводит к формированию миграционного оттока из большей части регионов, концентрации материально-финансовых ресурсов в ограниченном перечне субъектов Федерации, усилению социальной напряженности и снижению экономического потенциала значительной части территории страны. Вместе с тем экспертами в данной области отмечается, что в сравнении с другими странами уровень доходов населения в России в целом ниже, а расходы на жизнь выше. Это связано с несколькими факторами, включая экономические проблемы, высокий уровень инфляции, неравномерное распределение доходов, высокие цены на жилье и услуги, низкий уровень образования и др. [1]. Несмотря на меры, принимаемые на государственном уровне, проблема низкого уровня жизни населения остается актуальной для значительной части субъектов Российской Федерации. Фактическое отсутствие единой методологии и методики для измерения уровня жизни может приводить к неточным или искаженным данным. Кроме того, оценка уровня жизни может зависеть от многих факторов, таких как доход, доступность услуг здравоохранения, образование, работа, жилье, среда обитания и культура.

Повышение уровня жизни населения и снижение дифференциации регионов России по данному критерию невозможны без предварительного решения задачи его оценки. Результаты проведения данной процедуры могут использоваться для сравнения разных территорий между собой, а также для определения нужд и проблем общества или каких-либо групп населения. Она может также быть использована как индикатор для создания и реализации политических программ и стратегий. Однако следует учитывать, что уровень жизни определяется различными показателями, отражающими благополучие и комфорт людей в конкретном регионе или стране. Они включают в себя множество факторов, таких как доходы, доступ к услугам образования и здравоохранения, инфраструктуре, культурные возможности и экологическую среду. Кроме того, существенное влияние может оказывать субъективность восприятия ряда показателей, зависящих от культурных особенностей, социальных условий, индивидуальных потребностей и вкусов.

Цель исследования заключается в разработке подхода, позволяющего рассматривать уровень жизни как комплексное понятие, и выработке соответствующей методики оценки данного показателя в регионах России, а также формировании на основе полученных результатов их рейтинга.

Обзор литературы. Само понятие «уровень жизни» имеет различные трактовки. Проблема его оценки и повышения рассматривается в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. В литературных источниках отмечается, что в экономическом плане теоретические и методологические основы данного направления заложены в фундаментальных трудах К. Маркса, А. Пигу, П. Самуэльсона, Дж. М. Кейнса, А. Маслоу, С. Фишера и др. [2]. При этом взгляды авторов на причины и последствия изменения уровня жизни, дифференциацию населения по величине доходов и иные связанные с этим вопросы существенно различаются. В частности, К. Маркс, введший в научное употребление понятие

«standard of living», рассматривал его с позиции удовлетворения «определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых воспитываются и живут люди, приписывая, таким образом, некоторое влияние на уровень жизни населения комплекса социальных, исторических и региональных факторов» [3, с. 57]. В то же время другие авторы отмечают, что особенностью данного показателя является то, что отражая экономическое развитие, он в первую очередь ориентирован на потребности населения [4].

Важное значение для понимания уровня жизни имеют работы Е. Г. Анимицы, В. П. Бабинцева, В. Ф. Майера, Д. Поповой, Н. М. Римашевской и других отечественных ученых. Широкую известность получили исследования В. Н. Бобкова (Всероссийский центр уровня жизни). В соответствии с его подходом «уровень жизни представляет собой денежную оценку ресурсов, необходимых для обеспечения качества жизни личности, социальных групп и общества в целом» [5, с. 28]. С другой стороны, В. М. Жеребин и А. Н. Романов отмечают, что «уровень жизни – интегральный показатель, отражающий удовлетворенность материальных, духовных потребностей за определенный период времени» [6, с. 3]. А. С. Булатов указывает на то, что уровень жизни может рассматриваться как «совокупность реальных социально-экономических условий жизни» [7]. Более подробный терминологический анализ данного понятия приводится Ж. С. Садыралиевым [8].

Различия присутствуют и в методике оценки данного показателя, что отражается на определении влияющих факторов и мер государственной политики. Наиболее распространенным показателем в данном случае выступает среднедушевая величина совокупных денежных доходов в месяц. Кроме того, применяются иные показатели, характеризующие доходы населения (размер заработной платы, величина доходов, остающаяся в распоряжении после уплаты налогов и сборов, и т. д.) и их вариации (расчет показателей в ценах соответствующих лет, в ценах базового периода, темповые показатели, соотношение данных и иных величин и т. д.), а также проводится анализ структуры расходов и доходов населения и величины сбережений, как фактора формирования будущих расходов [9].

Несмотря на очевидность влияния доходов населения на уровень жизни, возможность использования каждого из указанных показателей в отдельности в качестве индикатора уровня жизни населения имеет ряд недостатков. В частности, среднедушевые денежные доходы как наиболее общий показатель благосостояния населения не отражают структуру доходов, которая может существенно различаться в тех или иных регионах. В результате этого более высокий уровень доходов может сочетаться с более низким уровнем заработной платы. Однако для адекватной оценки привлекательности территории и принятия мер государственного управления требуется учитывать и этот аспект. В то же время имеет место несовпадение территории получения и использования доходов. В частности, это может быть связано с широким распространением вахтового метода работы, значительными объемами переводов денежных средств работающими гражданами своим семьям в регионах постоянного проживания, а также функционированием элементов теневой экономики. Таким образом, оценка уровня жизни населения по величине расходов может помочь в получении более адекватного результата, однако в отрыве от прочих параметров социально-экономического

развития также не является достаточной. Еще в 1980-х гг. А. К. Сен показал необходимость исследования не только финансовых, но и «прямых» или «реальных» показателей уровня жизни [10; 11].

Другая группа методов базируется на анализе экономики территории в целом как характеристике уровня жизни. В частности, в рамках индекса человеческого развития (ранее – индекс развития человеческого потенциала) он оценивается через величину валового национального дохода на душу населения по паритету покупательной способности.

Проблема поиска инструмента оценки уровня жизни приводит к формированию нетривиальных решений. Исследователи отмечают, что «многочисленные документы Организации Объединенных Наций и Всемирного банка определяют взаимосвязь между потреблением энергии и уровнем жизни» [12]. Е. Шамаева и К. Шадров рассматривают применение «энергетической теории стоимости для оценки валового внутреннего продукта и уровня жизни стран мира в энергетических единицах», приводя результаты расчетов за период с 1992 по 2019 г. [13]. Следует отметить, что использование данного подхода на региональном уровне потребовало бы существенной корректировки методики. Однако в целом нельзя не признать, что она имеет свои преимущества.

Кроме того, частные показатели не всегда адекватно отражают реальную ситуацию. Это связано с тем, что высокие позиции территории по одним критериям могут сочетаться с низкими позициями по другим. Данная проблема решается путем разработки комплексных индикаторов, включающих разнородные составляющие понятия «уровень жизни населения». Одной из наиболее известных является методика, представленная в руководстве Организации Объединенных Наций «International definition and measurement of levels of living».

Другая проблема оценки уровня жизни населения связана с агрегированием показателей, представленных в официальных статистических источниках, в то время как она осуществляется и на уровне отдельного человека, и на уровне целых стран. Индивидуальный уровень жизни может быть оценен непосредственно через объем потребляемых благ. Однако в случае использования агрегированных показателей возникает проблема учета равномерности распределения доходов и расходов. В частности, С. А. Айвазян указывает на наличие двух методологических подходов к оценке и измерению качества жизни (микро- и макроуровни анализа)¹. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении оценки параметров уровня жизни населения. Кроме того, на муниципальном уровне также прослеживается наличие высокой степени пространственной неоднородности [14; 15]. Данную проблему рассматривает М. С. Оборин в публикации, акцентирующей внимание на развитии малых городов [16]. С. Тамбе полагает, что вопросы уровня жизни взаимосвязаны с концепцией развития «снизу вверх», которая в значительной мере противопоставляется парадигме развития, основанной на экономическом росте. Вместе с тем концентрация на домохозяйствах и абстрагирование затрудняют использование данного подхода для анализа на макроуровне [17]. С. Тамбе показывает, что возможно сочетание различных методов и показателей

¹ Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). М. : Наука, 2012. 432 с.

для получения наиболее точных оценок. Ф. Мейянти с коллегами в своей статье предприняли попытку сочетать методы объективной оценки и результатов опроса молодежи трудоспособного возраста с целью определения возможностей изменения уровня жизни. При этом учитывается дифференциация по возрасту, образованию и т. д. Показано, что данный подход как дает преимущества, так и приводит к формированию дополнительных противоречий [18].

Анализ существующего опыта свидетельствует о необходимости применения комплексного подхода к оценке уровня жизни населения в регионах России. Требуется учитывать величину доходов, расходов населения, уровень развития инфраструктуры, наличие имущества, а также уровень дифференциации населения по величине доходов. Схожего мнения придерживаются и другие исследователи, например, предлагая подход к определению интегрального индикатора, характеризующего качество жизни населения в регионах страны [19]. Данный подход может быть адаптирован для решения задачи оценки уровня жизни, однако достаточно сложный математический аппарат потребовал бы дополнительных процедур анализа доступной статистической базы.

В то же время следует отметить, что изменение условий жизнедеятельности общества приводит к необходимости развития методов оценки уровня жизни населения. На сегодняшний день обсуждается вопрос об оценке его цифровой составляющей [20].

Проведенный анализ показал, что уровень жизни является многоаспектным понятием и может быть оценен с применением различных подходов на основе множества показателей. При этом лидерство территории в одном направлении может сочетаться с отставанием по другим составляющим уровня жизни. Все это приводит к тому, что рейтинги, построенные на базе частных показателей, дают достаточно противоречивые результаты². Комплексность оценки становится объективным требованием при проведении исследования уровня жизни в регионах России.

Материалы и методы. В рамках предлагаемого подхода реализуется концепция комплексной оценки уровня жизни в регионах Российской Федерации, построенной на необходимости учета разноплановых показателей, объединенных в группы. Определение групп показателей базируется на учете следующих предпосылок:

1. Фактором формирования уровня жизни населения являются его доходы. В связи с этим анализ показателей денежных доходов населения становится неотъемлемой частью исследований в данной сфере. Выбор конкретного показателя зачастую не столь очевиден. Исследования свидетельствуют, что влияние оказывают даже форма, периодичность и «ожидаемость» поступлений финансовых ресурсов [21]. Наиболее полно ситуацию отражает величина среднедушевых денежных доходов, поскольку она агрегирует в себе разнородные источники, формируя, таким образом, совокупный потенциал для приобретения различных благ. Однако структура доходов населения в различных регионах страны может существенно различаться. В связи с этим целесообразным представляется

² Жахов Н. В., Антропова Т. Г., Кривошлыков В. С. Методы исследования региональной экономики. Курск : Университетская книга, 2022. 188 с.

включить в рассмотрение дополнительные показатели, например величину среднемесячной заработной платы, поскольку данный источник доходов является основным для большинства жителей страны и именно он определяет уровень жизни большинства населения. Кроме того, величина заработной платы является индикатором развития экономики и ключевым фактором формирования миграционных процессов в Российской Федерации и ее регионах. Вторые по величине источники доходов – социальные трансферты, наиболее существенным из которых является пенсия. Возрастание доли пенсионеров в общей численности населения и текущий уровень их доходов делает задачу повышения их уровня жизни одной из ключевых. В дополнение к указанным факторам, на наш взгляд, при анализе социально-экономического положения региона и уровня жизни необходимо принимать во внимание долю населения с доходами ниже прожиточного минимума.

2. Непосредственное обеспечение определенного уровня жизни выражается в объеме благ, которые может позволить себе человек через показатели расходов населения. Несмотря на то, что именно доходы наиболее часто рассматриваются в качестве индикатора уровня жизни, следует признать, что они обладают рядом недостатков. В частности, фактическое использование доходов может осуществляться в других регионах, что снижает информативность данного показателя с точки зрения анализа уровня жизни [22]. Понимание объема потребительских расходов в определенной степени снижает риски подобных искажений. Вместе с тем значение имеет и структура расходов. В частности, целесообразно выделить расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг. С другой стороны, анализ расходов в финансовом выражении может не в полной мере отражать покупательную способность населения даже с учетом корректировки с использованием индекса потребительских цен. Одним из направлений расходования, представленным в официальном статистическом учете, является потребление мяса на душу населения. На наш взгляд, данный показатель может быть использован в качестве дополнительного в рамках исследования, поскольку рост потребления мяса свидетельствует о повышении благосостояния населения. Анализ структуры питания и доли расходов по данному направлению в общем объеме расходов населения регионов России рассматривались в качестве индикаторов уровня жизни рядом отечественных исследователей [23]. Вместе с тем очевидно, что ни один из показателей не лишен недостатков. Так, потребление мяса не учитывает изменение структуры данного потребления (возможный переход с более дорогих видов (например, говядины) на более дешевые (свинина)).

3. Наличие финансовых ресурсов определяет возможности человека в удовлетворении благ, но для фактической их реализации на данной территории требуются институты, предоставляющие данные блага. В связи с этим в качестве характеристики территории как поставщика благ целесообразно обратиться к показателям развития социальной инфраструктуры. Сама по себе задача оценки развитости социальной инфраструктуры является многоаспектной и требующей анализа большого количества разнородных показателей [24], так как данная инфраструктура включает в себя множество взаимосвязанных сфер, в том числе образование, здравоохранение, культуру, ЖКХ, розничную торговлю, транспорт

и т. д. В рамках проведенного исследования было выделено несколько показателей, которые, на наш взгляд, достаточно укрупненно характеризуют каждую из данных сфер. Следует отметить, что уровень обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры характеризует не только потенциал территории в части предоставления данных благ, но и отражает спрос населения на данные блага, т. е. покупательскую способность, что фактически является характеристикой уровня жизни.

4. Если доходы и расходы населения отражают изменение благосостояния населения в определенный период времени, то они не в полной мере позволяют характеризовать накопленный уровень благ. Возможна ситуация, при которой реальный уровень жизни населения региона отличается от того, который мог быть обеспечен соответствующим уровнем доходов и расходов: например, если значительная часть населения получает доходы за пределами региона (вахтовый метод работы, удаленная работа, переводы родственникам, теневые доходы и т. д.), а дорогостоящие товары приобретаются за рубежом (в качестве примера можно рассмотреть возросший спрос со стороны россиян на автомобили из Казахстана в 2022 г.). В связи с этим необходимо принимать во внимание характеристики имеющегося имущества.

Для решения данной задачи было отобрано несколько индикаторов. В первую очередь значение имеет обеспеченность населения жильем, поскольку достойные жилищные условия являются базовой потребностью, удовлетворение которой необходимо наравне с обеспечением продовольствием и одеждой. В соответствии с пирамидой потребностей А. Маслоу они находятся на самом нижнем уровне. Однако значение имеет качество жилищных условий. В статистических источниках приводятся значения по обеспеченности жилья различными видами благоустройства – газопровод, напольные электроплиты, горячее водоснабжение и т. д. Ввиду различия в климатических условиях между регионами и по ряду других причин многие из них не всегда могут рассматриваться в качестве корректного индикатора сопоставления. Наиболее приемлемым для данных целей выступает «Доля жилого фонда, обеспеченного водопроводом».

Другим показателем данной группы является наличие легковых автомобилей и имущества бытового назначения долговременного применения. В частности, были рассмотрены три показателя – наличие посудомоечных машин, компьютеров и телевизоров на 100 домохозяйств. Их выбор обусловлен относительно высокой стоимостью, долгим сроком службы. При этом они не являются равнозначными с точки зрения доступности с учетом важности удовлетворяемой потребности. Появление каждого из них может характеризовать увеличение уровня жизни. Так, первым из указанных решается вопрос о приобретении телевизора, далее компьютера и наименее распространены посудомоечные машины. То есть решение о приобретении последней может рассматриваться как желание и возможность удовлетворить потребность в повышении уровня жизни, когда более актуальные и доступные потребности (телевизор и компьютер) уже удовлетворены.

5. Ресурсы и блага распределены неравномерно между группами населения. Имеющаяся статистическая база представляет данные о дифференциации доходов, в то время как по расходам это оценить не представляется возможным.

Несмотря на то, что данные показатели взаимосвязаны, было бы некорректно говорить об их идентичности [25]. Так, имеющиеся инструменты неформального перераспределения финансовых ресурсов между группами населения приводят к тому, что полученные доходы могут передаваться другим лицам. Кроме того, исследователями отмечаются различия в субъективном восприятии неравенства [26]. В связи с этим неравномерность доходов не означает аналогичную неравномерность расходов и неравномерность уровня жизни. Однако следует признать, что более высокий уровень дифференциации населения по доходам необратимо влечет за собой и повышение дифференциации по уровню жизни. Соответственно, в рамках проводимого исследования представляется целесообразным рассматривать показатели неравномерности доходов как отдельную группу, определяющую уровень жизни в регионе.

Таким образом, было выделено пять направлений оценки и сформировано пять групп показателей, характеризующих уровень жизни в регионах России (рисунок). Несомненно, на его величину оказывают влияние и иные факторы, в том числе в зарубежных и отечественных источниках достаточно много публикаций, посвященных тому, какое влияние оказал и продолжает оказывать COVID-19 [27; 28]. Однако в рамках данного исследования мы остановились на выделенных группах. Для учета особенностей различных регионов данные показатели были соотнесены с величиной прожиточного минимума (среднедушевые денежные доходы, величина заработной платы и т. д.), численностью населения (численность врачей, число легковых автомобилей и т. д.), количеством домохозяйств в регионе (число посудомоечных машин, число персональных компьютеров и т. д.).

Непосредственно процедура формирования интегрального показателя была представлена в нашей ранее опубликованной статье [29]. Далее приведено ее краткое описание.

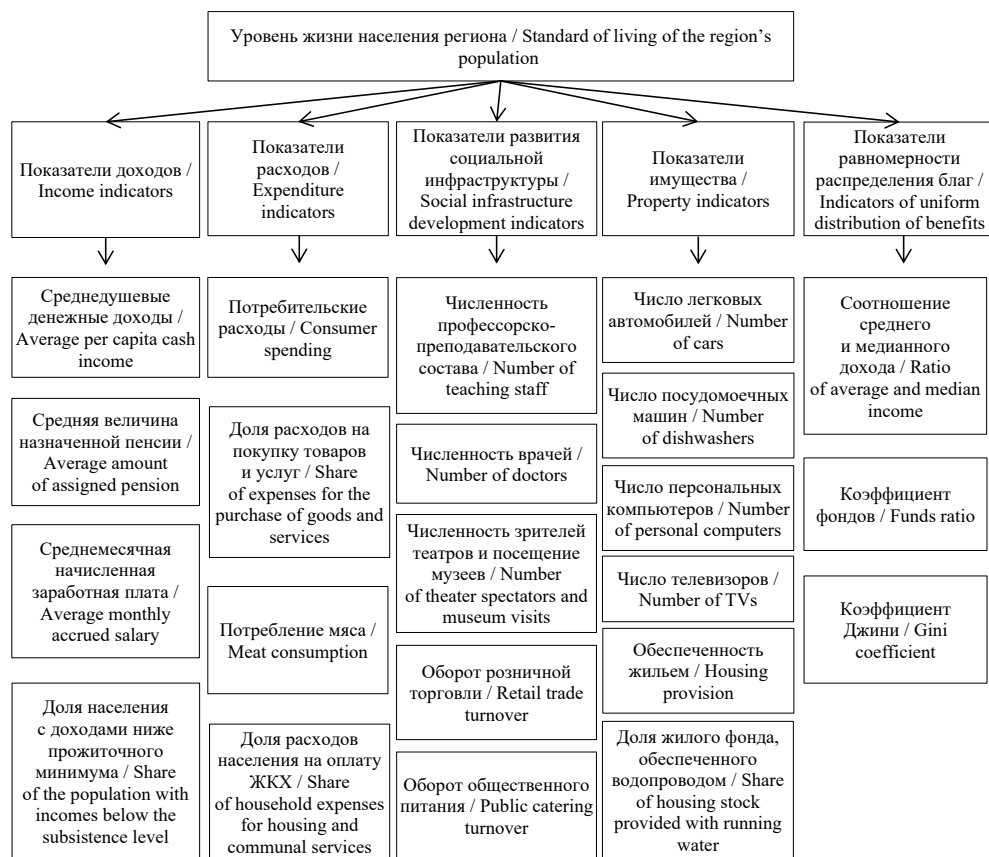
Для обеспечения сопоставимости показателей между собой проведена процедура нормирования, в рамках которой разноразмерные величины были приведены к шкале от нуля до единицы. При этом учтено, что для одних показателей более высокое значение может интерпретироваться как положительная характеристика (например, величина денежных доходов населения), а для других – как негативная характеристика (например, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума). В связи с этим нормирование осуществлялось по двум формулам. В первом случае применяется формула (1):

$$Y_{ij}^n = \frac{Y_{ij} - Y_{\min j}}{Y_{\max j} - Y_{\min j}}, \quad (1)$$

во втором – формула (2):

$$Y_{ij}^n = \frac{Y_{\max j} - Y_{ij}}{Y_{\max j} - Y_{\min j}}, \quad (2)$$

где Y_{ij} – значение j -го показателя по i -му региону; $Y_{\min j}$, $Y_{\max j}$ – минимальное и максимальное значение j -го показателя по всем рассматриваемым регионам соответственно; Y_{ij}^n – нормированное значение j -го показателя по i -му региону.

Р и с у н о к. Структура показателей оценки уровня жизни населения³
 F i g u r e. Structure of indicators for assessing the living standards of the population

На следующем этапе осуществляется свёртка частных показателей для оценки интегрального значения по каждому из выделенных направлений. В рамках проведенного исследования была выявлена необходимость учета весовых характеристик каждого из частных показателей. В качестве допущения было принято, что динамика изменения значений показателей внутри одной группы должна быть сонаправленной. Соответственно показатели, характеризующиеся отличной от других динамикой изменения, должны иметь более низкое весовое значение. В связи с этим предварительно проводится корреляционный анализ, на основании результатов которого определяются весовые характеристики в формуле (3). Для этого для каждого показателя рассчитываются значения коэффициентов парной линейной корреляции Пирсона со всеми прочими показателями группы, а затем – средние значения данных величин для каждого показателя. В качестве допущения было принято, что динамика изменения значений показателей внутри одной группы должна быть сонаправленной. Соответственно, показатели, характеризующиеся отличной от других динамикой изменения, будут иметь более низкое весовое значение.

³ Здесь и далее в статье рисунок и таблицы составлены авторами.

$$L_i^k = \frac{\sum_{j=1}^l Y_{ij}^n \cdot m_j^k}{\sum_{j=1}^l m_j^k}, \quad (3)$$

где L_i^k – значение k -ой группы показателей уровня жизни по i -му региону; m_j^k – весовая характеристика j -го показателя в k -ой группе.

Аналогичным образом было предложено определять обобщенное значение уровня жизни в регионе (H_i) путем свёртки интегральных показателей по всем направлениям с учетом весовых характеристик самих направлений:

$$H_i = \frac{\sum_{k=1}^l L_i^k \cdot m_k}{\sum_{k=1}^l m_k}, \quad (4)$$

где m_k – весовая характеристика k -ой группы в интегральном показателе уровня жизни в регионе.

Таким образом, алгоритм расчета интегрального показателя уровня жизни населения в регионе включает следующие этапы:

- 1) определение перечня частных показателей, их группировку и нормирование;
- 2) определение весовых характеристик частных показателей в рамках каждой группы и расчет интегрального значения по группе показателей;
- 3) определение весовых характеристик отдельных групп в рамках общего показателя уровня жизни населения и расчет данного показателя для каждого из субъектов Российской Федерации.

Полученная оценка уровня жизни является комплексным отражением ситуации, учитывает формирование и использование ресурсов населения, которые определяют возможность удовлетворения потребностей.

Результаты исследования. Апробация разработанного подхода осуществлена на данных по регионам России за период с 2017 по 2021 г. Принимая во внимание число рассматриваемых регионов и показателей, совокупное количество значений, вошедших в базу данных, составило более 9,5 тыс. единиц.

Весовые характеристики по элементам каждой из выделенных групп показателей, использованных для формулы (3), представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Значения весовых характеристик частных показателей, 2017–2021 гг.
Table 1. Values of weighting characteristics of private indicators, 2017–2021

Показатель / Indicator	2017	2018	2019	2020	2021
1	2	3	4	5	6
<i>Группа 1. Показатели доходов / Group 1. Income indicators</i>					
Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму / Ratio of average per capita cash income to the subsistence minimum	0,671	0,671	0,675	0,667	0,681
Отношение заработной платы к прожиточному минимуму / Wage to living wage ratio	0,571	0,572	0,569	0,563	0,601
Отношение средней пенсии к прожиточному минимуму / Ratio of average pension to subsistence level	0,357	0,355	0,345	0,322	0,352

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума / Share of population with incomes below the subsistence level	0,665	0,666	0,663	0,652	0,678
<i>Группа 2. Показатели расходов / Group 2. Cost indicators</i>					
Отношение потребительских расходов к прожиточному минимуму / Ratio of consumer expenditures to subsistence level	0,463	0,418	0,433	0,352	0,385
Доля расходов населения на покупку товаров и оплату услуг / Share of household expenditures on purchase of goods and payment for services	0,553	0,498	0,462	0,472	0,458
Потребление мяса и мясопродуктов / Consumption of meat and meat products	0,386	0,378	0,366	0,340	0,344
Удельный вес расходов населения на оплату ЖКХ / Share of household expenditures on housing and utility bills	0,405	0,320	0,297	0,206	0,208
<i>Группа 3. Показатели развития социальной инфраструктуры / Group 3. Indicators of social infrastructure development</i>					
Численность профессорско-преподавательского состава на 1 000 чел. населения / Number of teaching staff per 1,000 people of the population	0,420	0,422	0,438	0,400	0,412
Численность врачей на 1 000 чел. населения / Number of doctors per 1000 population	0,469	0,490	0,529	0,552	0,574
Численность зрителей театров на 1 000 чел. населения / Number of theater-goers per 1000 persons of population	0,530	0,530	0,545	0,529	0,517
Оборот розничной торговли на душу населения / Retail trade turnover per capita	0,474	0,482	0,481	0,473	0,472
Оборот общественного питания на душу населения / Public catering turnover per capita	0,395	0,465	0,474	0,430	0,455
<i>Группа 4. Показатели имущества / Group 4. Property indicators</i>					
Число собственных легковых автомобилей / Number of own passenger cars	0,394	0,346	0,376	0,365	0,336
Число посудомоечных машин на 100 домохозяйств / Number of dishwashers per 100 households	0,337	0,303	0,318	0,349	0,305
Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств / Number of personal computers per 100 households	0,346	0,296	0,352	0,362	0,360
Число телевизоров на 100 домохозяйств / Number of TV sets per 100 households	0,437	0,377	0,397	0,422	0,396
Обеспеченность жильем / Housing provision	0,336	0,306	0,343	0,335	0,341
Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом / Share of housing stock area equipped with water supply system	0,338	0,298	0,325	0,321	0,305
<i>Группа 5. Показатели равномерности распределения благ / Group 5. Indicators of evenness of distribution of benefits</i>					
Соотношение среднего и медианного денежного дохода населения / Ratio of average and median cash income of the population	0,999	0,994	0,999	0,999	0,999
Коэффициент фондов / Funds ratio	0,998	0,995	0,997	0,997	0,997
Коэффициент Джини / Gini coefficient	0,998	0,995	0,997	0,996	0,996

Аналогичный подход был применен для анализа весовых характеристик групп показателей в рамках расчета обобщенного уровня жизни в регионе Российской Федерации. Полученные значения весовых характеристик представлены в таблице 2.

Таблица 2. Значения весовых характеристик групп показателей, 2017–2021 гг.

Table 2. Values of weighting characteristics of groups of indicators, 2017–2021

Группа / Group	2017	2018	2019	2020	2021
1. Показатели доходов / Income indicators	0,374	0,381	0,393	0,357	0,377
2. Показатели расходов / Expenditure indicators	0,325	0,331	0,361	0,314	0,322
3. Показатели развития социальной инфраструктуры / Indicators of social infrastructure development	0,325	0,332	0,321	0,308	0,310
4. Показатели имущества / Property indicators	0,408	0,417	0,413	0,423	0,418
5. Показатели равномерности распределения благ / Indicators of even distribution of benefits	–0,074	–0,082	–0,099	–0,050	–0,058

Как ни парадоксально, весовые характеристики пятой группы имеют отрицательные значения. В целом это согласуется с реально наблюдаемой ситуацией, в которой в экономически более развитых регионах наблюдается большая степень расслоения населения по величине доходов.

Рассчитанные показатели уровня жизни населения стали основой для формирования рейтинга регионов. В таблице 3 представлен фрагмент рейтинга, в котором отражены 10 регионов-лидеров и 10 регионов-аутсайдеров по данному показателю по состоянию на 2021 г., а также места, занимаемые данными регионами в период с 2017 г.

Таблица 3. Рейтинг регионов Российской Федерации по уровню жизни, 2017–2021 гг., место

Table 3. Ranking of Russian regions by standard of living, 2017–2021, position

Интегральное значение / Integral value	2017	2018	2019	2020	2021
1	2	3	4	5	6
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	1	1	1	1	1
г. Москва / Moscow	2	2	2	2	2
Московская область / Moscow Region	6	5	4	3	3
Сахалинская область / Sakhalin Region	3	3	3	4	4
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	4	4	6	6	5
Воронежская область / Voronezh Region	5	6	7	5	6
Белгородская область / Belgorod Region	7	7	9	7	7
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamal-Nenets Autonomous Area	12	9	5	12	8
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	9	8	13	10	9
Краснодарский край / Krasnodar Territory	14	13	10	9	10
...

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	76	76	77	78	76
Забайкальский край / Trans-Baikal Territory	74	75	76	77	77
Курганская область / Kurgan Region	77	77	75	76	78
Республика Алтай / Republic of Altai	82	82	80	79	79
Чеченская Республика / Chechen Republic	80	79	81	81	80
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	79	80	78	80	81
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	81	81	82	82	82
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayevo-Circassian Republic	83	83	83	83	83
Республика Тыва / Republic of Tuva	85	84	84	84	84
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	84	85	85	85	85

Проведенный анализ показал, что лидерские позиции на всем рассматриваемом интервале времени сохраняются за городами федерального значения – Санкт-Петербургом и Москвой. В тройку лидеров также входит Московская область, имеющая тесные связи с г. Москвой и улучшившая свои позиции, поднявшись за последние годы с 6-го на 3-е место. Следует отметить, что факторы, которые определили положение регионов в рейтинге, могут различаться. Например, для Сахалинской области и Ямало-Ненецкого автономного округа высокий вклад в интегральное значение показателя вносит уровень доходов населения. Например, в Сахалинской области среднедушевой доход населения выше величины прожиточного минимума в 4,01 раз (5-е место среди всех регионов страны), в то время как в среднем по Российской Федерации данный показатель составляет 3,46 раза. С другой стороны, для ряда регионов центральной России фактором, обеспечившим высокое положение, явились величина расходов и наличие предметов долгого пользования. В частности, Воронежская область занимает 6-ю позицию по соотношению объема потребительских расходов к величине прожиточного минимума и 9-ю – по обеспеченности жильем. Регионы, занимающие нижние позиции в представленном рейтинге, в большинстве своем имеют слабые позиции по подавляющей части рассмотренных показателей.

Обсуждение и заключение. Результаты анализа показывают, что уровень жизни описывается совокупностью параметров, относительные оценки которых могут значительно различаться. При этом выделение ключевых элементов интегральной оценки дает возможность проводить дифференцированную политику в сфере повышения уровня жизни, концентрируя внимание на наименее развитых в конкретном регионе сферах. Использование формализованной структуры и методики расчета показателей позволяет осуществлять количественную оценку изменения показателей [30]. Требуется определить степень влияния управляемых параметров на динамику рассмотренных частных показателей и мероприятий для их достижения. Необходимо учитывать изменение макроэкономических условий, возрастной структуры населения [31] и ряд других факторов. При этом речь идет

не только о решении адресных вопросов, но и о принципиальном соотношении между двумя направлениями повышения уровня жизни населения – рост доходов за счет развития экономики или усиление мер государственной поддержки в форме социальных выплат и льгот, в том числе введение так называемого безусловного базового дохода. Указанная задача также нуждается в количественной оценке текущего и перспективного параметров уровня жизни. Таким образом, на наш взгляд, предлагаемая методика и разработанный на ее основе программный инструментарий могут быть применены органами государственного управления федерального и регионального уровней для решения следующих задач:

- 1) анализ текущей ситуации, оценка уровня жизни в регионах страны и формирование соответствующих рейтингов с целью выделения проблемных зон;
- 2) определение сильных и слабых сторон в развитии субъектов Российской Федерации с точки зрения рассматриваемой проблематики;
- 3) формирование прогноза изменения ситуации при реализации тех или иных мер государственной политики, включая решение вопроса взаимовлияния развития различных территорий и учета комплексного воздействия частных индикаторов на уровень жизни населения;
- 4) обоснование параметров дифференцированной региональной политики в Российской Федерации, учитывающей особенности развития отдельных ее частей.

В совокупности можно говорить о повышении эффективности государственного управления и уровня жизни населения в регионах России как целях разработки и внедрения предлагаемой методики.

На наш взгляд, предложенный методический подход к комплексной оценке уровня жизни населения в регионах России может быть в дальнейшем использован при формировании прогноза изменения ситуации и анализа последствий решений, принимаемых в отношении частных параметров с позиции их влияния на общие показатели. Вместе с тем требуется дополнительно рассмотреть вопрос о целесообразности расширения перечня рассматриваемых параметров. Его расширение может быть необходимо в связи с трансформацией общественных взаимоотношений под влиянием их цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митрошин И. В. Факторы уровня жизни в регионах Сибири // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 60. С. 96–114. <https://doi.org/10.17223/19988648/60/6>
2. Гайсина А. В. Взаимосвязь уровня жизни и развития человеческого капитала // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 470–471. URL: <https://eurasianlaw-journal.ru/2020g/12-151-2020g.html> (дата обращения: 02.09.2023).
3. Кузьмина Е. В. Особенности понятия «Уровень жизни» в системе социально-экономических категорий // Иден и идеалы. 2013. Т. 5, № 1-2 (15). С. 54–62. URL: <https://ideadealy.nsuem.ru/articles/osobennosti-ponyatiya-uroven-zhizni-v-sisteme-socialnoekonomicheskikh-kategoriy> (дата обращения: 02.09.2023).
4. Шувалова О. В. Уровень жизни и качество жизни: факторы и российская специфика // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 276–279. URL: <https://landraileiu.ru/wp-content/uploads/2023/04/ANI-EU-2018-1.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).
5. Бобков В. Н. Методологический подход всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 26–36. URL: <https://journals.vsu.ru/econ/article/view/9410> (дата обращения: 02.09.2023).

6. Жеребин В. М., Романов А. Н. Качество жизни населения в контексте международных сопоставлений // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 6. С. 86–93. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2013%20%E2%84%966.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).
7. Булатов А. Российская экономическая модель // Мировое и национальное хозяйство. 2013. № 3-4 (26-27). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2013/2013-03-04/rossijskaya-ekonomicheskaya-model> (дата обращения: 02.09.2023).
8. Садыралиев Ж. С. Сопоставление понятий уровня и качества жизни: субъективное наполнение // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 1. С. 58–66. URL: <http://journal.asu.ru/ssi/article/view/9568> (дата обращения: 02.09.2023).
9. Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России / А. М. Максимов [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 138–155. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.9>
10. Bérenger V., Verdier-Chouchane A. Multidimensional Measures of Well-Being: Standard of Living and Quality of Life Across Countries // World Development. 2007. Vol. 35, issue 7. Pp. 1259–1276. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2006.10.011>
11. Dutta I., Pattanaik P. K., Xu Y. On Measuring Deprivation and the Standard of Living in a Multidimensional Framework on the Basis of Aggregate Data // Economica. 2003. Vol. 70, issue 278. Pp. 197–221. <https://doi.org/10.1111/1468-0335.t01-1-00279>
12. Joyeux R., Ripple R. D. Household Energy Consumption Versus Income and Relative Standard of Living: A Panel Approach // Energy Policy. 2007. Vol. 35, issue 1. Pp. 50–60. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2005.10.012>
13. Shamaeva E., Shadrov K. Assessment of GDP and Living Standards of Countries in the Focus of Interdisciplinary Study // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17, № 3. С. 3–17. <https://doi.org/10.37490/S221979310015388-9>
14. Курченков В. В., Конева Д. А. Проблемы низкого уровня жизни населения на сельских территориях российских регионов // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2020. № 4. С. 37–44. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-4-37-44>
15. Паршуков Д. В., Колоскова Ю. И., Шапорова З. Е. Дифференциация сельских территорий региона по уровню жизни населения (на материалах Красноярского края) // Фундаментальные исследования. 2021. № 4. С. 65–70. <https://doi.org/10.17513/fr.43002>
16. Oborin M. S., Ivanova S. A., Vigushina Ye. P. The Study of Standard of Living in Russia's Small Towns // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 6 (74). С. 21–39. URL: <https://jne.usue.ru/ru/-2017/699> (дата обращения: 02.09.2023).
17. Tambe S. Sustainable Livelihoods Approach // Teaching and Learning Rural Livelihoods. Sustainable Development Goals Series. Springer, Cham, 2022. Pp. 45–56. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-90491-3>
18. Can Cooperatives Change the Standard Living of Youth? / F. Meiyanti [et al.] // Jambura Equilibrium Journal. 2023. Vol. 5, issue 2. Pp. 80–87. <https://doi.org/10.37479/jej.v5i2.20960>
19. Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. Т. 2, № 2. С. 18–84. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0086.html> (дата обращения: 02.09.2023).
20. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации / Г. П. Литвинцева [и др.] // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 3. С. 107–127. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-107-127>
21. Lee M., Anta Gueye C. Do Resource Windfalls Improve Standard of Living in Sub-Saharan African Countries? // Applied Economics. 2023. Vol. 55, issue 9. Pp. 944–962. <https://doi.org/10.1080/00036846.2022.2095341>
22. Менциев А. У., Амирова Э. Ф., Магомаев Т. Р. Концепция формирования новой цифровой экономики: проблемы, решения и перспективы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 10-1. С. 468–474. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2022-10/c9-mentsiev-amirova-magomayev.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).
23. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 2. С. 61–68. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/523> (дата обращения: 02.09.2023).
24. Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Моделирование влияния социальной инфраструктуры на рождаемость в регионах России // Регион: Экономика и Социология. 2022. № 4 (116). С. 81–106. <https://doi.org/10.15372/REG20220404>

25. Лазарева А. А., Чаусов Н. Ю. Повышение уровня и качества жизни населения как приоритетная задача государственного управления в регионе // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4, № 5. С. 253–259. URL: <https://dgpj-journals.ru/wp-content/uploads/2021/11/reb-t-4-5-2021.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).

26. McCann Ph. Perceptions of Regional Inequality and the Geography of Discontent: Insights from the UK // Regional Studies. 2020. Vol. 54, issue 2. Pp. 256–267. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1619928>

27. Falling Living Standards During the COVID-19 Crisis: Quantitative Evidence from Nine Developing Countries / D. Egger [et al.] // Science Advances. 2021. Vol. 7, issue 6. Article no. eabe0997. <https://doi.org/10.1126/sciadv.abe0997>

28. Афанасьева А. А., Закупнев С. Л. Изменение уровня жизни населения РФ в связи с пандемией и наложением санкционных ограничений // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 99-4. С. 42–46. <https://doi.org/10.18411/trnio-07-2023-199>

29. Орешников В. В., Низамутдинов М. М. Оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9, № 3. С. 192–213. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-192-213>

30. Низамутдинов М. М. Методические аспекты разработки инструментария моделирования и информационной поддержки формирования прогнозов демографического развития регионов // Известия Уфимского научного центра РАН. 2021. № 4. С. 102–109. URL: <http://journal.ufaras.ru/wp-content/uploads/2021/12/102-109.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).

31. Строев П. В., Фаттахов Р. В. Пространственное развитие России в современных реалиях // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 2 (10). С. 99–109. URL: http://gumforum.ru/wp-content/uploads/2022/06/2022_10_Stroev-P.V.-Fattahov-R.V.pdf (дата обращения: 02.09.2023).

Поступила в редакцию 19.09.2023; поступила после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 02.11.2023.

Об авторах:

Строев Павел Викторович, кандидат экономических наук, директор Института региональной экономики и межбюджетных отношений, доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4770-9140>, pstroev@fa.ru

Низамутдинов Марсель Малихович, кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5643-1393>, marsel_n@mail.ru

Орешников Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, магистрант направления подготовки «Управление инновационным развитием» Уфимского университета науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5779-4946>, voresh@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

П. В. Строев – постановка проблемы исследования; научное руководство; разработка концепции исследования.

М. М. Низамутдинов – обоснование концепции и гипотезы исследования; анализ и систематизация подходов; обобщение результатов исследования.

В. В. Орешников – сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных; оформление текста и результатов исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Mitroshin I.V. Standard of Living in Some Regions of Siberia: Interrelation with Various Factors. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2022;(60):96–114. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19988648/60/6>

2. Gaysina A.V. The Relationship between Living Standards and Human Capital Development. *Eurasian Law Journal*. 2020;(12):470–471. Available at: <https://eurasialaw-journal.ru/2020g/12-151-2020g.html> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Kuzmina E.V. [Features of the Concept “Standard of Living” in the System of Socio-Economic Categories]. *Ideas and Ideals*. 2013;5(1-2):54–62. Available at: <https://ideaidealy.nsuem.ru/articles/osobennosti-ponyatiya-uroven-zhizni-v-sisteme-socialnoekonomicheskikh-kategoriy> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Shuvalova O.V. Level and Standard of Living: Factors and Russian Specificity. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2018;7(1):276–279. Available at: <https://landraileiu.ru/wp-content/uploads/2023/04/ANI-EU-2018-1.pdf> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Bobkov V.N. Academic School of All-Russian Life Level Center Studying and Evaluating Quality and Level of Population Life. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2009;(2):26–36. Available at: <https://journals.vsu.ru/econ/article/view/9410> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Zhrebina V.M., Romanov A.N. The Population Quality of Life in the Context of International Comparisons. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2013;(6):86–93. Available at: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2013%20%E2%84%9666.pdf> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Bulatov A. [Russian Economic Model]. *World and National Economy*. 2013;(3-4). Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2013/2013-03-04/rossijskaya-ekonomicheskaya-model> (accessed 02.09.2023). (In Russ.)
8. Sadyraliev J.S. Comparison of the Concepts of the Level and the Quality of Life: Inclusive Content. *Society and Security Insights*. 2021;4(1):58–66. Available at: <http://journal.asu.ru/ssi/article/view/9568> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Maksimov A.M., Tutygin A.G., Malinina K.O., Chizhova L.A., Blynskaya T.A. Issues of the Methodology for Assessing Social Well-Being in Contemporary Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(2):138–155. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.9>
10. Bérenger V., Verdier-Chouchane A. Multidimensional Measures of Well-Being: Standard of Living and Quality of Life Across Countries. *World Development*. 2007;35(7):1259–1276. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2006.10.011>
11. Dutta I., Pattanaik P.K., Xu Y. On Measuring Deprivation and the Standard of Living in a Multidimensional Framework on the Basis of Aggregate Data. *Economica*. 2003;70(278):197–221. <https://doi.org/10.1111/1468-0335.t01-1-00279>
12. Joyeux R., Ripple R.D. Household Energy Consumption Versus Income and Relative Standard of Living: A Panel Approach. *Energy Policy*. 2007;35(1):50–60. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2005.10.012>
13. Shamaeva E., Shadrov K. Assessment of GDP and Living Standards of Countries in the Focus of Interdisciplinary Study. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2021;17(3):3–17. <https://doi.org/10.37490/S221979310015388-9>
14. Kurchenkov V.V., Koneva D.A. Problems of Low Living Standards of Population in Rural Areas of Russia. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 2020;(4):37–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-4-37-44>
15. Parshukov D.V., Koloskova Yu.I., Shaporova Z.E. Differentiation of Rural Areas of the Region According to the Standard of Living of the Population (Based on the Materials of the Krasnoyarsk Territory). *Fundamental Research*. 2021;(4):65–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/fr.43002>
16. Oborin M.S., Ivanova S.A., Vigushina Ye.P. The Study of Standard of Living in Russia’s Small Towns. *Journal of the Ural State University of Economics*. 2017;(6):21–39. Available at: <https://jne.usue.ru/ru/-/2017/699> (accessed 02.09.2023).
17. Tambe S. Sustainable Livelihoods Approach. In: Tambe S. Teaching and Learning Rural Livelihoods. Sustainable Development Goals Series. Springer, Cham; 2022. p. 45–56. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-90491-3>
18. Meiyanti F., Kurniawan A., Ichi I., Zainudin M. Can Cooperatives Change The Standard Living of Youth? *Jambura Equilibrium Journal*. 2023;5(2):80–87. <https://doi.org/10.37479/jej.v5i2.20960>
19. Ayvazyan S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy (Samara Region and its Constituent Territories). *Applied Econometrics*. 2006;2(2):18–84. Available at: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0086.html> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Litvintseva G.P., Shmakov A.V., Stukalenko E.A., Petrov S.P. Digital Component of People’s Quality of Life Assessment in the Regions of the Russian Federation. *Terra Economicus*. 2019;17(3):107–127. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-107-127>

21. Lee M., Anta Gueye C. Do Resource Windfalls Improve Standard of Living in Sub-Saharan African Countries? *Applied Economics*. 2023;55(9):944–962. <https://doi.org/10.1080/00036846.2022.2095341>
22. Mentsiev A.U., Amirova E.F., Magomaev T.R. Impact of Blockchain Technology on the Digital Economy. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022;12(10-1):468–474. Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2022-10/c9-mentsiev-amirova-magomaev.pdf> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Zubarevich N.V., Safronov S.G. The Share of Food in Total Consumption of the Population of Russian Regions as an Indicator of the Standard of Living and Consumption Modernization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2019;(2):61–68. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/523> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
24. Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Modeling the Impact of Social Infrastructure on Fertility in Russian Regions. *Region: Economics and Sociology*. 2022;(4):81–106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15372/REG20220404>
25. Lazareva A.A., Chaurov N.Yu. Improving the Level and Quality of Life of the Population as a Priority Task of Public Administration in the Region. *Russian Economic Bulletin*. 2021;4(5):253–259. Available at: <https://dgu-journals.ru/wp-content/uploads/2021/11/reb-t-4-5-2021.pdf> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
26. McCann Ph. Perceptions of Regional Inequality and the Geography of Discontent: Insights from the UK. *Regional Studies*. 2020;54(2):256–267. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1619928>
27. Egger D., Miguel E., Warren S.S., Shenoy A., Collins E., Karlan D., et al. Falling Living Standards During the COVID-19 Crisis: Quantitative Evidence from Nine Developing Countries. *Science Advances*. 2021;7(6):eabe0997. <https://doi.org/10.1126/sciadv.abe0997>
28. Afanasyeva A.A., Zakupnev S.L. [Changes in the Living Standards of the Russian Population Due to the Pandemic and the Imposition of Sanction Restrictions]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2023;(99-4):42–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18411/trnio-07-2023-199>
29. Oreshnikov V.V., Nizamutdinov M.M. Assessment of the Quality of Life in the Regions of the Russian Federation. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2023;9(3):192–213. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-192-213>
30. Nizamutdinov M.M. Methodical Aspects of Developing Toolkit Modeling and Information Support for the Formation of Forecasts of the Demographic Development of Regions. *Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*. 2021;(4):102–109. Available at: <http://journal.ufaras.ru/wp-content/uploads/2021/12/102-109.pdf> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
31. Stroeve P.V., Fattakhov R.V. Spatial Development of Russia in Current Realities. *Ufimskiy gumanitarnyy nauchnyy forum*. 2022;(2):99–109. Available at: http://gumforum.ru/wp-content/uploads/2022/06/2022_10_Stroeve-P.V.-Fattakhov-R.V.pdf (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 19.09.2023; revised 23.10.2023; accepted 02.11.2023.

About the authors:

Pavel V. Stroeve, Cand.Sci. (Econ.), Director of the Institute of Regional Economy and Intergovernmental Relations, Associate Professor of the Chair of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskiy Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4770-9140>, pstroeve@fa.ru

Marsel M. Nizamutdinov, Cand.Sci. (Engr.), Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskiy Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5643-1393>, marsel_n@mail.ru

Vladimir V. Oreshnikov, Cand.Sci. (Econ.), Undergraduate Student, Training Direction “Innovative Development Management”, Ufa University of Science and Technology (32 Zaki Validi St., Ufa 450076, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5779-4946>, voresh@mail.ru

Contribution of the authors:

P. V. Stroeve – formulation of the research problem; scientific guidance; development of the research concept.

M. M. Nizamutdinov – justification of the research concept and hypothesis; analysis and systematization of approaches; generalization of research results.

V. V. Oreshnikov – collecting data and evidence; formalized data analysis; formatting of text and design of research results.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 339.562:332.1

doi: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.090-107

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Региональная санаторно-курортная сфера: оценка рисков функционирования и развития

Н. В. Рубцова

*Байкальский государственный университет (г. Иркутск, Российская Федерация)
runatasha21@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Сфера санаторно-курортного отдыха в некоторых регионах Российской Федерации в последние годы характеризуется неблагоприятными тенденциями, проявляющимися в сокращении количества здравниц, числа мест в них, а также количества размещенных лиц. В этой связи актуальным является изучение рисков, оказывающих воздействие на дальнейшее функционирование отрасли, а также разработка перечня мер по их снижению. Цель исследования заключалась в верификации рисков функционирования и развития региональной санаторно-курортной сферы и выработке направлений по их снижению.

Модели и методы. Объектом исследования выступила санаторно-курортная сфера Иркутской области. Характеристика отрасли продемонстрирована с использованием методов ретроспективного и компаративного анализа, сравнения динамики ряда показателей: количества санаторно-курортных организаций, среднего числа мест в них, количества размещенных лиц в санаторно-курортных организациях, коэффициента загрузки. Оценка рисков функционирования и развития санаторно-курортной сферы региона проводилась с использованием метода экспертной оценки в разрезе шести групп рисков: политических, экономических, социальных, инфраструктурных, экологических, правовых, по четырем критериям – вероятность, влияние, управляемость и значимость.

Результаты исследования. На основе проведенного анализа продемонстрировано, что, обладая значительным потенциалом, санаторно-курортная сфера региона характеризуется удовлетворительными результатами функционирования. С помощью анализа значимости и управляемости рисков определена стратегия управления ими, сформированы основные направления по развитию региональной санаторно-курортной сферы Иркутской области, нацеленные на снижение инфраструктурных, экономических и экологических рисков.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты могут быть полезны для служащих государственных учреждений, в чей круг компетенций входит разработка управленческих решений, направленных на развитие санаторно-курортной сферы Иркутской области. Используемый в статье методологический инструментарий может представлять интерес для исследователей, осуществляющих научный поиск по проблеме снижения рисков функционирования и развития санаторно-курортной сферы территорий (регионов, туристских дестинаций).

Ключевые слова: санаторно-курортная сфера региона, оздоровительный туризм, риски функционирования санаторно-курортной сферы, стратегия управления рисками, туристская дестинация

© Рубцова Н. В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рубцова Н. В. Региональная санаторно-курортная сфера: оценка рисков функционирования и развития // Регионология. 2024. Т. 32, № 1. С. 90–107. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.090-107>

Original article

Regional Health Resort Area: Risk Assessment of Functioning and Development

N. V. Rubtsova

Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation)
runatasha21@yandex.ru

Abstract

Introduction. The sphere of resort recreation in some regions of the Russian Federation in recent years is characterized by unfavorable trends, manifested in a reduction in the number of health resorts, the number of places in them, as well as the number of accommodated persons. In this regard, it is very relevant to study the risks affecting the further functioning of the industry, as well as the development of a list of measures to reduce them. The purpose of the study was to verify the risks of functioning and development of the regional health resort industry and to develop directions for their reduction.

Materials and Methods. The object of the study is the health resort sector of the Irkutsk Region. The characteristics of the industry are demonstrated using the methods of retrospective and comparative analysis, comparison of the dynamics of a number of indicators: the number of health resort organizations, the average number of beds in them, the number of people accommodated in health resort organizations, the load factor. The assessment of risks of functioning and development of health resort sphere of the region was carried out using the method of expert assessments in the context of six groups of risks: political, economic, social, infrastructural, environmental, legal, according to four criteria – probability, impact, manageability and significance.

Results. Based on the analysis, it was shown that, having a significant potential, the health resort industry of the region as a whole is characterized by satisfactory results of functioning. The analysis of the significance and manageability of risks allowed the author to define strategies for their management, to formulate the main measures for the development of the regional health resort complex of the Irkutsk Region, aimed at reducing infrastructural, economic and environmental risks.

Discussion and Conclusion. The results obtained can be useful for employees of public institutions, whose competence includes the development of management decisions aimed at the development of health resort sphere of the Irkutsk Region. The methodological tools used in the article may be of interest to scientists, researchers conducting scientific research on the problem of reducing the risks of functioning and development of health resort sphere of territories (regions, tourist destinations).

Keywords: resort sphere of the region, health tourism, risks of functioning of resort sphere, risk management strategy, tourist destination

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Rubtsova N.V. Regional Health Resort Area: Risk Assessment of Functioning and Development. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):90–107. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.090-107>

Введение. В 2023 г. на развитие российской санаторно-курортной сферы запланирован значительный объем государственного финансирования – около 200 млрд руб. На лечебный и оздоровительный туризм в России приходится примерно 10 % внутреннего турпотока, при этом его объем в 2022 г. превысил допандемийные значения¹. По мнению экспертов, «именно пандемия COVID-19

¹ Десять процентов всего внутреннего турпотока в России приходится на санатории [Электронный ресурс] // Ассоциация туроператоров : сайт. 2023. 20 марта. URL: <https://www.atorus.ru/node/51793> (дата обращения: 09.10.2023).

помогла заново переоценить значение санаторно-курортного сегмента, когда восстановление после перенесенного заболевания происходило в этих оздоровительных учреждениях»².

В современных условиях усилившихся геополитических вызовов «закрытие выездных направлений для путешествий и отложенный из-за пандемии спрос обеспечивают рынку санаторно-курортных услуг хорошие темпы роста. В Ассоциации оздоровительного туризма и корпоративного здоровья указывали, что загрузка объектов по итогам 2022 г. превысила докризисный показатель. Активный рост сегмента... обеспечивает высокий интерес к нему инвесторов»³. Вместе с тем открытие санаторно-курортных объектов реализуется намного сложнее, чем классических средств размещения, поскольку такие проекты предполагают привлечение медицинского персонала и профильных специалистов, характеризуются длительными сроками окупаемости.

По мнению экспертов, на развитие туризма в среднесрочном периоде будет влиять множество факторов: платежеспособность населения, международная обстановка, наличие доступной перевозки, курс валют. Некоторые игроки туристского рынка предполагают, что туристы из России будут проявлять повышенный интерес к странам СНГ, которые воспринимаются как более безопасные, чем страны дальнего зарубежья. При этом объемы внутреннего туризма сократятся, а россияне будут путешествовать не по всей стране, а в пределах 250–300 км от родного города. Наблюдаемое в последние годы ухудшение физического и психологического здоровья населения вследствие воздействия пандемии, нестабильной политической и экономической обстановки, проведения специальной военной операции, вероятно, поспособствуют росту отечественного турпотока в пользу учреждений санаторно-курортной сферы. Таким образом, в обозримом будущем можно ожидать усиление спроса на услуги российских санаториев, курортов и здравниц. Мнения экспертов подтверждаются данными ВЦИОМ, согласно которым самым популярным летним направлением отдыха у россиян в 2023 г. стал Краснодарский край, его доля превысила 50 % в общем объеме продаж. Также в списке популярных направлений присутствуют г. Санкт-Петербург, Кавказские минеральные воды, Республика Крым, г. Москва и Подмосковье, Дагестан, г. Калининград, г. Казань, Республика Алтай. В совокупности указанные направления приняли 90 % туристов, бронирующих свои туры по России у туроператоров. При этом специалисты ВЦИОМ отмечают, что «заграничный отдых является невостребованным, а интерес россиян к отдыху на российских курортах и здравницах, особенно в Крыму, напротив, укрепляется»⁴.

Цель исследования – разработать общие направления по снижению рисков функционирования и развития региональной санаторно-курортной сферы в контексте усиления потребительского спроса на оздоровительный туризм в России. Для этого была дана характеристика изменения санаторно-курортной сферы

² Десять процентов всего внутреннего турпотока в России приходится на санатории...

³ «Туризм.РФ» разместится в санатории [Электронный ресурс] // Коммерсант : сайт. 2023. 17 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5827635> (дата обращения: 09.10.2023).

⁴ Как я провел это лето – 2023 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : сайт. 2023. 27 сент. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/kak-ja-provel-echo-to-2023> (дата обращения: 30.01.2024).

в 20-летней ретроспективе, определено ее современное состояние, верифицированы риски функционирования санаторно-курортной сферы в регионе и проведена их оценка, определены основные направления и меры по развитию региональной санаторно-курортной сферы. Объектом исследования выступила санаторно-курортная сфера Иркутской области. Предметной областью исследования являются риски, связанные с функционированием и развитием рассматриваемого объекта.

Обзор литературы. Изучению функционирования санаторно-курортной сферы уделяется пристальное внимание как зарубежными, так и отечественными авторами. Наибольший интерес у зарубежных исследователей в последние годы вызывает проблема восстановления отрасли после негативных последствий пандемии COVID-19 [1–8]. Актуальным направлением научного поиска является и выработка стратегий дальнейшего развития санаторно-курортной сферы стран и дестинаций [9–12], а также изучение отдельных практик функционирования санаторно-курортных организаций [13–16].

В настоящее время факторы воздействия и условия функционирования и развития санаторно-курортной сферы в России существенно отличаются от имеющейся зарубежной практики, что актуализирует важность рассмотрения изучаемого вопроса в фокусе отечественных регионов и туристских дестинаций. Говоря об отечественном векторе научного поиска, следует отметить, что значительное количество российских исследований посвящено дестинациям, традиционно относящимся к популярным здравницам нашей страны – Краснодарскому краю, а также курортам Черноморского побережья⁵ [17–20]. Важным направлением исследовательских работ, отражающих наболевшие проблемы отрасли, также можно назвать и изучение вопросов государственного финансирования и управления [17; 21–24].

В исследованиях последних лет отмечаются следующие проблемы, характеризующие отечественную санаторно-курортную сферу: «...низкая квалификация персонала, невысокое качество оказываемых услуг, неразвитость инфраструктуры, недостаточное количество средств размещения» [21], устаревшая материально-техническая база и недостаточная укомплектованность младшим медицинским персоналом, обусловленная низкой оплатой труда [17]. По мнению ученых, пандемия COVID-19 лишь обострила и усугубила проблемы, годами копившиеся в санаторно-курортной сфере [25]. В этой связи в настоящее время происходит переориентация санаторно-курортных предприятий с обслуживания государственного заказа (льготных категорий граждан) на рыночный сектор [17; 24].

Следует отметить, что проблема управления рисками функционирования и развития санаторно-курортной сферы в отечественных и зарубежных дестинациях относится к числу слабо разработанных. Она поднимается лишь в нескольких публикациях российских ученых, где в качестве методов исследования и оценки рисков в основном применяется метод ситуационного анализа [26–28], а также метод типологии [28].

⁵ Разумов А. Н. Санаторно-курортное лечение является по-настоящему важным разделом системы отечественного здравоохранения [Электронный ресурс] // БОСС. 2019. 10 июня. URL: <https://clck.ru/38voiu> (дата обращения: 09.10.2023); Мальцева М. В., Цунаева Ю. О. Проблемы и перспективы развития оздоровительного туризма в контексте влияния экономических рисков // Общество. Доверие. Риски : материалы Ежегодного Международного форума / под общ. ред. И. В. Грошева. М., 2020. С. 228–231.

Вместе с тем функционирование санаторно-курортной сферы Иркутской области, в том числе в аспекте воздействия современных геополитических вызовов и рисков функционирования и развития, освещено еще не в полной мере [24; 29–32]. Хотя регион обладает уникальными природно-климатическими и рекреационными ресурсами; на его территории располагается обширный спектр здравниц, курортов и санаториев различной специализации, а также единственный в своем роде природный центр притяжения туристов – озеро Байкал [23; 29; 30]. Данные обстоятельства актуализируют необходимость дальнейшего обсуждения данного вопроса.

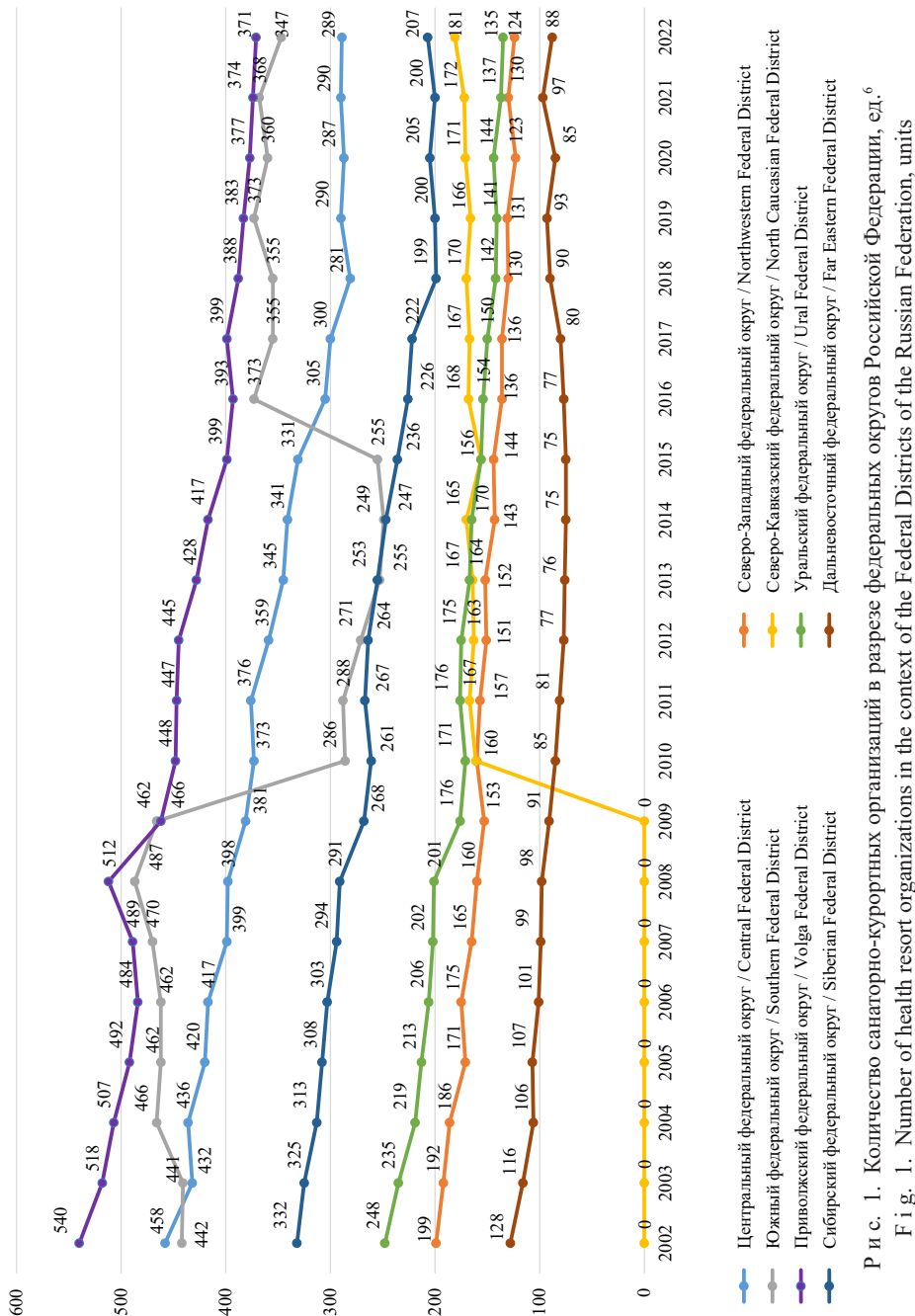
Материалы и методы. Теоретическую базу исследования определили результаты работ, освещающие проблемы функционирования санаторно-курортной сферы отечественных и зарубежных туристских дестинаций и выявляющие перспективные направления, способствующие ее развитию, при этом особое внимание уделялось оздоровительному туризму Иркутской области. Информационная база исследования включала официальные статистические данные Росстата, сведения о состоянии и развитии санаторно-курортной сферы региона, находящиеся в открытых информационных источниках, научные публикации, результаты экспертных опросов и собственных исследований автора [17; 18; 23; 24; 29].

Для ретроспективной характеристики отрасли использовались следующие показатели: количество санаторно-курортных организаций, среднее число мест в них, количество лиц, размещенных в санаторно-курортных организациях, коэффициент загрузки. Методами исследования выступили анализ вторичных источников информации, ретроспективный и компаративный анализ, обобщение, аналогия, метод экспертной оценки. Изучение вторичных источников информации, обобщение и ретроспективный анализ позволили сформировать представление о текущем состоянии и степени проработанности изучаемого вопроса, инструментах его исследования. Методы систематизации и структурирования использовались при обработке и интерпретации статистических данных, что позволило дать характеристику объекту исследования – санаторно-курортной сфере Иркутской области, идентифицировать группы, факторы и источники рисков, препятствующих ее развитию. Для оценки рисков и возможных последствий их возникновения применялся метод экспертных оценок.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что санаторно-курортная сфера региона подвергается серьезному воздействию значимых рисков, что требует разработки направлений и мер по снижению их влияния.

Научная новизна исследования заключается в оценке рисков функционирования и развития региональной санаторно-курортной сферы в спектре четырех критериев (вероятность, влияние, управляемость и значимость) с использованием «матрицы рисков».

Результаты исследования. Количество санаторно-курортных организаций в России по состоянию на 2022 г. составляло 1 742 ед. [26], что на 25,8 %, или на 605 ед., меньше по сравнению с периодом двадцатилетней давности. Распределение санаторно-курортных организаций по федеральным округам Российской Федерации представлено на рисунке 1.

Р и с. 1. Количество санаторно-курортных организаций в разрезе федеральных округов Российской Федерации, ед.⁶
Fig. 1. Number of health resort organizations in the context of the Federal Districts of the Russian Federation, units

⁶ Рисунок составлен автором по: Единая межведомственная информационная статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 09.10.2023).

Согласно статистическим данным, лидером по количеству санаториев, курортов и здравниц является Приволжский федеральный округ (21 % от всего количества санаторно-курортных организаций в России), немногим отстает от лидера Южный федеральный округ (20 %), а на третьей позиции находится Центральный федеральный округ (17 %). Неравномерность распределения санаторно-курортных организаций по территории страны объясняется, прежде всего, географическим расположением федеральных округов, что обуславливает наличие или отсутствие в них соответствующих природных, климатических и рекреационных условий и ресурсов.

Вместе с тем имеющаяся статистика демонстрирует отрицательную динамику количества санаторно-курортных организаций в России практически по всем федеральным округам. Так, в 2022 г. по сравнению с 2002 г. данный показатель снизился в Приволжском федеральном округе на 31 %, Южном федеральном округе – на 21 %, Центральном федеральном округе – на 37 %, Сибирском федеральном округе – на 38 %⁷, в Уральском федеральном округе – на 46 %, в Северо-Западном федеральном округе – на 38 %, в Дальневосточном федеральном округе – на 31 %.

Исключением можно назвать только Северо-Кавказский федеральный округ⁸, количество санаторно-курортных организаций в котором в последние годы уверенно растет – на текущий момент 12-летний темп прироста составил 12 %. Благоприятный тренд в данном федеральном округе, возможно, обусловлен тем, что в 2010 г. была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» [26], в рамках которой к настоящему времени осуществлена реализация 4 инвестиционных проектов санаторно-курортной направленности. В частности, в период с 2016 по 2022 г. на реализацию программы было выделено 8 687,5 млн руб. из различных источников финансирования [27].

Сибирский федеральный округ занимает четвертую строчку представленного на рисунке 1 рейтинга по количеству санаторно-курортных организаций в России (12 % от общего количества). К настоящему времени на территории Иркутской области располагается 12 %, или 24 ед., санаторно-курортных организаций Сибирского федерального округа (рис. 2). Регион имеет все необходимые для развития санаторно-курортной сферы ресурсы: минеральные воды, лечебные грязи, лечебно-оздоровительные местности. В лечебно-оздоровительную базу региона входят курорты, санатории, профилактории, дома отдыха и пансионаты⁹. Санаторно-курортная сфера включает в себя пять комплексов: бальнеологический, климатический, климато-питьевой, бальнеогрязевый, климато-бальнео-питьевой, бальнео-грязево-питьевой, грязе-бальнео-питьевой¹⁰. Необходимо отметить, что для санаторно-курортной сферы

⁷ Здесь следует уточнить, что в 2018 г. Республика Бурятия вышла из состава Сибирского федерального округа и вошла в состав Дальневосточного федерального округа, что во многом повлияло на количество санаторно-курортных организаций.

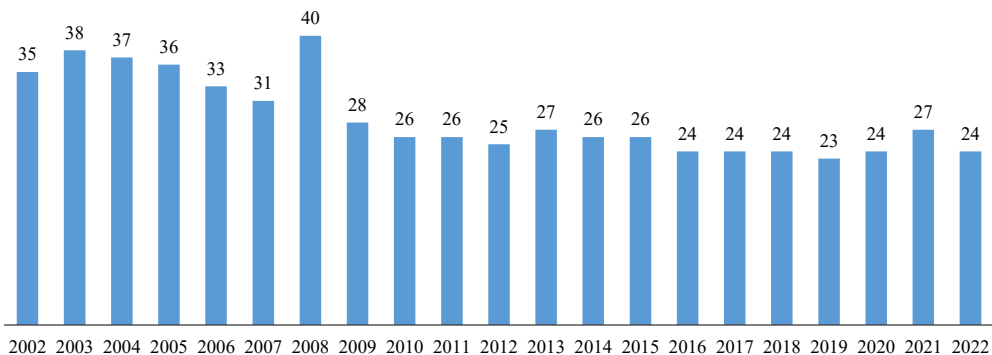
⁸ Северо-Кавказский федеральный округ был образован в 2010 г. (выделен из состава Южного федерального округа).

⁹ Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Иркутской области: в 3 т. Иркутск : Изд-во БГУЭП (ИГЭА), 2002. Т. 3. С. 156.

¹⁰ Там же.

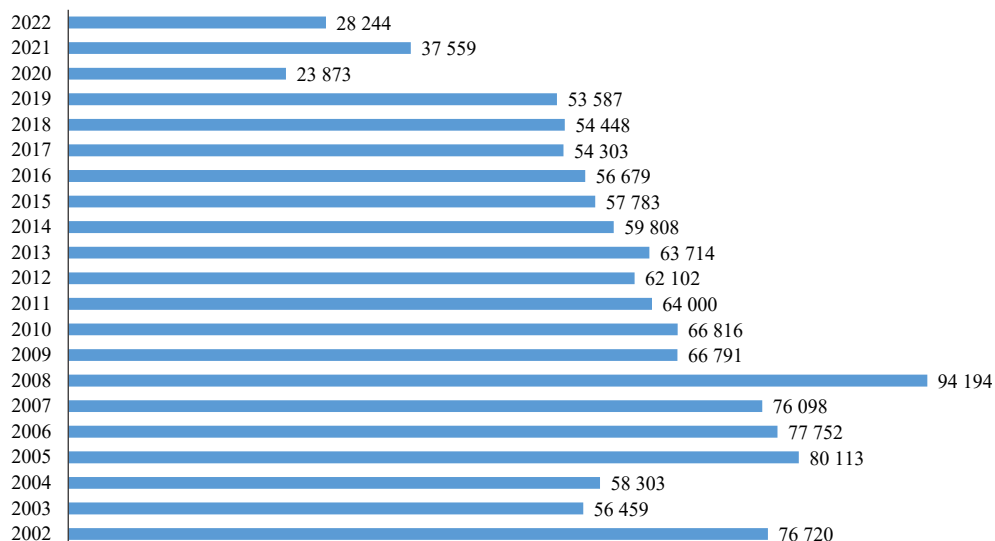
Иркутской области характерны неблагоприятные тенденции, характеризующие отечественную отрасль в целом – в 2022 г. значение анализируемого показателя снизилось на 31 % по сравнению с 2002 г. (рис. 2).

Р и с. 2. Количество санаторно-курортных организаций в Иркутской области, ед.¹¹

F i g. 2. Number of health resort organizations in the Irkutsk Region, units

Отрицательная динамика характерна и для числа мест в санаторно-курортных организациях. Так, в 2022 г. данный показатель сократился на 24 %, или на 1 422 ед., в натуральном выражении по сравнению с 2002 г. Сокращение количества санаториев, курортов и здравниц и соответственно числа мест в них не могло не отразиться на количестве размещенных лиц (рис. 3).

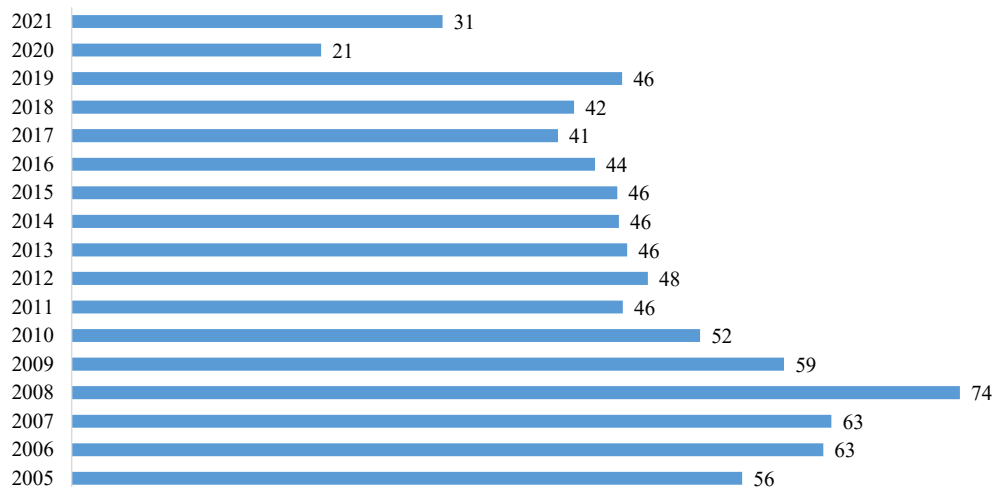
Р и с. 3. Количество размещенных лиц в санаторно-курортных организациях Иркутской области, чел.

F i g. 3. Number of people accommodated in resort organizations of the Irkutsk Region, ppl.

¹¹ Рисунки 2–4 составлены автором по: Единая межведомственная информационная статистическая система. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 09.10.2023).

В 2022 г. услугами оздоровительного туризма в регионе смогли воспользоваться 28 244 чел., что на 63 % меньше по сравнению с 2002 г. Наилучшее значение данного показателя за рассматриваемый период наблюдалось в 2008 г., этот год охарактеризовался и самым большим количеством санаторно-курортных предприятий (рис. 2), однако экономический кризис 2009 г. привел к резкому сокращению рассматриваемых показателей. Наихудшее значение показателя количества размещенных лиц наблюдалось в 2020 г. – период пандемии COVID-19, когда деятельность санаторно-курортной сферы была практически парализована.

Также следует констатировать, что в последние годы отмечается снижение коэффициента загрузки санаторно-курортных организаций региона. Если в 2002 г. он составлял 56 %, в «тучный» 2008 г. – 74 %, то в настоящее время снизился до 31 %, что свидетельствует о том, что санаторно-курортные организации используют только одну треть имеющихся у них мощностей (рис. 4).

Р и с. 4. Годовая загрузка санаторно-курортных организаций Иркутской области, %

F i g. 4. Annual load of health resort organizations in the Irkutsk Region, %

Таким образом, представленный ретроспективный анализ функционирования санаторно-курортной сферы региона выявил отрицательную динамику по всем ключевым показателям, что позволяет сделать вывод об удовлетворительном состоянии отрасли в настоящее время. Как отмечалось ранее, в ближайшие годы можно ожидать значительное усиление спроса на услуги оздоровительного туризма в регионе, что обусловлено влиянием геополитических вызовов третьего десятилетия XXI в. Санаторно-курортная сфера Иркутской области подвержена влиянию существенных рисков, относящихся как к органам государственной власти всех уровней, так и к текущему состоянию отрасли, а также к наиболее проблемным и ключевым факторам внешней среды.

Оценка рисков, препятствующих развитию санаторно-курортной сферы Иркутской области, осуществлялась с использованием четырех критериев: 1) вероятность возникновения; 2) влияние; 3) значимость; 4) управляемость риска. Идентификация, анализ и оценка рисков, факторов (причин) их возникновения, а также поиск направлений снижения рисков проводились методом экспертной

оценки посредством проведения опроса. В опросе приняли участие пять экспертов, обладающих необходимой квалификацией и имеющих опыт работы в санаторно-курортной сфере на руководящей должности не менее пяти лет. Размер экспертной группы во многом определялся наличием специалистов, соответствием заявленным к ним требованиям, их согласием выступить в роли экспертов. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

Для идентификации рисков была проведена «оценка влияния негативных событий, являющихся источниками возникновения рисков, в том числе связанных с усложнением геополитического положения и экономической ситуации в Российской Федерации, и долгосрочных риск-факторов, основанных на специфических особенностях санаторно-курортной сферы региона»¹². В результате диагностики были верифицированы 15 основных рисков, препятствующих развитию санаторно-курортной сферы региона, определенных в спектре шести групп – политические (П), экономические (Э), социальные (С), инфраструктурные (И), экологические (ЭК), правовые (ПР):

- 1) уменьшение въездного потока иностранных туристов со стороны государств, сохраняющих транспортное сообщение с Российской Федерацией (П1);
- 2) укрепление негативного имиджа страны как туристской территории (П2);
- 3) увеличение количества льготных категорий граждан (инвалидов, ветеранов войн), нуждающихся в санаторно-курортном лечении (С1);
- 4) недостаточная укомплектованность младшим медицинским персоналом (С2);
- 5) снижение реальных доходов населения (Э1);
- 6) увеличение затрат на строительство (реконструкцию, модернизацию) капитальных объектов (Э2);
- 7) сокращение финансирования санаторно-курортной сферы из бюджетов всех уровней и объема частных инвестиций, в том числе иностранных (Э3);
- 8) недостаточное количество санаторно-курортных организаций и мест в них для полноценного удовлетворения спроса (И1);
- 9) устаревшая материально-техническая база регионального санаторно-курортного комплекса (И2);
- 10) высокий износ коммунальной и инженерной инфраструктуры санаторно-курортного комплекса (И3);
- 11) неудовлетворительное состояние имеющейся дорожно-транспортной инфраструктуры и ее недостаточная обеспеченность (И4);
- 12) деградация уникальных природных экосистем (ЭК1);
- 13) загрязнение воздуха, поверхностных и грунтовых вод, снижение качества гидроминеральных источников из-за возросшей антропогенной нагрузки (ЭК2);
- 14) отсутствие мер государственной поддержки (на всех уровнях управления) санаторно-курортной сферы региона (ПР1);
- 15) низкое качество государственного и муниципального управления на территории региона (ПР2).

Характеристика каждой из групп рисков в плоскости факторов и источников их возникновения, возможных последствий представлена в Приложении¹³.

¹² Бюллетень Счетной палаты РФ. Курорты Северного Кавказа. 2022. № 11 (300). 114 с.

¹³ Приложение [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.099>

Экспертные оценки влияния рисков по критериям «вероятность»¹⁴, «влияние»¹⁵, «управляемость»¹⁶ и значимость представлены в таблице 1.

Таблица 1. Экспертные оценки рисков, препятствующих развитию санаторно-курортной сферы региона (среднее значение)

Table 1. Expert assessments of risks hindering the development of the health resort sector in the region (average value)

Группа рисков / Risk group	Код риска / Code risk	Вероятность риска / The probability of the risk	Влияние риска / The Impact of the risk	Управляемость риска / Risk manageability	Значимость риска / The significance of the risk
Политические / Political	П1	2 ¹⁷	1	низкая	умеренная
	П2	1	1	низкая	умеренная
Социальные / Social	С1	5	5	низкая	критическая
	С2	4	5	средняя	критическая
Экономические / Economic	Э1	3	4	средняя	существенная
	Э2	3	3	средняя	существенная
	Э3	2	4	высокая	умеренная
Инфраструктурные / Infrastructure	И1	4	4	средняя	критическая
	И2	3	3	высокая	существенная
	И3	2	4	высокая	существенная
	И4	4	4	средняя	критическая
Экологические / Ecological	ЭК1	2	3	низкая	существенная
	ЭК2	4	3	высокая	существенная
Правовые / Law	ПР1	4	3	низкая	критическая
	ПР2	2	2	средняя	умеренная

Значимость риска определялась в соответствии с пересечением значений оценок по критериям вероятности и влияния в матрице рисков (табл. 2).

Таблица 2. Матрица значимости рисков¹⁸

Table 2. Risk significance matrix

Вероятность / Probability	Карта рисков / Risk map				
5	5	10	15	20	25
4	4	8	12	16	20
3	3	6	9	12	15
2	2	4	6	8	10
1	1	2	3	4	5
Влияние / Influence	1	2	3	4	5

¹⁴ Вероятность риска оценивалась по 5-балльной шкале: 1 – очень низкая вероятность возникновения риска, 2 – низкая вероятность возникновения риска, 3 – средняя степень возникновения риска, 4 – высокая степень возникновения риска, 5 – очень высокая вероятность возникновения риска.

¹⁵ Влияние риска оценивалось по 5-балльной шкале: 1 – очень низкая степень влияния риска, 2 – низкая степень влияния риска, 3 – средняя степень влияния риска, 4 – высокая степень влияния риска, 5 – очень высокая степень влияния риска.

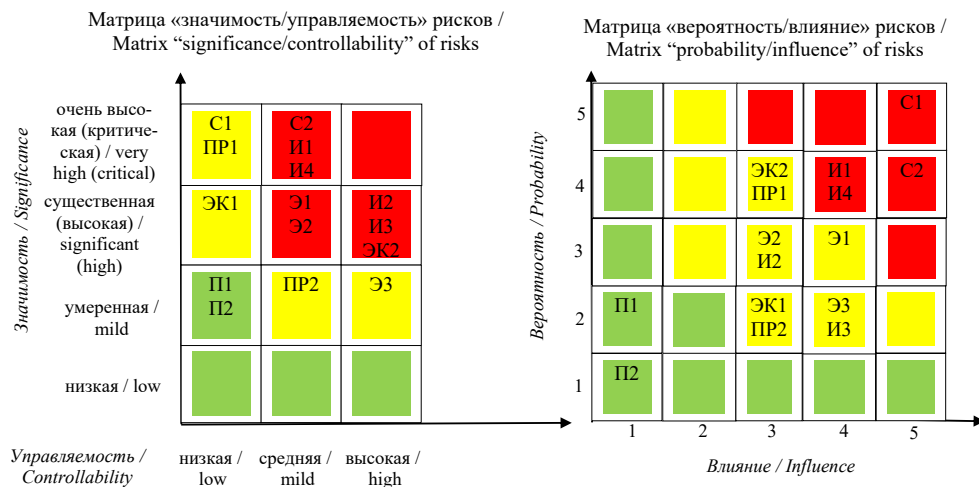
¹⁶ Управляемость риска оценивалась по 3-балльной шкале: низкая – риск находится вне сферы влияния, средняя – риск находится в пределах сферы влияния, высокая – риск полностью управляем.

¹⁷ Значение получено посредством округления средней по всем оценкам до целого числа.

¹⁸ Таблица 8 составлена автором по: Единая межведомственная информационная статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 09.10.2023).

На основе сопоставления полученных экспертных оценок были сформированы матрицы рисков «вероятность/влияние» и «значимость/управляемость» (рис. 6). Установлено, что существенными и при этом поддающимися управлению являются внутренние риски, возникающие по причинам неблагоприятных экономических условий в стране, неудовлетворительного состояния основных фондов санаторно-курортной сферы региона, технологической отсталости, недостаточного контроля над состоянием объектов инфраструктуры.

Р и с. 6. Матрицы «значимость/управляемость» и «вероятность/влияние» рисков
F i g. 6. Matrices “significance/controllability” and “probability/impact” of risks

По итогам оценки значимости выявленных рисков для развития санаторно-курортной сферы региона (рис. 6) установлено, что высокую значимость имеют риски: И1 – недостаточное количество санаторно-курортных организаций и мест в них для полноценного удовлетворения спроса; И4 – недостаточная обеспеченность дорожно-транспортной инфраструктурой; С2 – недостаточная укомплектованность младшим медицинским персоналом; Э1 – снижение доходов населения; Э2 – увеличение затрат на строительство (реконструкцию, модернизацию) капитальных объектов; И2 – устаревшая материально-техническая база регионального санаторно-курортного комплекса; И3 – высокий износ коммунальной и инженерной инфраструктуры санаторно-курортного комплекса; ЭК2 – загрязнение воздуха, поверхностных и грунтовых вод, снижение качества гидроминеральных источников из-за возросшей антропогенной нагрузки. Они требуют использования стратегий управления, направленных на их снижение.

Также в результате анализа было установлено, что наибольшее влияние оказывает группа социальных рисков – увеличение количества льготных категорий граждан (инвалидов, ветеранов войн), нуждающихся в санаторно-курортном лечении (С1) и недостаточная укомплектованность младшим медицинским персоналом (С2). Также существенными являются инфраструктурные риски – недостаточное количество санаторно-курортных организаций и мест в них для полноценного удовлетворения спроса (И1) и недостаточная обеспеченность

дорожно-транспортной инфраструктурой (И4), и экономический риск, связанный со снижением доходов населения (Э1). В отношении данных рисков необходимо осуществлять мероприятия, направленные на их снижение, а также минимизацию ущерба от последствий их реализации.

В соответствии с этим федеральными и региональными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления может быть подготовлен перечень основных направлений деятельности, способствующих устранению либо существенному уменьшению воздействия рисков развития санаторно-курортной сферы региона:

1. Сформировать перечень объектов капитального строительства (зданий, строений, сооружений), а также земельных участков, включая объекты незавершенного строительства, дорожно-транспортной, коммунальной и инженерной инфраструктуры и с учетом его результатов разработать меры для осуществления текущего, восстановительного и капитального ремонта.

2. Провести комплексное обследование состояния санаторно-курортной сферы региона как эколого-курортной территории в части «состояния и рационального использования лечебных и рекреационных ресурсов, экологической обстановки, недропользования, землепользования, градостроительной деятельности, в целях сохранения природного потенциала территории и с учетом его результатов разработать меры по сохранности лечебных и природных ресурсов»¹⁹.

3. Разработать меры по стимулированию и повышению оплаты труда младшего медицинского персонала, введение различных форм доплат и надбавок, привлечению молодежи в профессию (увеличение бюджетных мест на соответствующие программы подготовки).

Обсуждение и заключение. По итогам проведенного анализа и оценки (с использованием метода экспертных оценок) было верифицировано 15 основных рисков, влияющих на развитие санаторно-курортной сферы Иркутской области. Полученные результаты позволили констатировать, что наиболее существенными из них являются внутренние риски. Высокую значимость имеют следующие риски: недостаточное количество санаторно-курортных организаций и мест в них для полноценного удовлетворения спроса; недостаточная обеспеченность дорожно-транспортной инфраструктурой; недостаточная укомплектованность младшим медицинским персоналом; снижение доходов населения; увеличение затрат на строительство (реконструкцию, модернизацию) капитальных объектов; устаревшая материально-техническая база регионального санаторно-курортного комплекса; высокий износ коммунальной и инженерной инфраструктуры санаторно-курортного комплекса; загрязнение воздуха, поверхностных и грунтовых вод, снижение качества гидроминеральных источников из-за возросшей антропогенной нагрузки. Они требуют использования стратегий управления, направленных на их снижение.

Устаревшая материально-техническая база санаторно-курортного комплекса, высокий износ коммунальной и инженерной инфраструктуры, недостаточная обеспеченность дорожно-транспортной инфраструктуры являются источниками рисков, препятствующих повышению конкурентоспособности Иркутской области

¹⁹ Бюллетень Счетной палаты РФ...

как территории оздоровительного и рекреационного туризма. На существенность рисков наряду с хроническими недостатками состояния санаторно-курортной сферы региона влияют и вновь возникшие негативные события, связанные с кризисными явлениями в экономике, геополитическим кризисом. При этом ни один из рисков нельзя назвать критическим для достижения целей развития санаторно-курортной сферы региона. Детальная проработка мероприятий по снижению их негативного воздействия может стать направлениями будущих научных исследований.

Практическая значимость исследования заключается в эмпирической демонстрации методологического инструментария для верификации и оценки значимости рисков, который может быть использован исследователями применительно к иным отраслям и сферам деятельности. Ввиду ожидаемого усиления в среднесрочной перспективе спроса на здоровьесберегающие, рекреационные и реабилитационные услуги в России проблема эффективного функционирования и развития отечественной санаторно-курортной сферы не потеряет своей актуальности и значимости, что предопределяет необходимость инициации ее дальнейшего всестороннего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Smith M., Wallace M. An Analysis of Key Issues in Spa Management: Viewpoints from International Industry Professionals // *International Journal of Spa and Wellness*. 2020. Vol. 2, no. 3. Pp. 119–134. <https://doi.org/10.1080/24721735.2020.1819706>
2. Rodríguez-Antón J. M., Alonso-Almeida M. d. M. COVID-19 Impacts and Recovery Strategies: The Case of the Hospitality Industry in Spain // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, issue 20. Article no. 8599. <https://doi.org/10.3390/su12208599>
3. Tourism and Sustainability in Times of COVID-19: The Case of Spain / L. Moreno-Luna [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, issue 4. Article no. 1859. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041859>
4. Almeida F., Silva O. The Impact of COVID-19 on Tourism Sustainability: Evidence from Portugal // *Advances in Hospitality and Tourism Research*. 2020. Vol. 8, issue 2. Pp. 440–446. <https://doi.org/10.30519/ahtr.775340>
5. The Impact of COVID-19 on Tourism Industry in Malaysia / L.-P. Foo [et al.] // *Current Issues in Tourism*. 2021. Vol. 24, issue 19. Pp. 2735–2739. <https://doi.org/10.1080/13683500.2020.1777951>
6. Rodousakis N., Soklis G. The Impact of COVID-19 on the US Economy: The Multiplier Effects of Tourism // *Economies*. 2022. Vol. 10, issue 1. Article no. 2. <https://doi.org/10.3390/economies10010002>
7. The Effect of Coronavirus (COVID-19) in the Tourism Industry in China / A. Hoque [et al.] // *Asian Journal of Multidisciplinary Studies*. 2020. Vol. 3, no. 1. Pp. 52–58. URL: https://www.researchgate.net/publication/340309682_The_Effect_of_Coronavirus_COVID-19_in_the_Tourism_Industry_in_China (дата обращения: 09.10.2023).
8. The Handbook of Wellness Medicine / ed. by W. W. IsHak. Cambridge : Cambridge University Press., 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108650182>
9. Calero C., Turner L. W. Regional Economic Development and Tourism: A Literature Review to Highlight Future Directions for Regional Tourism Research // *Tourism Economics*. 2020. Vol. 26, issue 1. Pp. 3–26. <https://doi.org/10.1177/1354816619881244>
10. Tourism in a Post-COVID-19 Era: Sustainable Strategies for Industry's Recovery / A. Orîndaru [et al.] // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, issue 12. Article no. 6781. <https://doi.org/10.3390/su13126781>

11. Marome W., Shaw R. COVID-19 Response in Thailand and Its Implications on Future Preparedness // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, issue 3. Article no. 1089. <https://doi.org/10.3390/ijerph18031089>
12. Domestic Tourism in Nepal: Issues and Challenges / S. Basnyat [et al.] // *Tourism Review International*. 2020. Vol. 24, no. 1. Pp. 37–49. <https://doi.org/10.3727/154427220X15791346544770>
13. The German Day-Care Study: Multicomponent Non-Drug Therapy for People with Cognitive Impairment in Day-Care Centres Supplemented with Caregiver Counselling (DeTaMAKS) – Study Protocol of a Cluster-Randomised Controlled Trial / E. M. Behrndt [et al.] // *BMC Health Services Research*. 2017. Vol. 17, no. 1. Article no. 492. <https://doi.org/10.1186/s12913-017-2422-x>
14. Karagülle M., Kardeş S., Karagülle M.Z. Real-life Effectiveness of Spa Therapy in Rheumatic and Musculoskeletal Diseases: A Retrospective Study of 819 Patients // *International Journal of Biometeorology*. 2017. Vol. 61, no. 11. Pp. 1945–1956. <https://doi.org/10.1007/s00484-017-1384-3>
15. Inchausti-Sintes F. Tourism: Economic Growth, Employment and Dutch Disease // *Annals of Tourism Research*. 2015. Vol. 54. Pp. 172–189. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2015.07.007>
16. Бурменко Т. А. К вопросу о содержании понятия «оздоровительный туризм» // *Известия Байкальского государственного университета*. 2016. Т. 26, № 1. С. 42–49. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26\(1\)](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(1))
17. Рубцова Н. В., Ржепка Э. А. Состояние санаторно-курортной сферы Прибайкалья в постпандемийный период // *Baikal Research Journal*. 2023. Т. 14, № 1. С. 141–150. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14\(1\).141-150](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14(1).141-150)
18. Рубцова Н. В. Бюджетные расходы на развитие индустрии туризма в РФ в контексте реализации федеральных целевых программ // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2023. Т. 12, № 1 (42). С. 110–113. https://doi.org/10.57145/27128482_2023_12_01_19
19. Басюк А. С., Антошкина А. В., Цаллагова Л. М. Роль активации кластерной политики региона в его устойчивом социально-экономическом развитии // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 1 (114). С. 333–338. EDN: CMHWGJ
20. Нестеренко Н. А. Здоровье и работоспособность экономически активного населения как целевая функция в деятельности санаторно-курортного комплекса // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2018. № 2 (110). С. 145–149. EDN: YWNEQR
21. Оборин М. С., Сарян А. А. Проблемы развития курортов Краснодарского края в условиях геополитической нестабильности // *Сервис в России и за рубежом*. 2022. Т. 16, № 2 (99). С. 144–159. URL: <https://www.calameo.com/read/00497178524c71424bed4?trackersource=library> (дата обращения: 09.10.2023).
22. Ветитнев А. М., Оргина Е. В. О современном состоянии и тенденциях развития санаторно-курортного комплекса // *Вестник национальной академии туризма*. 2011. № 2. С. 51–53. URL: http://vestnik.nat-moo.ru/wp-content/uploads/2016/11/vestnik_nat_18_2011.pdf (дата обращения: 09.10.2023).
23. Рубцова Н. В., Корень А. В. Государственное финансирование санаторно-курортного лечения в России: проблемы и перспективы // *Известия Байкальского государственного университета*. 2023. Т. 33, № 1. С. 15–25. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33\(1\).15-25](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(1).15-25)
24. Рубцова Н. В., Ржепка Э. А. Санаторно-курортная сфера Иркутской области в условиях современных вызовов // *Азимут научных исследований. Экономика и управление*. 2022. Т. 11, № 4 (41). С. 45–47. https://doi.org/10.57145/27128482_2022_11_04_09
25. Баснина Т. Д., Валитова Л. А., Шерешева М. Ю. Управление санаторно-курортным комплексом: основные проблемы и тенденции развития // *Управленец*. 2021. Т. 12, № 1. С. 62–77. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-1-5>
26. Изосимова И. В., Сергачева О. М., Батраев М. Д. Особенности функционирования санаториев Красноярского края в современных экономических условиях // *Экономика и предпринимательство*. 2022. № 2 (139). С. 378–381. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.139.2.071>
27. Кучеренко И. М., Шпырня О. В., Ползикова Е. В. Совершенствование системы управления рисками и интеграционные лечебно-оздоровительные возможности санаторно-курортного отдыха в России и за рубежом // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 10 (135). С. 1061–1065. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.135.10.203>

28. Санин А. Ю. К вопросу об управлении рекреационным природопользованием в прибрежных туристических территориях Российской Федерации // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12, № 2. С. 45–57. URL: <https://www.calameo.com/read/0042510767d226b157184?trackersource=library> (дата обращения: 09.10.2023).

29. Рубцова Н. В., Головченко Т. П. Кадровое обеспечение туристской сферы Прибайкалья: основные проблемы и пути их преодоления // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 1. С. 173–184. <https://doi.org/10.18334/et.6.1.39728>

30. Князюк О. О., Абрамович С. Г. Санаторно-курортный комплекс Прибайкалья на рубеже третьего тысячелетия // Здоровье. Медицинская экология. Наука. 2017. № 4. С. 97–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanatorno-kurortnyy-kompleks-pribaykalya-na-rubezhe-tretiego-tysyacheletiya> (дата обращения: 09.10.2023).

31. Кондрацкая Т. А. Рекреационные услуги в Иркутской области // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 6. С. 140–143. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekreatsionnye-uslugi-v-irkutskoy-oblasti> (дата обращения: 09.10.2023).

32. Светник Т. В., Бубаева Т. Ю. Стратегическое управление созданием особой экономической зоны туристско-рекреационного типа в Республике Бурятия // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-sozdaniem-osoboy-ekonomicheskoy-zony-turistsko-rekreatsionnogo-tipa-v-respublike-buryatiya/viewer> (дата обращения: 09.10.2023).

Поступила в редакцию 03.05.2023; поступила после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 19.09.2023.

Об авторе:

Рубцова Наталья Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры журналистики и маркетинговых технологий Байкальского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1400-0509>, Scopus ID: 57190412064, runatasha21@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Smith M., Wallace M. An Analysis of Key Issues in Spa Management: Viewpoints from International Industry Professionals. *International Journal of Spa and Wellness*. 2020;2(3):119–134. <https://doi.org/10.1080/24721735.2020.1819706>
2. Rodríguez-Antón J.M., Alonso-Almeida M.d.M. COVID-19 Impacts and Recovery Strategies: The Case of the Hospitality Industry in Spain. *Sustainability*. 2020;12(20):8599. <https://doi.org/10.3390/su12208599>
3. Moreno-Luna L., Robina-Ramirez R., Sanchez-Oro M., Castro-Serrano J. Tourism and Sustainability in Times of COVID-19: The Case of Spain. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(4):1859. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041859>
4. Almeida F., Silva O. The Impact of COVID-19 on Tourism Sustainability: Evidence from Portugal. *Advances in Hospitality and Tourism Research*. 2020;8(2):440–446. <https://doi.org/10.30519/ahtr.775340>
5. Foo L.-P., Chin M.-Y., Tan K.-L., Phuah K.-T. The Impact of COVID-19 on Tourism Industry in Malaysia. *Current Issues in Tourism*. 2021;24(19):2735–2739. <https://doi.org/10.1080/13683500.2020.1777951>
6. Rodousakis N., Soklis G. The Impact of COVID-19 on the US Economy: The Multiplier Effects of Tourism. *Economies*. 2022;10(1):2. <https://doi.org/10.3390/economies10010002>

7. Hoque A., Shikha F.A., Hasanat M.W., Arif I. The Effect of Coronavirus (COVID-19) in the Tourism Industry in China. *Asian Journal of Multidisciplinary Studies*. 2020;3(1):52–58. Available at: https://www.researchgate.net/publication/340309682_The_Effect_of_Coronavirus_COVID-19_in_the_Tourism_Industry_in_China (accessed 09.10.2023).
8. Ishak W.W., editor. The Handbook of Wellness Medicine. Cambridge: Cambridge University Press; 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108650182>
9. Calero C., Turner L.W. Regional Economic Development and Tourism: A Literature Review to Highlight Future Directions for Regional Tourism Research. *Tourism Economics*. 2020;26(1):3–26. <https://doi.org/10.1177/1354816619881244>
10. Orindaru A., Popescu M.-F., Alexoaei A.P., Caescu S.-C., Florescu M.S., Orzan A.-O. Tourism in a Post-COVID-19 Era: Sustainable Strategies for Industry's Recovery. *Sustainability*. 2021;13(12):6781. <https://doi.org/10.3390/su13126781>
11. Marome W., Shaw R. COVID-19 Response in Thailand and Its Implications on Future Preparedness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(3):1089. <https://doi.org/10.3390/ijerph18031089>
12. Basnyat S., Suryakiran S., Bijita S., Reeja B., Shubhashree B. Domestic Tourism in Nepal: Issues and Challenges. *Tourism Review International*. 2020;24(1):37–49. <https://doi.org/10.3727/154427220X15791346544770>
13. Behrmdt E.M., Straubmeier M., Seidl H., Book S., Graessel E., Uttenberger K. The German Day-Care Study: Multicomponent Non-Drug Therapy for People with Cognitive Impairment in Day-Care Centres Supplemented with Caregiver Counselling (DeTaMAKS) – Study Protocol of a Cluster-Randomised Controlled Trial. *BMC Health Services Research*. 2017;17(1):492. <https://doi.org/10.1186/s12913-017-2422-x>
14. Karagülle M., Kardeş S., Karagülle M.Z. Real-life Effectiveness of Spa Therapy in Rheumatic and Musculoskeletal Diseases: A Retrospective Study of 819 Patients. *International Journal of Biometeorology*. 2017;61(11):1945–1956. <https://doi.org/10.1007/s00484-017-1384-3>
15. Inchausti-Sintes F. Tourism: Economic Growth, Employment and Dutch Disease. *Annals of Tourism Research*. 2015;54:172–189. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2015.07.007>
16. Burmenko T.A. To the Question of the Content of the Concept of “Health Tourism”. Bulletin of the Baikal State University. 2016;26(1):42–49. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26\(1\)](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(1))
17. Rubtsova N.V., Rzhepka E.A. The State of the Sanatorium-Resort Sphere of the Baikal Region in the Post-Pandemic Period. *Baikal Research Journal*. 2023;14(1):141–150. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14\(1\).141-150](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14(1).141-150)
18. Rubtsova N.V. Budget Expenditure for the Development of the Tourism Industry in the Russian Federation in the Context of the Implementation of Federal Target Programs. *Azimut of Scientific Research: Economics and Administration*. 2023;12(1):110–113. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.57145/27128482_2023_12_01_19
19. Basyuk A.S., Antoshkina A.V., Tsallagova L.M. The Role of Activation of the Cluster Policy of the Region in Its Sustainable Socio-Economic Development. *Economics and Entrepreneurship*. 2020;(1):333–338. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: CMHWGJ
20. Nesterenko N.A. Activity of Sanatorium-Resort Complex to Ensure the Health and Efficiency of the Economically Active Population. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2018;(2):145–149. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YWNEQR
21. Oborin M.S., Saryan A.A. Problems of Development of Resorts of Krasnodar Krai in Conditions of Geopolitical Instability. *Service in Russia and Abroad*. 2022;16(2):144–159. Available at: <https://www.calameo.com/read/00497178524c7142abed4?trackersource=library> (accessed 09.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Vetitnev A.M., Orgina E.V. Today's Sanatorium-and-Spa Complex State and Development Trends. *Vestnik of National Tourism Academy*. 2011;(2):51–53. Available at: http://vestnik.nat-moo.ru/wp-content/uploads/2016/11/vestnik_nat_18_2011.pdf (accessed 09.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Rubtsova N.V., Koren A.V. Public Funding of Health Resort Treatment in Russia: Problems and Prospects. *Bulletin of Baikal State University*. 2023;33(1):15–25. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33\(1\).15-25](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(1).15-25)
24. Rubtsova N.V., Rzhepka E.A. The Health and Resort Sphere of the Irkutsk Region in Conditions of Modern Challenges. *Azimut of Scientific Research. Economics and Management*. 2022;11(4):45–47. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.57145/27128482_2022_11_04_09
25. Basnina T.D., Valitova L.A., Sheresheva M.Yu. Managing the Russian Health Resort Industry: Key Challenges and Development Trends. *Manager*. 2021;12(1):62–77. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-1-5>
26. Izosimova I.V., Sergacheva O.M., Batraev M.D. Theory, Methodology and Methods of Evaluating the Effectiveness of Micro-and-Meso-Level Innovation and Investment Projects and Programs. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2022;(2):378–381. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.139.2.071>
27. Kucherenko I.M., Shpyrnya O.V., Polzikova E.V. Improvement of the Risk Management System and the Integration of Medical and Health-Improving Opportunities for Sanatorium-Resort Recreation in Russia and Abroad. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2021;(10):1061–1065. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.135.10.203>
28. Sanin A.Yu. On the Question of the Managing Recreational Nature-Use in Coastal Tourism Areas of the Russian Federation. *Service and Tourism: Current Challenges*. 2018;12(2):45–57. Available at: <https://www.calameo.com/read/0042510767d226b157184?trackersource=library> (accessed 09.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
29. Rubtsova N.V., Golovchenko T.P. Staffing of the Tourist Area of the Baikal Region: Main Problems and Ways to Overcome Them. *Russian Journal of Labor Economics*. 2019;6(1):173–184. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.6.1.39728>
30. Knyazyuk O.O., Abramovich S.G. Sanatorium-Sport Complex of Pribaikalia on the Abroad of the Third Millennium. *Zdorove. Meditsinskaya ekologiya. Nauka*. 2017;(4):97–99. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanatorno-kurortnyy-kompleks-pribaykalya-na-rubezhe-tretiego-tysyacheletiya> (accessed 09.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
31. Kondratskaya T.A. Recreation Services in Irkutsk Region. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;(6):140–143. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekreatsionnye-uslugi-v-irkutskoy-oblasti> (accessed 09.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
32. Svetnik T.V., Bubaeva T.Yu. Strategic Management of Creating a Special Economic Zone for Tourism and Recreation in Buryatia. *Bulletin of the Baikal State University*. 2011;(5). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-sozdaniem-osoboy-ekonomicheskoy-zony-turistsko-rekreatsionnogo-tipa-v-respublike-buryatiya/viewer> (accessed 09.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 03.05.2023; revised 08.09.2023; accepted 19.09.2023.

About the author:

Natalia V. Rubtsova, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Chair of Journalism and Marketing Technologies, Baikal State University (11 Lenin St., Irkutsk 664003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1400-0509>, Scopus ID: 57190412064, runatasha21@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Динамика этноконтактных зон в тюркских республиках Урало-Поволжья в постсоветский период

А. Г. Манаков ✉

Н. К. Теренина

И. А. Иванов

Псковский государственный университет (г. Псков, Российская Федерация)

✉ region-psk@yandex.ru

Аннотация

Введение. Интерес мировой науки к оценке этнического разнообразия стран и регионов предопределяет разработку концепции этноконтактных зон. Для апробации новых методик в рамках концепции существует потребность в проведении исследований не только на региональном, но и внутрирегиональном уровнях. Цель исследования – классифицировать муниципальные образования Чувашии, Татарстана и Башкортостана по этнической динамике в постсоветский период с помощью методики, разработанной авторами в соответствии с концепцией этноконтактных зон.

Материалы и методы. Эмпирической основой исследования является этническая статистика на уровне муниципальных образований республик по итогам переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. Представлена авторская методика выделения фаз развития этноконтактных зон, которая впервые применена на муниципальном уровне.

Результаты исследования. Выявлено, что общим трендом этнических процессов в последнем десятилетии XX в. была титулизация населения республик (исключение – Чувашия), а в первом десятилетии XXI в. – детитулизация населения (кроме Татарстана). Установлено, что процессы титулизации и детитулизации на уровне муниципальных образований определяются как общим трендом изменения доли титульного населения республик, так и этногеографическими особенностями, связанными с различной долей титульных народов в муниципальных образованиях, что в значительной мере обусловлено их центральным, полупериферийным или периферийным положением в пределах республик.

Обсуждение и заключение. Выявленные в ходе исследования пространственные закономерности этнической динамики, соответствующие определенным фазам развития этноконтактных зон, дают возможность прогноза этнических процессов на внутрирегиональном уровне. Однако такой прогноз возможен только в случае, если известен общий тренд этнических процессов на уровне национальных образований. По этой причине в качестве новой задачи в ходе разработки концепции этноконтактных зон поставлено изучение динамики этноконтактных зон регионального масштаба за длительный временной интервал, что позволит перейти к прогнозированию развития данных этноконтактных зон на среднюю и дальнюю перспективу.

Ключевые слова: национальность, индекс этнической мозаичности, этническая динамика, титульный этнос, этнические контакты

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Манаков А. Г., Теренина Н. К., Иванов И. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтogenicность».

Для цитирования: Манаков А. Г., Теренина Н. К., Иванов И. А. Динамика этноконтактных зон в торкских республиках Урало-Поволжья в постсоветский период // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 1. С. 108–125. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.108-125>

Original article

Dynamics of Ethnocontact Zones in the Turkic Republics of the Ural-Volga Region in the Post-Soviet Period

A. G. Manakov✉, N. K. Terenina, I. A. Ivanov
Pskov State University (Pskov, Russian Federation)
✉ region-psk@yandex.ru

Abstract

Introduction. The interest of world science in assessing the ethnic diversity of countries and regions predetermines the development of the concept of ethnocontact zones. To test new methods within the framework of the concept, there is a need to conduct research not only at the regional, but also at the intraregional levels. The purpose of the study is to classify the municipalities of Chuvashia, Tatarstan and Bashkortostan according to ethnic dynamics in the post-Soviet period using the methodology developed by the authors in accordance with the concept of ethno-contact zones.

Materials and Methods. The empirical basis of the study is ethnic statistics at the level of municipalities of the republics based on the results of the population censuses of 1989, 2002 and 2010. The authors' method of identifying the phases of development of ethnocontact zones, which was first applied at the municipal level, is presented.

Results. The general trend of ethnic processes in the last decade of the 20th century was the titularization of the population of the republics (with the exception of Chuvashia), and in the first decade of the 21st century – detitularisation of the population (except for Tatarstan). The processes of titularisation and detitularisation at the level of municipalities are determined both by the general trend in the change in the share of the titular population of the republics, and by ethnogeographic features associated with the different proportion of titular peoples in municipalities, which is largely due to their central, semi-peripheral or peripheral position within the republics.

Discussion and Conclusion. The spatial patterns of ethnic dynamics revealed in the course of the study, corresponding to certain phases of development of ethnocontact zones, make it possible to forecast ethnic processes at the intraregional level. However, such a forecast is possible only if the general trend of ethnic processes at the level of national formations is known. For this reason, the new task in the course of developing the concept of ethnocontact zones was to study the dynamics of ethnocontact zones on a regional scale over a long time interval, which will allow us to proceed to predicting the development of these ethnocontact zones in the medium and long term.

Keywords: nationality, ethnic mosaic index, ethnic dynamics, titular ethnic groups, ethnic contacts

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation under Project No. 23-17-00005 “Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential”.

For citation: Manakov A.G., Terenina N.K., Ivanov I.A. Dynamics of Ethnocontact Zones in the Turkic Republics of the Ural-Volga Region in the Post-Soviet Period. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):108–125. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.108-125>

Введение. В мировой науке в последние десятилетия проявляется особый интерес к изучению взаимосвязи между этническим разнообразием, с одной стороны, и различными социальными и экономическими характеристиками стран и регионов – с другой. Вместе с тем данные исследования включают собственно

оценку этнической неоднородности территорий, что предопределяет актуальность разработки концепции этноконтактных зон (далее – ЭКЗ).

Разработка концепции ЭКЗ предполагает создание научно-исследовательского инструментария, что в свою очередь требует модернизации существующих и создание новых методик изучения как этнической гетерогенности территорий, так и этнической динамики. Решение обозначенной задачи включает поиск показателей, позволяющих определить внешние границы ЭКЗ, степень их выраженности, проанализировать фазы развития ЭКЗ и т. п. Для апробации этих показателей существует потребность в проведении исследований не только на региональном, но и внутрирегиональном уровнях.

Целью исследования является опирающаяся на концепцию этноконтактных зон классификация муниципальных образований трех тюркских республик Урало-Поволжья (Чувашии, Татарстана и Башкортостана) по этнической динамике в периоды между переписями населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.

Обзор литературы. В настоящее время внешние границы этноконтактных зон определяются с помощью показателя, который в отечественной этнодемографии и этнической географии принято называть «индексом этнической мозаичности» (далее – ИЭМ) [1]. Данный индекс рассчитывается по формуле:

$$\text{ИЭМ} = 1 - \sum (Pi)^2,$$

где $(Pi)^2$ – доля i -ой национальности ($i = 1, 2, \dots$) в стране или регионе исследования. ИЭМ был предложен для оценки степени этнического разнообразия регионов СССР в 70-е гг. XX в. Б. М. Эккелем¹, за что его называют также «индексом Эккеля»².

Индекс этнической мозаичности используется в отечественной этнокультурной географии также и для классификации этноконтактных зон по степени выраженности. В целом величина ИЭМ меняется от 0 (если на территории все население относится к одной национальности) до $1 - 1/N$, где N – количество учтенных национальностей (при максимальной полиэтничности территорий). Так, наиболее распространенным является разделение ЭКЗ на ярко выраженные (ИЭМ свыше 0,4) и неярко выраженные (ИЭМ от 0,2 до 0,4) [1]. Именно такая классификация ЭКЗ использовалась, например, в процессе этнокультурного районирования Северного Кавказа [2; 3]. Также был предложен вариант выделения таких классов ЭКЗ, как слабо выраженные (ИЭМ от 0,1 до 0,2), средне выраженные (ИЭМ от 0,2 до 0,4) и ярко выраженные (ИЭМ свыше 0,4). Обычно отдельно рассматриваются такие типы территорий, как моноэтнические (ИЭМ до 0,1) и наиболее полиэтничные (ИЭМ свыше 0,6) [4].

Оценка этнического разнообразия территорий часто включается в задачи исследований зарубежных ученых. Так, к примеру, иностранными авторами изучалась взаимосвязь между этнической гетерогенностью и социальным доверием

¹ Эккель Б. М. Расчет индекса мозаичности для этнического состава республик, краев и областей СССР // Советская социология. 1979. Т. 18, вып. 1. С. 47–63. <https://doi.org/10.2753/SOR1061-0154180147>

² Дорофеева Д. Ю., Савоскул М. С. Изменение этнической мозаичности регионов России // Этническая демография : сб. Сер.: Демографические исследования / под ред. И. А. Даниловой, О. А. Хараевой. М. : МАКС Пресс, 2010. С. 72–93. EDN: VLSNND

на субнациональном уровне европейских регионов [5]. Однако намного чаще оценка этнического разнообразия связывается с задачей выявления ее влияния на различные экономические характеристики. На примере Китая исследовалась взаимосвязь между этнической однородностью населения регионов и темпами экономического роста в них [6]. Также изучалось влияние этнического разнообразия на неравенство расходов в Индонезии [7]. При этом очень разные результаты такого рода исследований позволяют говорить о том, что вопрос о влиянии этнической гетерогенности на экономические результаты и сейчас сохраняет свою дискуссионность [8].

Влияние этнического разнообразия на экономическую диверсификацию и развитие регионов страны изучается также и в отечественной науке [9–12]. В публикациях российских экономистов для оценки этнической неоднородности регионов страны используется индекс Эккеля, однако данный показатель назван ими, по аналогии с работами зарубежных авторов [13–15], «индексом этнической фракционализации». Еще один вариант названия показателя – «индекс этнолингвистической фракционализации» [16; 17].

Имеется опыт использования индекса этнической мозаичности (индекса этнической фракционализации) для выявления закономерностей и особенностей изменения неоднородности национального состава населения стран и регионов в течение значительных временных интервалов. Например, Л. Дражанова провела анализ изменения индекса этнической фракционализации по 162 странам мира за период с 1945 по 2013 г. Данный показатель, отображенный в динамике, автор назвала «историческим индексом этнической фракционализации». Результаты расчетов индекса по каждой стране за обозначенный период были нанесены на графиках [18; 19]. Опираясь на аналогичную методику, Д. Ю. Дорофеева и М. С. Савоскул отображали на графиках динамику индекса этнической мозаичности по ряду регионов России в период с 1959 по 2002 г.³ Такая же методика была использована нами для анализа динамики индекса этнической мозаичности республик Урало-Поволжья по итогам переписей населения с 1926 по 2010 г. [20].

Если графический способ отображения динамики индекса этнической мозаичности сейчас применяется достаточно часто, то работы, решающие аналогичную задачу с помощью картографического метода исследования, пока редки. Так, ранее нами был представлен опыт использования картографического метода для отображения динамики ИЭМ по регионам европейской части страны за два временных интервала: с 1897 по 1959 г. и с 1959 по 2010 г. [21]. Сложность использования данной методики связана с подвижностью административно-территориального деления в стране, поэтому приходится решать задачи привязки этнической статистики к границам регионов в разные временные интервалы. Кроме того, ограниченность применения этой методики заключается в том, что на одной картосхеме можно отобразить динамику показателя только за один временной интервал.

Также нами был использован картографический метод исследования для анализа изменений важнейших показателей, определяющих этнодемографическую

³ Дорофеева Д. Ю., Савоскул М. С. Изменение этнической мозаичности регионов России.

динамику титульного населения всех современных республик России между переписями 1939 и 2010 гг., с разбивкой по трем временным интервалам: с 1939 по 1959 г., с 1959 по 1989 г. и с 1989 по 2010 г. [22]. К этим показателям относятся доля титульных народов в населении республик и индекс этнической концентрации (доля титульных этносов, проживающих в пределах своих республик, от общей численности данных народов, проживающих на территории страны).

Что касается изучения этнической географии и этнодемографической динамики народов тюркских республик Урало-Поволжья, то из трудов, посвященных данной тематике, особо следует отметить монографии В. П. Иванова по Чувашии и чувашам⁴, статьи Р. Н. Сулеймановой и Ш. Н. Исянгулова – по Башкортостану и башкирам⁵, Р. В. Шайдуллина – по народам Татарстана [23]. Также нельзя обойти вниманием работу И. М. Габдрафикова [24], касающуюся вопросов политизации этнической статистики в регионе исследования, в первую очередь, на татаро-башкирском пограничье.

Материалы и методы. В качестве информационной базы исследования выступает этническая статистика на уровне России, тюркских республик Урало-Поволжья и их муниципальных образований по итогам переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг. Использована статистика, размещенная на сайтах «Демоскоп Weekly»⁶ (по результатам переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.), Федеральной службы государственной статистики (по итогам переписей населения 2010⁷ и 2021 гг.⁸), а также статистические сборники территориальных органов Федеральной службы государственной статистики республик по итогам переписей населения 1989 и 2002 гг.

Этноконтактные зоны могут быть классифицированы на полиэтничные (или многокомпонентные), если в их формировании участвует несколько народов, и двуэтничные (двухкомпонентные), когда явный перевес в населении имеют только два народа [1]. Ранее для определения степени выраженности двухкомпонентных ЭКЗ нами был предложен такой показатель, как индекс этнической контактности, который по сути оценивает вероятность встречи представителей двух народов на конкретной территории. Формула расчета показателя следующая:

⁴ Иванов В. П. Этническая карта Чувашии. Расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики. Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1997. 176 с.; Иванов В. П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары : Чуваш. книж. изд-во, 2005. 383 с.

⁵ Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н. Этнодемографические процессы и башкиры во второй половине XX в. // Труды института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Вып. III. Башкиры в Башкортостане в XX столетии: исторические очерки / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа : Ин-т истории, языка и литературы Уфим. науч. центра РАН, 2009. С. 288–297.

⁶ Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : сайт. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8> (дата обращения: 10.06.2023).

⁷ База данных муниципальных образований [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 12.06.2023).

⁸ Территориальные органы Федеральной службы государственной статистики: по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/49063>; по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/vpn2020>; по Чувашской Республике [Электронный ресурс]. URL: <https://21.rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 02.10.2023).

$$\text{ИЭК} = k \cdot 2 \cdot P_A \cdot P_B,$$

где P_A – доля национальности A в пределах определенной территории, P_B – доля национальности B на той же территории, k – поправочный коэффициент, отражающий «межэтнические расстояния» между ними [4]. По данной формуле в этнодемографии рассчитывается вероятность браков между представителями разных национальностей. Расчет «межэтнического расстояния» является самостоятельной научной задачей. Алгоритм решения этой задачи был предложен Е. Л. Сороко [25], который исследовал микроданные по этнически смешанным семьям, включающим представителей 27 национальностей России. В нашем исследовании коэффициент k принимается равным единице.

Величина ИЭК изменяется от 0 до 0,5. Соответственно, иной, в отличие от ИЭМ, должна быть градация величины индекса при определении степени выраженности ЭКЗ. Так, нами была предложена такая классификация двухкомпонентных ЭКЗ в зависимости от величины ИЭК: 1) ярко выраженные ЭКЗ при ИЭК свыше 0,4; 2) средне выраженные ЭКЗ при ИЭК от 0,2 до 0,4; 3) слабо выраженные ЭКЗ при ИЭК от 0,1 до 0,2 [4].

Несмотря на то, что ИЭК формально является всего лишь частным вариантом ИЭМ для двухкомпонентных ЭКЗ, его использование позволило заметно расширить научно-исследовательский аппарат концепции этноконтактных зон. В первую очередь нужно отметить, что многокомпонентные ЭКЗ могут быть преобразованы в двухкомпонентные путем объединения некоторых близких по каким-то признакам народов (например, по языковой близости, конфессиональной принадлежности, единому статусу и т. д.). В нашей статье используется разделение населения республик на две категории – титульные народы и нетитульное население (в сумме).

Еще одной особенностью использованной в статье методики является соединение двух характеристик в картографировании индекса этнической контактности, а именно величины ИЭК, оценивающей степень выраженности двухкомпонентных ЭКЗ (между титульным и нетитульным населением республик), и соотношения титульного и нетитульного населения муниципальных образований республик. Также две характеристики задаются и при картографировании динамики ИЭК за определенный период, а точнее на картосхеме отображается не только положительная или отрицательная динамика ИЭК, но и за счет какого из двух компонентов ЭКЗ (титульного народа или нетитульного населения) произошло изменение ИЭК.

Изучение динамики ИЭК за достаточно длительные временные интервалы позволило разработать методику выделения фаз развития ЭКЗ [4], которая впервые применена на муниципальном уровне в данной статье. Во-первых, были выделены четыре основных фазы развития ЭКЗ: 1) начальная (появление представителей этноса B на территории с господством этноса A , что выражается в нарастании величины ИЭК, создание слабо выраженной ЭКЗ); 2) рост этнической контактности между народами A и B (переход ЭКЗ из категории слабо выраженной в средне и ярко выраженную); 3) начало растворения ЭКЗ (когда в населении территории доля народа B превысила долю народа A); 4) растворение ЭКЗ (переход к слабо выраженной ЭКЗ и последующее возвращение территории статуса моноэтнической, но уже с господством этноса B). Переломным моментом в развитии ЭКЗ является выравнивание долей народов A и B (в идеале на уровне 50 %).

Выделение обозначенных фаз развития ЭКЗ оперирует сразу тремя показателями: 1) положительной или отрицательной динамикой доли титульного этноса; 2) положительной или отрицательной динамикой ИЭК; 3) величиной ИЭК на начало и конец временного интервала. На основании положительного или отрицательного знака в динамике доли титульных народов республик предложено в этнических процессах выделить две волны: 1) титулизацию населения; 2) детитулизацию населения. Соединение всех данных характеристик позволяет построить классификацию территориальных единиц (республик или муниципальных образований), учитывающую сразу волну (титулизации или детитулизации) и фазу развития ЭКЗ. Следует отметить, что в данной статье не акцентируется внимание на факторах динамики доли титульного и нетитульного населения (естественное и механическое движение, ассимиляционные процессы и т. п.), что может стать темой отдельного научного исследования.

В нашем исследовании представлены результаты расчета ИЭК на уровне муниципальных образований республик по итогам переписи населения 2021 г. (оценка степени выраженности ЭКЗ, в том числе с учетом соотношения титульного и нетитульного населения), а также динамики ИЭК за три временных интервала: 1) между переписями населения 1989 и 2002 гг.; 2) между 2002 и 2010 гг.; 3) между 2010 и 2021 гг. (классификация муниципальных образований в соответствии с фазами развития ЭКЗ).

Результаты исследования. В течение анализируемого периода тюркские республики Урало-Поволжья имели различную динамику ключевых показателей, характеризующих их титульное население (таблица).

Т а б л и ц а. Ключевые показатели динамики титульных народов тюркских республик Урало-Поволжья с 1989 по 2021 г.

Table. Key indicators of the dynamics of the titular peoples of the Turkic republics of the Ural-Volga region from 1989 to 2021

Годы / Years	Республики / Republic		
	Башкортостан / Bashkortostan	Татарстан / Tatarstan	Чувашия / Chuvash
1	2	3	4
<i>Доля титульных народов от всего населения, % / The share of titular peoples from the total population, %</i>			
1989	21,91	48,48	67,78
2002	29,76	52,92	67,69
2010	28,79	53,15	65,10
2021	31,01	52,22	57,71
<i>Динамика доли титульных народов, % / Dynamics of the share of titular peoples, %</i>			
1989–2002	+7,85	+4,44	–0,09
2002–2010	–0,97	+0,23	–2,59
2010–2021	+2,22	–0,93	–7,39
<i>Индекс этнической контактности (титульное/нетитульное население) / Ethnic contact index (titular/non-titular population)</i>			
1989	0,342	0,499	0,436
2002	0,418	0,498	0,437
2010	0,410	0,498	0,454
2021	0,428	0,499	0,488

Окончание таблицы / End of table

1	2	3	4
<i>Динамика индекса этнической контактности / Dynamics of the index of ethnic contact</i>			
1989–2002	+0,076	–0,001	+0,001
2002–2010	–0,008	–0,000	+0,017
2010–2021	+0,018	+0,001	+0,034

Доля титульного этноса рассчитывалась от всего населения республик, а не от числа тех, кто назвал свою национальность. Часть населения, которая не обозначила свою национальную принадлежность, была отнесена к категории «нетитульное население». Нужно отметить, что Башкортостан и Татарстан, т. е. республики, где традиционной религией титульных народов является ислам, оказались в числе субъектов Российской Федерации, где доля не обозначивших свою национальную принадлежность в 2021 г. была самой низкой в стране (соответственно 1,7 и 2,6 %). Заметно более значительной данная категория населения была в Чувашии (9,9 % при среднем по России показателе 11,7 %), где традиционной религией населения является православие.

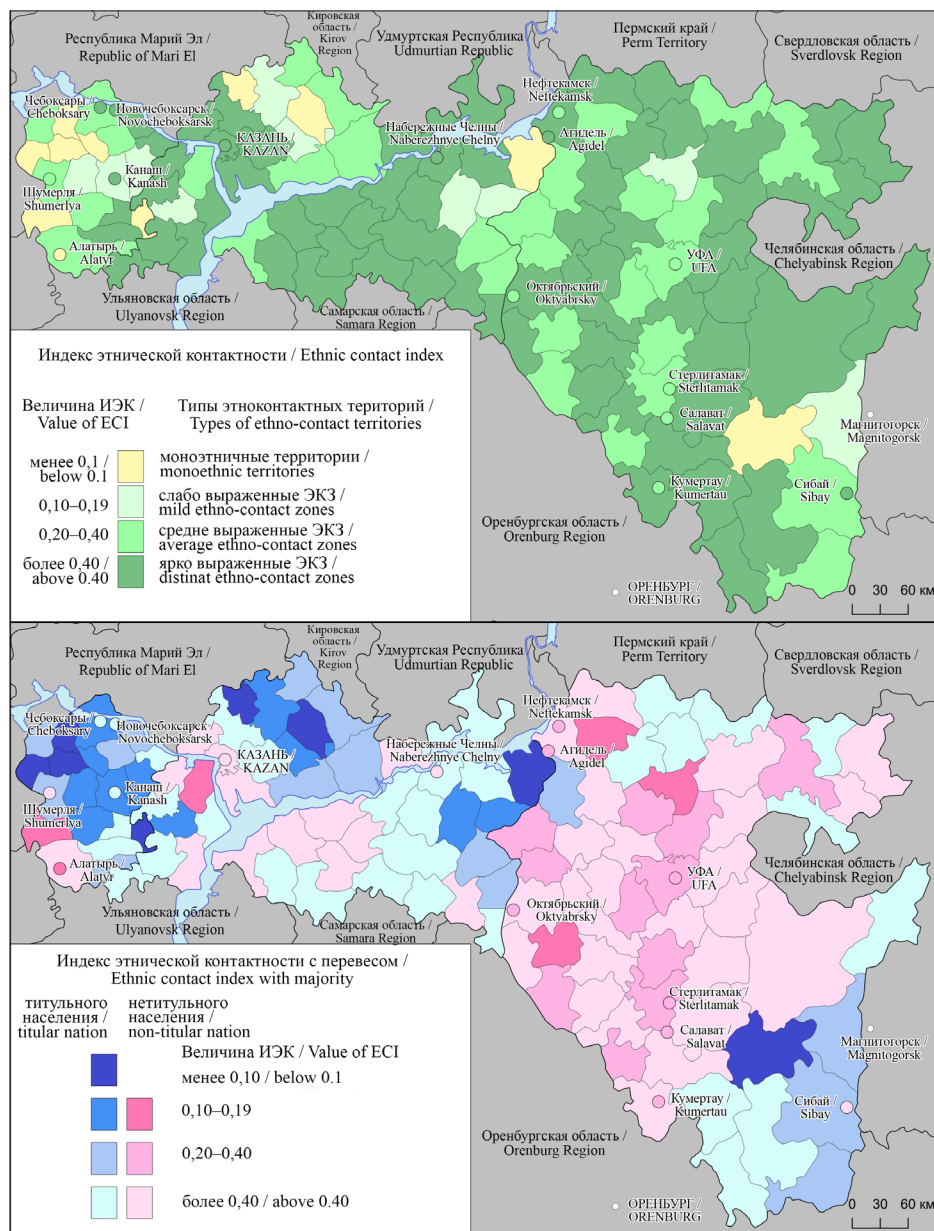
Также отметим, что удельный вес населения, не обозначившего свою национальную принадлежность при проведении переписи 2021 г., имеет отрицательную корреляционную связь со степенью полиэтничности тюркских республик Урало-Поволжья, и положительную – с долей титульных народов в них. В настоящее время по доле титульного народа среди трех республик лидирует Чувашия (с заметным перевесом в ее населении чувашей), от нее несколько отстает Татарстан (доля татар в республике превысила 50 % в конце XX в.) и замыкает тройку Башкортостан, где доля башкир не достигает даже трети населения (по причине высокой доли в населении республики татар).

Однако именно в Чувашии в постсоветский период происходило стабильное падение доли титульного этноса, в отличие от Татарстана и Башкортостана, где за это время в целом произошел рост удельного веса титульного населения, но в основном благодаря первому постсоветскому десятилетию, в последующие два десятилетия и в них была нестабильная динамика этого показателя.

Снижение доли титульного этноса в Чувашии вело к росту величины индекса этнической контактности. Динамика названных двух показателей свидетельствует о нахождении республики в состоянии второй фазы развития ЭКЗ (роста контактности) на волне детитулизации населения. Республика Татарстан до 2010 г. переходила к третьей фазе развития ЭКЗ (началу растворения) на волне титулизации населения, которая во втором десятилетии XXI в. вышла на аналогичные с Чувашией этнические процессы. Еще более сложной динамикой отличается Республика Башкортостан, которая в 90-е гг. XX в. и во втором десятилетии XXI в. испытывала рост контактности на волне титулизации населения, но между этими интервалами (в первом десятилетии XXI в.) пережила кратковременный период с противоположной динамикой.

На рисунке 1 отображена величина индекса контактности между титульным и нетитульным населением республик на уровне муниципальных образований по итогам переписи населения 2021 г. Рассмотренная выше методика позволяет не только

определить степень выраженности этноконтактных зон (на верхней картосхеме), но и визуально проследить еще и такую характеристику ЭКЗ, как соотношение титульного и нетитульного населения в их пределах (на нижней картосхеме).

Р и с. 1. Величина индекса этнической контактности (степень выраженности этноконтактных зон) и соотношение титульного и нетитульного населения муниципальных образований тюркских республик Урало-Поволжья по итогам переписи 2021 г.

F i g. 1. The value of the ethnic contact index (degree of manifestation of ethnocontact zones) and the ratio of the titular and non-titular population of the municipalities of the Turkic republics of the Ural-Volga Region according to the results of the 2021 census

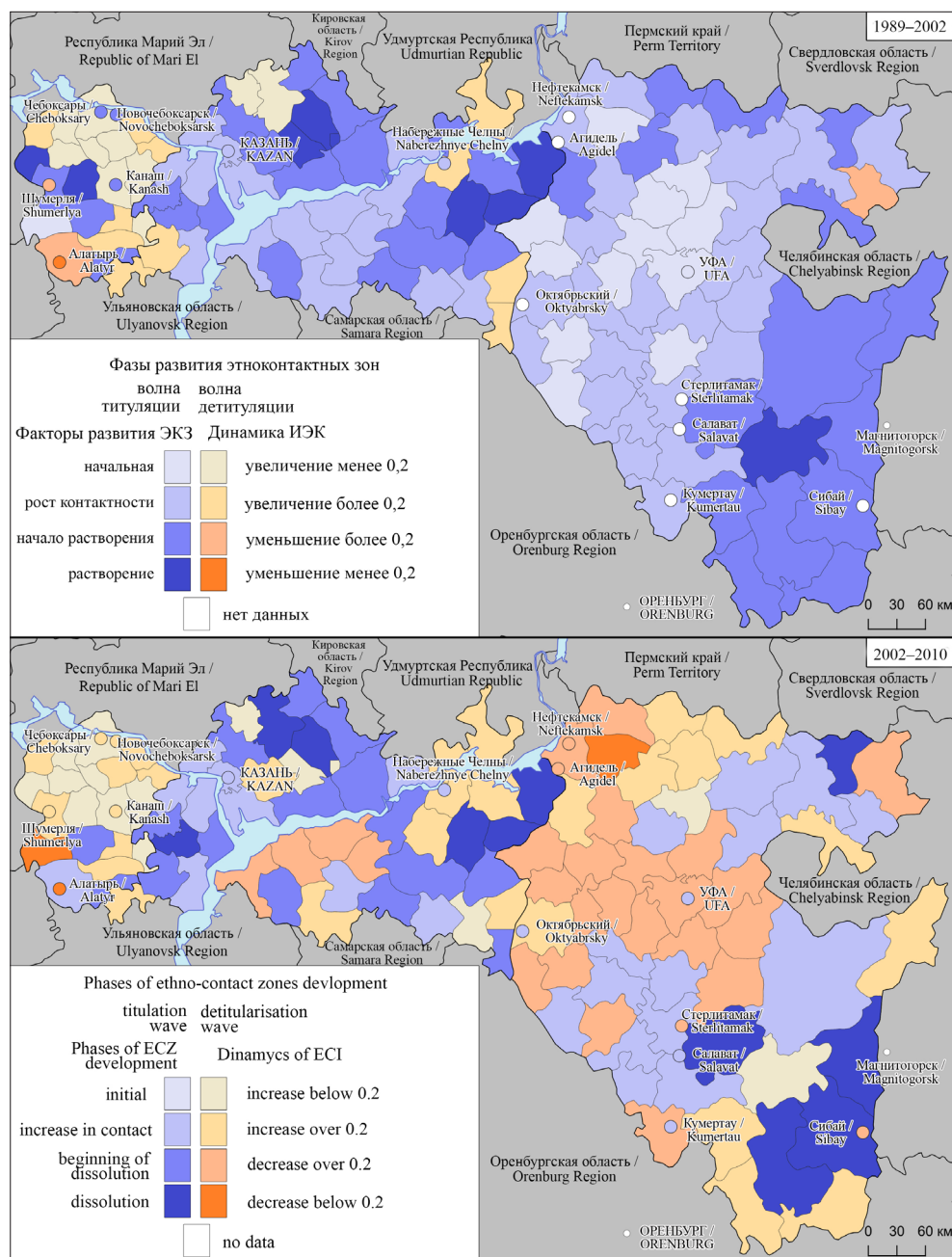
Ярко выраженные ЭКЗ между титульным и нетитульным населением занимают большую часть территорий республик, и встречается лишь несколько «островков» моноэтнических территорий с титульным населением и «вкраплений» со значительным перевесом нетитульного населения (слабо выраженные ЭКЗ). Наиболее обширные территории с перевесом нетитульного населения в ярко выраженных ЭКЗ покрывают Республику Башкортостан (кроме ее южной части) и центральную часть Республики Татарстан. В целом же в Татарстане в большей степени представлены ярко выраженные ЭКЗ с минимальным перевесом титульного населения. Наиболее крупные «островки» со значительным перевесом титульных народов (моноэтнические территории и слабо выраженные ЭКЗ) сконцентрированы в Чувашской Республике (в северной части) и Республике Татарстан (в северной и восточной частях). В южной части Республики Башкортостан, кроме одного моноэтнического района, имеется также группа районов с заметным перевесом титульного населения, рассматриваемых как слабо и средне выраженные ЭКЗ.

На рисунке 2 представлены результаты расчета динамики ИЭК в муниципальных образованиях тюркских республик Урало-Поволжья за два межпереписных периода: с 1989 по 2002 г. и с 2002 по 2010 г. Рисунок 3 позволяет проследить динамику ИЭК за период между переписями 2010 и 2021 гг., а также за весь анализируемый период – с 1989 по 2021 г.

В соответствии с нашей методикой, в анализ этнических процессов была включена такая характеристика, как изменение соотношения титульного и нетитульного населения, давшая возможность учесть два основных направления этнической динамики – рост доли титульного народа (волна титулизации) или ее сокращение (волна детитулизации). Одновременное рассмотрение таких параметров, как направленность этнической динамики и изменение величины ИЭК, позволило перейти к классификации территориальных ячеек по общему характеру этнических процессов, а точнее, соотнести их с определенными фазами развития этноконтактных зон.

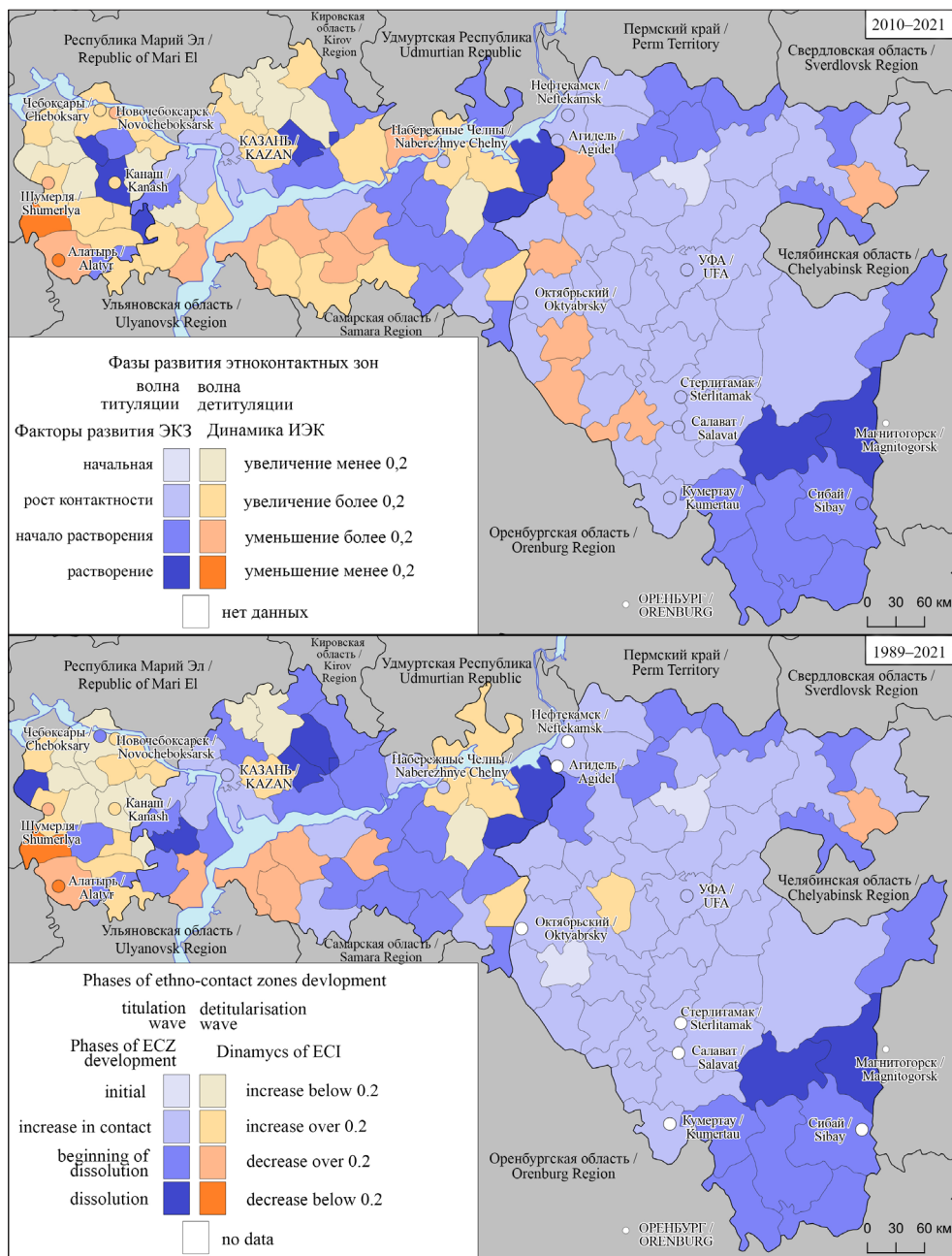
Обсуждение и заключение. В *межпереписной период с 1989 по 2002 г.* произошел значительный рост доли титульных народов Башкортостана и Татарстана и падение доли титульного населения Чувашии (таблица). Данная этническая динамика в полной мере проявила себя на уровне административных районов республик. Так, подавляющее большинство районов Башкортостана и Татарстана было охвачено процессом титулизации населения, в Чувашии же на районном уровне был больше представлен процесс детитулизации населения. Небольшая группа районов, испытывающих титулизацию населения, находилась в центре Чувашии, но аналогичный процесс происходил и в ряде городов республики (рис. 2).

В распределении административных районов республик по фазам развития ЭКЗ в период с 1989 по 2002 г. можно наблюдать следующие территориальные закономерности. К *начальной фазе растворения* ЭКЗ в пользу титульных этносов перешел значительный массив районов на юго-востоке и частично на севере Башкортостана, в северной и восточной частях Татарстана, а также ряд районов в центре Чувашии. Это были преимущественно периферийные районы республик, рассматриваемые в основном как ЭКЗ слабой и средней выраженности со значительным перевесом титульного населения.

Р и с. 2. Классификация муниципальных образований тюркских республик Урало-Поволжья по динамике доли титульного населения и индекса этнической контактности (фазам развития этноконтактных зон) в периоды с 1989 по 2002 г. и с 2002 по 2010 г.

Fig. 2. Classification of the municipalities of the Turkic republics of the Ural-Volga Region according to the dynamics of the share of the titular population and the index of ethnic contact (phases of development of ethnocontact zones) in the periods from 1989 to 2002 and from 2002 to 2010

Р и с. 3. Классификация муниципальных образований тюркских республик Урало-Поволжья по динамике доли титульного населения и индекса этнической контактности (фазам развития этноконтактных зон) в периоды с 2010 по 2021 г. и с 1989 по 2021 г.

F i g. 3. Classification of the municipalities of the Turkic republics of the Ural-Volga Region according to the dynamics of the share of the titular population and the index of ethnic contact (phases of development of ethnocontact zones) in the periods from 2010 to 2021 and from 1989 to 2021

В подавляющем большинстве остальных, преимущественно центральных, районов Башкортостана и Татарстана также шел процесс титулизации населения, но из-за изначально более низкой доли титульного этноса в них это происходило в рамках начальных фаз развития ЭКЗ. В Чувашии основная часть территории (за исключением ряда районов в юго-западной части республики) находилась на начальных фазах развития ЭКЗ, связанных с ростом доли нетитульного населения. Единственным в пределах всех трех республик «островком» растворения ЭКЗ в пользу нетитульного населения стал г. Алатырь с прилегающим сельским районом (на юго-западе Чувашии).

В *межпереписной период с 2002 по 2010 г.* произошло падение доли титульных народов Башкортостана и Чувашии и лишь незначительно выросла доля титульного населения Татарстана (таблица). Пространственным отражением этой динамики стало то, что значительная часть территории Башкортостана и Чувашии, а также южная часть Татарстана испытали волну детитулизации населения (рис. 2). В Чувашии этот процесс охватил подавляющее большинство районов, в Башкортостане – в основном центральные районы, хотя в столице республики продолжалась титулизация населения.

В итоге значительные территории в центре Башкортостана и на юге Татарстана перешли в начальную фазу растворения ЭКЗ со стороны нетитульного населения. От ранее достаточно обширного массива районов, где шел процесс растворения ЭКЗ со стороны титульного населения республик, сохранилось несколько «островков» на северо-востоке и юго-востоке Башкортостана, а также на востоке, севере и юго-западе Татарстана. В Чувашии расширился пояс районов, находящихся в начальной фазе развития ЭКЗ, связанной с ростом доли нетитульного населения. В эту же фазу развития ЭКЗ перешел ряд районов на северо-западе и северо-востоке Татарстана, районы на северной, восточной и южной окраинах Башкортостана. Господствующие в 90-е гг. XX в. типы динамики ЭКЗ, а именно начальные фазы развития ЭКЗ с ростом доли титульного населения, сохранили небольшие группы районов в окружении столицы в Татарстане и в полупериферийной части Башкортостана.

Межпереписной период с 2010 по 2021 г. характеризовался значительным падением доли титульного населения в Чувашии, незначительным сокращением доли титульного народа в Татарстане и небольшим ростом удельного веса титульного этноса в населении Башкортостана.

Так как в Чувашии сохранился тренд на детитулизацию населения республики, принявший даже более очевидный характер, пояс районов, находящихся в начальной фазе развития ЭКЗ с ростом доли нетитульного населения, еще более расширился, охватив почти всю республику. Исключением является юго-западная часть Чувашии, где уже в полной мере идет процесс растворения ЭКЗ в пользу нетитульного населения.

В Татарстане сокращение доли титульного населения между 2010 и 2021 гг. произошло впервые за постсоветское время. В итоге заметно расширился пояс районов, особенно в центральной части республики, где началось растворение ЭКЗ в пользу нетитульного населения.

Изменение доли титульного народа в населении Башкортостана в период с 2010 по 2021 г. повторило тренд последнего десятилетия XX в., поэтому пространственная динамика ЭКЗ приблизилась к ситуации, сложившейся в 90-е гг. XX в. То есть в республике снова стали преобладать территории, где развитие ЭКЗ определяется ростом доли титульного населения. Лишь на западной окраине республики сохранились отдельные муниципальные образования, находящиеся в начальной фазе растворения ЭКЗ в пользу нетитульного населения.

Этническая динамика на уровне муниципальных образований за весь постсоветский период (точнее, между переписями 1989 и 2021 гг.) в большей мере была схожа с процессами, характеризующими как 90-е гг. XX в., так и второе десятилетие XXI в. Соответственно, в общую постсоветскую динамику этнических процессов на муниципальном уровне менее всего вписывается период, охватывающий первое десятилетие XXI в., специфику которого определяла детитулизация населения Башкортостана.

Таким образом, направленность развития ЭКЗ на муниципальном уровне определяется как общей тенденцией изменения доли титульного населения в республиках, так и этногеографическими особенностями, связанными с различной долей титульных народов в разных частях республик, что в значительной мере обусловлено центральным, полупериферийным или периферийным положением территорий.

В последнем десятилетии XX в. тюркские республики Урало-Поволжья, кроме Чувашии, испытали волну титулизации населения. Предложенная в статье методика определения фаз развития этноконтактных зон позволила выявить в этот период два основных типа динамики ЭКЗ в регионе исследования: 1) начальные фазы развития ЭКЗ с ростом доли титульного народа; 2) начало растворения ЭКЗ в пользу титульного населения.

В первом десятилетии XXI в. этническую динамику в республиках в большей мере определяла волна детитулизации населения, т. е. уменьшения доли титульного народа (кроме Татарстана). Ведущими типами динамики ЭКЗ на уровне муниципальных образований республик стали: 1) начальные фазы развития ЭКЗ с ростом доли нетитульного населения; 2) начало растворения ЭКЗ в пользу нетитульного населения. И только в Татарстане и в периферийной части Башкортостана сохранились крупные массивы районов, где развитие ЭКЗ определялось положительной динамикой доли титульного этноса.

Во втором десятилетии XXI в. в муниципальных образованиях Башкортостана почти повторилась этническая динамика, характерная для 90-х гг. XX в. Однако в Татарстане и Чувашии пространственная динамика этнических процессов определялась в большей мере детитулизацией населения, в связи с чем расширились территории, где началось растворение ЭКЗ в пользу нетитульного населения.

Общим выводом проведенного исследования является наличие пространственных закономерностей в развитии этноконтактных зон. В связи с этим можно обозначить следующую задачу в ходе разработки концепции этноконтактных зон – изучить динамику разных этноконтактных зон регионального масштаба за длительный временной интервал с последующей постановкой задачи прогнозирования развития ЭКЗ на среднюю и дальнюю перспективы.

Исследование подтвердило возможность применения разработанной авторами методики для анализа динамики этноконтактных зон на локальном (муниципальном) уровне. Преимущество данной методики состоит в использовании этнической статистики, полученной в ходе переписей населения, для изучения этноконтактных зон любого масштаба. Таким образом, исследование вносит свой вклад в развитие концепции этноконтактных зон, разрабатываемой на стыке этнодемографии и этнокультурной географии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасименко Т. И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 152–161. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161>
2. Лысенко А. В., Водопьянова Д. С., Азанов Д. С. Этноконтактные зоны Северного Кавказа // Вестник Ставропольского государственного университета. Науки о Земле. 2011. № 3. С. 165–170. EDN: NYEPIP
3. Лысенко А. В., Азанов Д. С., Водопьянова Д. С. Этноконтактные зоны в системе этнокультурного районирования Северного Кавказа // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 1. С. 130–137. URL: <https://scienceit.elpub.ru/jour/article/view/573> (дата обращения: 02.10.2023).
4. Теренина Н. К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18, № 1. С. 101–116. <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
5. Ziller C. Ethnic Diversity, Economic and Cultural Contexts, and Social Trust: Cross-Sectional and Longitudinal Evidence from European Regions, 2002–2010 // Social Forces. 2014. Vol. 93, no. 3. Pp. 1211–1240. <https://doi.org/10.1093/sf/sou088>
6. Dincer O. C., Wang F. Ethnic Diversity and Economic Growth in China // Journal of Economic Policy Reform. 2011. Vol. 14, issue 1. Pp. 1–10. <https://doi.org/10.1080/17487870.2011.523985>
7. Budi M. The Effect of Ethnic Diversity on Expenditure Inequality in Indonesia // Journal of Indonesian Applied Economics. 2020. Vol. 8, no. 2. Pp. 8–26. URL: https://www.researchgate.net/publication/344700831_The_Effect_of_Ethnic_Diversity_on_Expenditure_Inequality_in_Indonesia (дата обращения: 02.10.2023).
8. Dinku Y., Regasa D. Ethnic Diversity and Local Economies // South African Journal of Economics. 2021. Vol. 89, issue 3. Pp. 348–367. <https://doi.org/10.1111/saje.12286>
9. Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Михалева М. М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 143–157. URL: <https://woeam.elpub.ru/jour/article/view/264> (дата обращения: 02.10.2023).
10. Bufetova A. N., Khrzhanovskaya A. A., Kolomak E. A. Cultural Heterogeneity and Economic Development in Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13, issue 4. Pp. 453–463. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
11. Васильева Р. И., Рожина Е. А. Эконометрическое моделирование влияния этнического разнообразия на экономическую диверсификацию: анализ регионов России // Journal of Applied Economic Research. 2022. Т. 21, № 4. С. 663–684. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.4.023>
12. Суслов Н. И., Исупова Е. Н., Иванова А. И. Этническое разнообразие в российских регионах и экономический рост: теоретическая модель и ее апробация на панельных данных // Проблемы прогнозирования. 2022. № 2 (191). С. 35–47. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-191-35-47>
13. Posner D. N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // American Journal of Political Science. 2004. Vol. 48, no. 4. Pp. 849–863. <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00105.x>
14. Campos N. F., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth // The Journal of International Trade & Economic Development. 2011. Vol. 20, no. 2. Pp. 129–152. <https://doi.org/10.1080/09638199.2011.538218>
15. Churchill S. A. Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata // Economic Issues. 2019. Vol. 24, part 1. Pp. 21–34. URL: http://www.economicissues.org.uk/Files/2019/EI_March2019_churchill.pdf (дата обращения: 02.10.2023).
16. Sturm J.-E., De Haan J. Income Inequality, Capitalism, and Ethno-linguistic Fractionalization // American Economic Review. 2015. Vol. 105, no. 5. Pp. 593–597. <https://doi.org/10.1257/aer.p20151112>

17. Chareyron S., Chung A., Domingues P. Ethnic Diversity and Educational Success: Evidence from France // Research in Economics. 2021. Vol. 75, issue 2. Pp. 133–143. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2021.04.002>
18. Dražanová L. Historical Index of Ethnic Fractionalization Dataset (HIEF). Harvard Dataverse (V2). 2019. <https://doi.org/10.7910/DVN/4JQRCL>
19. Dražanová L. Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF) Dataset: Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity // Journal of Open Humanities Data. 2020. Vol. 6, no. 1. Article no. 6. <https://doi.org/10.5334/johd.16>
20. Манаков А. Г., Григорьева О. А. Изменение этнической структуры населения республик Урало-Поволжья: выявление трендов с 1926 по 2010 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 13–30. EDN: RBSHYL
21. Манаков А. Г. Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 2. С. 117–128. <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>
22. Манаков А. Г. Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года // Псковский региональный журнал. 2022. Т. 18, № 2. С. 43–64. URL: <https://prj.pskgu.ru/s221979310019231-7-1/> (дата обращения: 02.10.2023).
23. Шайдуллин Р. В. Народы Татарстана в переписях населения (1897–2010 гг.) // Научный Татарстан. 2021. № 1. С. 5–28. EDN: XDXMXR
24. Габдрафиков И. М. Переписи населения в татаро-башкирском пограничье: политизация этностатистики // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/17-23>
25. Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 96–123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804>

Поступила в редакцию 10.07.2023; поступила после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.

Об авторах:

Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук, профессор кафедры географии Псковского государственного университета (180000, Российская Федерация, г. Псков, пл. Ленина, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>, Researcher ID: C-9332-2018, Scopus ID: 7003929696, region-psk@yandex.ru

Теренина Наталья Константиновна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии Псковского государственного университета (180000, Российская Федерация, г. Псков, пл. Ленина, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5288-9409>, Researcher ID: IQU-5817-2023, Scopus ID: 57218822696, brazelon@yandex.ru

Иванов Иван Андреевич, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований Псковского государственного университета (180000, Российская Федерация, г. Псков, пл. Ленина, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>, Researcher ID: AAE-5808-2021, Scopus ID: 57223964932, ii60@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

А. Г. Манаков – постановка проблемы исследования; научное руководство исследованием и определение методов исследования; подготовка и оформление текста статьи.

Н. К. Теренина – разработка новых методических приемов исследования; анализ полученных результатов; участие в подготовке текста статьи.

И. А. Иванов – сбор материалов; обработка статистики и картографирование на уровне муниципальных образований.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gerasimenko T.I. Ethnocontact Zones in the Ethnic-Cultural Space of Russia. *Humanitarian Vector*. 2018;13(2):152–161. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161>

2. Lysenko A.V., Vodopyanova D.S., Azanov D.S. [Ethnocontact Zones of the North Caucasus]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle*. 2011;(3):165–170. (In Russ.) EDN: NYEPIP
3. Lysenko A.V., Azanov D.S., Vodopyanova D.S. Ethnocontact Zones in System of Ethnocultural Division into Districts of the North Caucasus. *Science. Innovations. Technologies*. 2013;(1):130–137. Available at: <https://scienceit.elpub.ru/jour/article/view/573> (accessed 02.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Terenina N.K. Ethnic Contact Index as a Tool for Studying Territories with a Mixed National Composition of the Population. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2022;18(1):101–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
5. Ziller C. Ethnic Diversity, Economic and Cultural Contexts, and Social Trust: Cross-Sectional and Longitudinal Evidence from European Regions, 2002–2010. *Social Forces*. 2014;93(3):1211–1240. <https://doi.org/10.1093/sf/sou088>
6. Dincer O.C., Wang F. Ethnic Diversity and Economic Growth in China. *Journal of Economic Policy Reform*. 2011;14(1):1–10. <https://doi.org/10.1080/17487870.2011.523985>
7. Budi M. The Effect of Ethnic Diversity on Expenditure Inequality in Indonesia. *Journal of Indonesian Applied Economics*. 2020;8(2):8–26. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344700831_The_Effect_of_Ethnic_Diversity_on_Expenditure_Inequality_in_Indonesia (accessed 02.10.2023).
8. Dinku Y., Regasa D. Ethnic Diversity and Local Economies. *South African Journal of Economics*. 2021;89(3):348–367. <https://doi.org/10.1111/saje.12286>
9. Bufetova A.N., Kolomak E.A., Mikhaleva M.M. National Diversity and Economic Development in Russian Region. *World of Economics and Management*. 2017;17(3):143–157. Available at: <https://woeam.elpub.ru/jour/article/view/264> (accessed 02.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Bufetova A.N., Khrzhanovskaya A.A., Kolomak E.A. Cultural Heterogeneity and Economic Development in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020;13(4):453–463. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
11. Vasilyeva R.I., Rozhina E.A. Econometric Modeling of the Impact of Ethnic Diversity on Economic Diversification: Analysis of Russian Regions. *Journal of Applied Economic Research*. 2022;21(4):663–684. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.4.023>
12. Suslov N.I., Isupova E.N., Ivanova A.I. Ethnic Diversity in Russian Regions and Economic Growth: Theoretical Model and Its Approbation on Panel Data. *Studies on Russian Economic Development*. 2022;33(2):149–156. <https://doi.org/10.1134/S1075700722020149>
13. Posner D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa. *American Journal of Political Science*. 2004;48(4):849–863. <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00105.x>
14. Campos N.F., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth. *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2011;20(2):129–152. <https://doi.org/10.1080/09638199.2011.538218>
15. Churchill S.A. Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata. *Economic Issues*. 2019;24(1):21–34. Available at: http://www.economicissues.org.uk/Files/2019/EI_March2019_churchill.pdf (accessed 02.10.2023).
16. Sturm J.-E., De Haan J. Income Inequality, Capitalism, and Ethno-Linguistic Fractionalization. *American Economic Review*. 2015;105(5):593–597. <https://doi.org/10.1257/aer.p20151112>
17. Chareyron S., Chung A., Domingues P. Ethnic Diversity and Educational Success: Evidence from France. *Research in Economics*. 2021;75(2):133–143. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2021.04.002>
18. Dražanová L. Historical Index of Ethnic Fractionalization Dataset (HIEF). Harvard Dataverse (V2). 2019. <https://doi.org/10.7910/DVN/4JQRCL>
19. Dražanová L. Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF) Dataset: Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity. *Journal of Open Humanities Data*. 2020;6(1):6. <https://doi.org/10.5334/johd.16>
20. Manakov A.G., Grigoryeva O.A. Changes in the Ethnic Structure of the Population of the Republic of the Ural-Volga Region: Identification of Trends from 1926 to 2010. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki*. 2023;16(1):13–30. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RBSHYL
21. Manakov A.G. Evaluation of Changes in the Ethnic Mosaic of Regions of European Russia in Periods between the 1897, 1959 and 2010 Censuses. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2019;(2):117–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>

22. Manakov A.G. Title Peoples of the Republics of Russia: Ethno-Demographic Trends Since 1939. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2022;18(2):43–64. Available at: <https://prj.pskgu.ru/s221979310019231-7-1/> (accessed 02.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Shaidullin R.V. Tatarstan Peoples in Censuses (1897–2010). *Nauchnyy Tatarstan*. 2021;(1):5–28. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [XDXMXR](https://dx.doi.org/10.26907/2542-0412.2021.1.5-28)

24. Gabdräfikov I.M. Population Censuses in the Tatar-Bashkir Border Region: Politicization of Ethnostatistics. *Herald of Anthropology*. 2021;(3):17–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/17-23>

25. Soroko E.L. Ethnically Mixed Families in the Russian Federation. *Demographic Review*. 2014;1(4):96–123. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804>

Submitted 10.07.2023; revised 27.10.2023; accepted 06.11.2023.

About the authors:

Andrei G. Manakov, Dr.Sci. (Geogr.), Professor of the Geography Chair, Pskov State University (2 Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>, Researcher ID: [C-9332-2018](https://orcid.org/0000-0002-3223-2688), Scopus ID: [7003929696](https://orcid.org/0000-0002-3223-2688), region-psk@yandex.ru

Natalia K. Terenina, Cand.Sci. (Geogr.), Associate Professor of the Geography Chair, Pskov State University (2 Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5288-9409>, Researcher ID: [IQU-5817-2023](https://orcid.org/0000-0002-5288-9409), Scopus ID: [57218822696](https://orcid.org/0000-0002-5288-9409), brazelon@yandex.ru

Ivan A. Ivanov, Junior Research Fellow, Research Laboratory for Cross-Regional and Cross-Border Studies, Pskov State University (2 Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>, Researcher ID: [AAE-5808-2021](https://orcid.org/0000-0003-4453-2052), Scopus ID: [57223964932](https://orcid.org/0000-0003-4453-2052), ii60@bk.ru

Contribution of the authors:

A. G. Manakov – formulation of the research problem; scientific guidance and definition of research methods; preparation of the text.

N. K. Terenina – development of new methodological methods of research; analysis of the results; participation in the preparation of the text.

I. A. Ivanov – collection of materials; processing of statistics and mapping at the level of municipalities.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Структурные и тайминговые трансформации рождаемости – угрозы демографической безопасности Республики Татарстан

Ч. И. Ильдарханова¹ В. Н. Архангельский^{1,2} Г. Н. Ершова¹ ✉

¹ Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Российская Федерация)

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)

✉ ershova104@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность статьи определяется значимостью оценки детерминант рождаемости для выявления возможных перспектив ее изменения и корректного обоснования направлений и мер демографической политики, направленной на ее повышение. Цель исследования – определить детерминанты снижения рождаемости в Республике Татарстан в 2020–2022 гг. в сравнении с допандемийным периодом и спрогнозировать их влияние.

Материалы и методы. Проведен расчет и компонентный анализ динамики повозрастных показателей рождаемости в Республике Татарстан, оценено влияние структурного фактора и фактора интенсивности рождений, а также косвенного фактора – повозрастных коэффициентов брачности. Методом передвижки возрастов спрогнозированы динамика рождаемости и воздействие на нее указанных факторов до 2042 г.

Результаты исследования. Выявлено, что снижение общего коэффициента рождаемости в Республике Татарстан в 2020–2022 гг. произошло ввиду изменений половозрастной структуры населения. Превышение коэффициента суммарной рождаемости региона показателей Приволжского федерального округа и Российской Федерации обусловлено более высокими суммарными коэффициентами по первым и вторым рождениям. Определено, что разница между средним числом первых рождений для реальных поколений и для календарных лет детерминирована тайминговыми сдвигами ввиду откладывания первых рождений в связи с поздним вступлением в первый брак и в зарегистрированных браках.

Обсуждение и заключение. Прогнозируется снижение численности молодежи до 2028 г. и числа рождений до 2031 г. Негативное влияние фактора половозрастной структуры населения продлится до 2030 г., в 2030-е гг. структурный фактор будет способствовать повышению общего коэффициента рождаемости. Полученные результаты могут быть использованы при определении гипотез в отношении перспектив рождаемости при разработке прогнозов демографического и социально-экономического развития. Корректная оценка детерминант рождаемости дает основания для разработки эффективных мер демографической политики в отношении рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость в реальных поколениях, очередность рождения, тайминговые сдвиги в рождаемости, суммарный и возрастные коэффициенты рождаемости, компонентный анализ, индексный метод, Республика Татарстан

© Ильдарханова Ч. И., Архангельский В. Н., Ершова Г. Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ильдарханова Ч. И., Архангельский В. Н., Ершова Г. Н. Структурные и тайминговые трансформации рождаемости – угрозы демографической безопасности Республики Татарстан // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 1. С. 126–143. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.126-143>

Original article

Structural and Timing Transformations of Fertility – Threats to Demographic Security of the Republic of Tatarstan

Ch. I. Ildarhanova^a, V. N. Arkhangelskiy^{a,b}, G. N. Ershova^a ✉

^a Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russian Federation)

^b Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
✉ ershova104@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the article is determined by the importance of assessing the determinants of fertility to determine the possible prospects for its change and the correct justification of the directions and measures of demographic policy aimed at increasing it. The aim of the study is to identify the determinants of fertility decline in the Republic of Tatarstan in 2020–2022 in comparison with the pre-pandemic period and to predict their impact.

Materials and Methods. The authors have calculated and analyzed the dynamics of age-specific fertility rates in the Republic of Tatarstan. The influence of the structural factor and the factor of birth intensity, as well as the indirect factor – age-specific marriage rates – was estimated. Using the method of age movement, the dynamics of fertility and the impact of these factors on it up to 2042 were forecasted.

Results. The decrease in the total fertility rate in the Republic of Tatarstan in 2020–2022 was due to changes in the sex and age structure of the population. The excess of the total fertility rate of the region over the indicators of the Volga Federal District and the Russian Federation is due to higher total coefficients for first and second births. The difference between the average number of first births for real generations and for calendar years is determined by temporal shifts associated with postponement of first births due to late entry into first marriage and registered marriages.

Discussion and Conclusion. It is predicted that the number of young people will decrease until 2028 and the number of births until 2031. The negative impact of the factor of the gender and age structure of the population will last until 2030, in the 2030s the structural factor will contribute to an increase in the overall fertility rate. The research results presented in the article can be used to determine hypotheses regarding fertility prospects when developing forecasts for demographic and socio-economic development. Correct assessment of the determinants of fertility provides grounds for the development of effective measures of demographic policy with regard to fertility.

Keywords: fertility in real generations, birth order, timing shifts in fertility, total and age-specific fertility, rates component analysis, index method, Republic of Tatarstan

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ildarhanova Ch.I., Arkhangelsky V.N., Ershova G.N. Structural and Timing Transformations of Fertility – Threats to Demographic Security of the Republic of Tatarstan. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):126–143. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.126-143>

Введение. Снижение рождаемости является глобальной демографической проблемой, актуальной не только для европейских стран с традиционно низкой рождаемостью, но и для недавних лидеров – стран восточной Азии. В Китае и Японии в 2020 г. суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР) достиг 1,3, а в Южной Корее – 0,84. В странах юга Европы в 2021 г. СКР

составил 1,1 на Мальте, 1,2 – в Испании и Италии, 1,3 – Албании, Литве, Португалии и Польше. Наибольшие показатели (1,8) зарегистрированы во Франции, Чехии, Исландии, Румынии, Ирландии. Страны-лидеры прошлых лет (Швеция, Нидерланды, Дания, Бельгия) отмечены средними показателями: за 10 лет они потеряли 0,2 от своих показателей СКР (1,7–1,9 в 2012 г. и 1,5–1,7 в 2021 г.). В случае предоставления демографическим тенденциям стихийного течения они могут способствовать развитию негативных сценариев численности населения. Перспективами снижения рождаемости в России становятся интенсификация старения населения и угроза демографической безопасности. Под влиянием ряда современных вызовов с целью выявления факторов, определяющих снижение рождаемости на региональном уровне на примере Республики Татарстан (далее – РТ) в условиях пандемии COVID-19 в 2020–2022 гг. в сравнении с допандемическим периодом и с федерально-окружной и общероссийской динамикой, был осуществлен расчет и компонентный анализ динамики суммарных и повозрастных показателей рождаемости в РТ, определены и спрогнозированы их вероятные детерминанты.

Цель исследования – проанализировать динамику показателей рождаемости по календарным годам и в реальных поколениях в Республике Татарстан, выявить факторы, определяющие специфику ее детерминации дифференцированно по очередности рождения.

Обзор литературы. Ключевым различием основных теорий народонаселения является оценка степени влияния на тренды рождаемости социально-экономических, социокультурных и демографических факторов, роли демографической политики и ее результативности. Отечественные последователи теории демографического перехода, в их числе и А. Г. Вишневский, пришли к выводу о невозможности роста рождаемости до уровня замещения поколений на современном этапе, считая, что меры пронаталистской политики способствуют временному росту рождаемости, обусловленному сдвигом календаря рождений, но не могут воздействовать на механизмы саморегуляции численности населения [1; 2]. Различия в акцентах и гибкости государственной демографической политики западноевропейских стран определили градацию стран по уровню рождаемости, на что обратили внимание отечественные [3] и зарубежные исследователи¹ [4–9]. Разработчики аксиологического подхода декларируют противоположный А. Г. Вишневскому взгляд на регуляторы рождаемости с позиций микросоциологии и считают таковыми потребности в семье и детях, в браке, депопуляция определяется переходом от многодетной семьи к малодетной и однодетной, кризис основан на изменениях в межпоколенных и супружеских взаимоотношениях [7; 10–12].

Факторный анализ рождаемости и демографического поведения предполагает выявление возрастных, когортных, социально-экономических детерминант рождаемости. Исследователи рождаемости в азиатских странах [8; 9] отмечают традиционную корреляцию между показателями рождаемости и брачности, когда брачная рождаемость определяет основные тренды [13–15]. Когортный анализ

¹ Beckman L. J. Exchange Theory and Fertility – Related Decision – Making // The Journal of Social Psychology. 1977. Vol. 103, issue 2. Pp. 265–276. <https://doi.org/10.1080/00224545.1977.9713326>

рождаемости в скандинавских странах привел демографов к выводу о том, что схожая политика социального обеспечения способствовала становлению особой скандинавской модели деторождения [16; 17], для которой характерен более поздний возраст материнства по сравнению с другими европейскими странами и эффект догоняющего роста, когда среднее итоговое количество детей в когортах выравнивалось, семейная политика, направленная на поддержку занятости, предоставление услуг по уходу и поддержание высокого уровня жизни результативна в сглаживании различных временных колебаний рождаемости. На примере Норвегии демографами были рассмотрены тенденции одновременного сохранения высокого уровня рождаемости и занятости, стратегии женщин по совмещению родительства и карьеры². Финские исследователи выступили апологетами позднего родительства [18]. По мнению К. Беркли и М. Мирскиля, негативная критика позднего родительства основывалась на том, что в когортах детей, рожденных в 1950–1970-х гг., матери старшего возраста имели низкий социально-экономический статус по профессиональному и образовательному уровню, однако в когортах детей 2000-х гг. рождения у матерей в возрасте 35–39 лет был самый высокий статус, что, наоборот, оценивается ими как преимущество [19].

А. И. Антонов, В. А. Борисов, В. Н. Архангельский заложили основы факторного анализа рождаемости и демографического поведения в нашей стране. Отечественные исследователи сходятся во мнении, что пока меры демографической политики не оказывают должного уровня на тренды рождаемости³ [10; 11]. Результативность пронаталистской политики в регионах России оценивалась в работах Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, их ежегодных национальных докладах, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и региональных исследовательских центров и их демографических докладах⁴ [20; 21]. Среди основных факторов, влияющих на динамику рождаемости, статистически значимыми с высоким уровнем достоверности результатов регрессионного анализа взаимосвязи различной степени за 2000–2020 гг. определены уровень брачности и изменения доли женщин репродуктивного возраста, доли лиц трудоспособного возраста⁵. На уровне Приволжского федерального

² Ellingsæter A. L., Rønsen M. The Dual Strategy: Motherhood and the Work Contract in Scandinavia // *European Journal of Population*. 1996. Vol. 12. Pp. 239–260. <https://doi.org/10.1007/BF01797111>

³ Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Фадеева Т. А. Воспроизводственный потенциал демографического развития России / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М. : Экон-информ, 2022. 165 с.

⁴ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / Т. К. Ростовская [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 220 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022>; Демографический доклад – 2021. Ретроспективы и перспективы воспроизводства населения Республики Татарстан (2000–2020 гг.). Монография / под ред. Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. 306 с. <https://doi.org/10.51285/978-5-9690-0961-5>; Демографический доклад – 2022. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности (2019–2021 гг.). Монография / под ред. Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. 352 с. <https://doi.org/10.51285/978-5-9690-1058>

⁵ Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н. Конвергенция региональных моделей брачности и рождаемости в Российской Федерации в 2000–2020 гг. // *CSES 2022: II Международный научно-практический форум «Инновационное и устойчивое развитие сложных социально-экономических систем»*. 2023. (Препринт)

округа (далее – ПФО) и ряда регионов частично подтверждена гипотеза о статистической значимости экономических факторов общеэкономического характера и отдельных домохозяйств [22]. В РТ исследования репродуктивного поведения и факторов рождаемости носят лонгитюдный характер. В качестве экзогенных факторов рождаемости рассматривались репродуктивные установки женщин относительно желаемого числа детей⁶ [23].

Несмотря на значительный комплекс работ по изучению факторов, влияющих на динамику рождаемости в общероссийском масштабе, не разработанными еще остаются вопросы о степени влияния возрастных показателей и структурных факторов на динамику рождаемости на региональном уровне в 2020–2022 гг. и перспективах такого влияния в течение следующих 20 лет. Нами впервые осуществлен прогноз численности населения методом передвижки возрастов на основе статистических данных 2022 г. и компонентный анализ динамики суммарных и повозрастных показателей рождаемости для календарных лет и реальных поколений индексным методом на примере РТ в сопоставлении с общероссийской динамикой.

Материалы и методы. Использование методов декомпозиции и индексного метода позволяет оценить влияние факторов интенсивности рождаемости и динамики структуры репродуктивного контингента на изменения общего коэффициента рождаемости (далее – ОКР). Среднее число рождений (в целом и дифференцированно по очередности) к определенному возрасту или в возрастном интервале было вычислено авторами на основе коэффициентов рождаемости в однолетней группировке. Применительно к расчетам показателей РТ существует ряд ограничений, связанных как с доступностью региональных статистических данных по показателям рождаемости в однолетней группировке только с 1989 г., т. е. с поколения женщин 1974 г. рождения, так и с изменчивостью совокупности населения региона вследствие миграции.

На основе статистических данных 2022 г. методом передвижки возрастов был осуществлен прогноз численности и состава населения РТ до 2042 г., проанализирована степень вероятного влияния на динамику рождаемости и перспективную численность населения региона указанных факторов.

Результаты исследования. *Динамика ОКР и СКР по очередности рождения.* Снижению общих показателей рождаемости в РТ в последние годы способствует вступление в фертильный возраст меньшего женского репродуктивного контингента 1990-х гг. рождения. Если в 2011 г. структурные изменения влияли на рост ОКР в РТ, а в 2012 г. этот фактор оставался нейтральным, то в 2013 г. вектор его влияния сменился на противоположный, его негативное воздействие возрастало до 2,7 % в 2019 и 2020 гг., а в 2021 г. снизилось до 2,6 %. В 2019 г. на снижение рождаемости в большей мере повлиял фактор интенсивности рождений, действие которого отражается повозрастными показателями рождаемости. Снижение ОКР в РТ в 2020–2021 гг. было обусловлено трансформацией половозрастной структуры населения.

⁶ Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н. Образовательные траектории родителей как фактор репродуктивного поведения на примере Республики Татарстан (2013–2020 гг.) // SDTE 2022: III Международная научно-практическая конференция «Устойчивое развитие территорий: теория и практика». 2023. (Препринт)

В 2021 г. ОКР РТ превышал общероссийские показатели, что было обусловлено как интенсивностью рождений, так и структурным фактором. В 2022 г. в РТ снижение ОКР относительно 2021 г. составило 13,3 %, при этом показатель остался наибольшим среди регионов ПФО и выше среднероссийского показателя. Расчет индексным методом указал, что и в 2022 г. снижение влияния структурного фактора продолжилось, составив 2,2 %.

СКР в РТ, достигнув максимальной за 30 лет величины 1,863 в 2015 г., в последующие годы снижался, наиболее существенно в 2017 (на 0,203) и 2019 гг. (на 0,078). Наименьшим (на 0,003) было его снижение в 2020 г., а в 2021 г. СКР увеличился по сравнению с 2020 г. на 0,027 и составил 1,567, превысив показатели Российской Федерации (1,505), ПФО (1,442) и всех регионов ПФО (в Пермском крае – 1,558, в Оренбургской области – 1,545, в Удмуртской Республике – 1,544, в Республике Марий Эл – 1,531, в остальных регионах – менее 1,500). В 2022 г. снижение показателя РТ составило 0,138, или 8,8 %, темп снижения был выше, чем в Российской Федерации (5,9 % (на 0,089)) и ПФО, в котором показатель снизился на 5,5 % (на 0,790), при этом сохранилось преимущество величины показателя над общероссийским и окружным. Среди регионов ПФО Татарстан по величине показателя в 2022 г. занял 5-е место после Пермского края (1,541), Кировской (1,500), Оренбургской (1,464) областей, Республики Удмуртия (1,434).

Динамика СКР в РТ различается в зависимости от очередности рождения. По первым рождениям СКР, достигнув в 2013 г. экстремума (0,839), снижается, начиная с 2014 г. (в 2020 г. его величина не изменилась по сравнению с 2019 г.). СКР по первым рождениям в РТ в 2021 г. (0,666) был выше, чем в целом по России (0,609) и ПФО (0,579), его снижение относительно 2020 г. было незначительным – на 0,007, или 1,0 %, в 2022 г. снижение в РТ составило 0,03, или 5,0 % (0,636), в целом по России (0,595) – 0,014, или 2,3 %, в ПФО (0,577) – на 0,002, или на 0,3 %, но за счет высокой базы прошлых лет в РТ сохранился показатель выше среднего в ПФО и РФ. Среди регионов ПФО в 2021 г. в Самарской области величина этого показателя превышала 0,6 (0,605), а в 2022 г. – в Кировской области (0,662). С 2007 г. СКР по вторым рождениям в РТ почти ежегодно (кроме небольшого снижения в 2013 г.) повышался. В 2016 г. он был в 1,9 раза больше, чем в 2006 г. Основной прирост этого показателя происходил до 2015 г., а в 2016 г. он увеличился лишь на 0,008. При этом есть основания предполагать, что существенное повышение СКР по вторым рождениям продолжалось до сентября 2016 г. В январе – сентябре 2016 г. число родившихся было почти таким же (даже чуть большим), чем за этот период в 2015 г. Учитывая, что в этот период изменения в половозрастной структуре населения уже способствовали снижению общих показателей рождаемости, неизменность и даже небольшое увеличение числа родившихся привели к повышению СКР. При этом в целом за 2016 г. СКР (1,855) был немного меньше, чем в 2015 г. (1,863). Это снижение произошло только за счет снижения рождаемости в октябре – декабре 2016 г., на что указывает и значительное сокращение числа рождений по сравнению с 2015 г. По первым рождениям снижение СКР началось с 2014 г., в 2016 г. (на 0,021) оно было почти таким же, как в 2015 г. (на 0,024). По третьим и последующим рождениям повышение СКР в 2016 г. (на 0,005) было чуть большим,

чем в 2015 г. (на 0,003), а по вторым рождениям, после значительного повышения СКР в 2015 г. (на 0,039), в 2016 г. его прирост был совсем небольшим (на 0,008). Вероятно, именно по вторым рождениям произошла смена динамики показателей рождаемости с октября 2016 г.

В последующие годы СКР по вторым рождениям в РТ, как и в целом по России, снижался и только в 2021 г. повысился, составив 0,571. СКР Республики Татарстан по вторым рождениям в 2021 г. был наибольшим среди регионов ПФО (в ближайшем по величине показателя Пермском крае СКР был равен 0,560). В 2022 г. последовало снижение СКР по вторым рождениям в РТ на 0,087, или на 15,0 %, сравнившись с показателем Республики Марий Эл (0,484) и уступив первенство в округе Кировской области (0,499), темп снижения показателей России (0,462) и ПФО (0,461) были более низкими и составили 0,062, или 11,8 %.

До 2021 г. СКР по третьей и более высокой очередности рождения повышался почти ежегодно (кроме 2017 г.). Величина этого показателя в Татарстане в 2021 г. (0,331) меньше, чем в целом по России (0,372) и в ПФО (0,340), в 2022 г. снижение в России в целом составило 0,013, или 3,5 % (0,372), в ПФО – 0,015, или 4,4 % (0,325); темп снижения в Татарстане был выше (6,6 %), СКР снизился на 0,220 и составил 0,309 (табл. 1).

Таблица 1. Динамика СКР в Республике Татарстан по очередности рождений (2007–2022 гг.)⁷
Table 1. Dynamics of TFR in the Republic of Tatarstan by order of births (2007–2022)

Годы / Years	Очередность / Order of birth				
	Первый / First	Второй / Second	Третий / Third	Четвертый / Fourth	Пятый и последующие / Fifth and subsequent
2007	0,731	0,493	0,120	0,024	0,013
2008	0,769	0,532	0,137	0,027	0,013
2009	0,779	0,573	0,144	0,028	0,014
2010	0,759	0,631	0,163	0,031	0,016
2011	0,770	0,659	0,174	0,031	0,017
2012	0,814	0,727	0,198	0,038	0,018
2013	0,839	0,724	0,212	0,037	0,019
2014	0,829	0,739	0,217	0,041	0,019
2015	0,804	0,778	0,219	0,042	0,019
2016	0,784	0,786	0,228	0,041	0,018
2017	0,714	0,658	0,218	0,042	0,019
2018	0,697	0,630	0,228	0,045	0,020
2019	0,673	0,572	0,227	0,048	0,022
2020	0,673	0,551	0,242	0,052	0,022
2021	0,666	0,571	0,249	0,056	0,026
2022	0,636	0,484	0,234	0,053	0,022

⁷ Здесь и далее в статье показатели таблиц и рисунка рассчитаны авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Если в зависимости от очередности рождения различается динамика показателей рождаемости, то, следовательно, различаются и факторы, ее определяющие. В случае откладывания первых рождений оно может быть связано с откладыванием и первых браков, и первых рождений в них. На откладывание первых браков косвенно указывает снижение повозрастных показателей первых браков.

Снижение СКР по первым рождениям в 2018 г. составило 0,017, или 2,4 %, и произошло вопреки увеличению первичной брачности в диапазоне 18–29 лет. СКР по первым рождениям в 2019 г. снизился на 0,024, или на 3,4 %, на фоне спада брачности в возрастах 18–29 лет.

В 2020 г. впервые с 2014 г. в Татарстане не было снижения СКР по первым рождениям. Среди 18–19-, 25–29-летних женщин повозрастной показатель первичной брачности повысился соответственно на 2,3 % и на 0,5 %, а у 20–24-летних – снизился на 0,9 %.

В 2020 г. на фоне снижения брачности, вероятно, в связи с ограничениями в отношении торжественной регистрации брака во время пандемии COVID-19, темп снижения СКР составил всего 1,0 % (0,007). Можно предположить, что отрицательное влияние снижения брачности в конце 2020 г. и в 2021 г. в какой-то степени возмещалось позитивной динамикой первых рождений на фоне новых федеральных мер пронаталистской политики. При этом в 2021 г. значительно возросла брачность 18–29-летних женщин. Коэффициенты по первым бракам были выше по сравнению не только с 2020 г., но и с 2019 г.

Наряду с откладыванием регистрации супружеских отношений на коэффициенты рождаемости первенцев повлияла и степень распространенности их откладывания в уже зарегистрированных браках. Косвенно определить влияние протогенетических периодов позволяет оценка долей родившихся в 1–2-м годах после регистрации брака. В РТ в 2011 г. доля таковых составляла почти половину (46,2 %), но в результате ежегодного последовательного снижения в 2021 г. уменьшилась почти на 14,0 % (до 31,9 %), в 2022 г. доля составила 34,5 %. В 2018 г. снижение доли первых рождений на 1,2 % было большим, чем снижение доли родившихся в первые 2 года зарегистрированного брака (на 0,8 %), что не позволяет утверждать об увеличении протогенетического периода.

По нашим расчетам, в РТ в семейных союзах, заключенных в 2005–2006, 2008–2015 гг. в среднем на 1–2-м году брака появилось на свет 0,5 детей и более. В парах, оформивших семейные отношения в 2009 г., в течение 13 лет брака родилось 1,34 ребенка, т. е. столько же, сколько в браках, зарегистрированных в 2006 г., за 16 лет брака.

В брачных союзах с 2009 по 2015 г. регистрации в первые 3 года брака среднее число рожденных детей было 0,66–0,68, с 2016 г. и позднее – существенно меньше (табл. 2). Оценить, является ли это увеличением протогенетического периода или сокращением среднего числа детей, можно будет в последующие годы.

Т а б л и ц а 2. Среднее число рожденных детей в поколениях по году регистрации брака в Республике Татарстан (на 1 брак)
T a b l e 2. The average number of children born in generations by year of marriage registration in the Republic of Tatarstan (for 1 marriage)

Год регистрации брака / Year of marriage registration	Среднее число рожденных детей в первые ... годы брака / The average number of children born in the first ... years of marriage																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2005	0,21	0,52	0,64	0,72	0,81	0,89	0,97	1,05	1,11	1,16	1,20	1,23	1,26	1,28	1,30	1,31	1,32
2006	0,21	0,52	0,65	0,74	0,83	0,92	1,01	1,08	1,14	1,19	1,23	1,27	1,29	1,31	1,33	1,34	
2007	0,19	0,49	0,63	0,74	0,83	0,93	1,02	1,10	1,16	1,21	1,25	1,28	1,30	1,33	1,34		
2008	0,21	0,51	0,64	0,74	0,85	0,94	1,02	1,10	1,16	1,20	1,24	1,26	1,29	1,31			
2009	0,22	0,53	0,67	0,79	0,90	1,00	1,09	1,17	1,22	1,26	1,29	1,32	1,34				
2010	0,21	0,53	0,68	0,80	0,92	1,03	1,12	1,18	1,23	1,27	1,31	1,34					
2011	0,19	0,50	0,66	0,80	0,92	1,04	1,12	1,18	1,23	1,28	1,31						
2012	0,19	0,50	0,66	0,80	0,93	1,02	1,09	1,15	1,20	1,25							
2013	0,21	0,52	0,68	0,82	0,93	1,03	1,10	1,16	1,21								
2014	0,20	0,50	0,66	0,79	0,90	0,99	1,06	1,13									
2015	0,20	0,51	0,66	0,79	0,89	0,98	1,06										
2016	0,20	0,48	0,63	0,75	0,85	0,94											
2017	0,19	0,46	0,61	0,73	0,84												
2018	0,18	0,44	0,59	0,72													
2019	0,18	0,44	0,59														
2020	0,19	0,45															
2021	0,16																

Снижение СКР по первым рождениям в 2021 г., возможно, частично детерминировано увеличением доли отложенных первых рождений в браке: снижение доли родившихся в первые 2 года брака на 2,1 % превысило снижение доли первых рождений (на 1,5 %). В отношении вторых рождений «тайминговые сдвиги» результировали в «тайминговый провал», на который косвенно указывает и отсутствие устойчивого снижения СКР в последние годы по третьим и последующим рождениям, в отличие от вторых (небольшое снижение имело место только в 2017 г.). В 2021 г. впервые с осени 2016 г. СКР по вторым рождениям в РТ несколько вырос. Оценка рождаемости в реальных поколениях также свидетельствует о сдвиге календарей рождений.

У женщин 1974 г. р. до достижения 30 лет среднее число вторых детей составляло 0,32, 1977–1980 гг. р. – 0,29. В более молодых поколениях среднее число вторых рождений к 30 годам повышается (1981–1982 гг. р. – 0,30; 1983 г. р. – 0,32; 1984–1985 гг. р. – 0,34; 1986 г. р. – 0,36, 1987 г. р. – 0,39, 1988 и 1989 гг. р. – 0,38), а в более молодых поколениях – снижается (1990 г. р. – 0,35, 1991 г. р. – 0,34, 1992 г. р. – 0,32). Очевидно, что здесь налицо смещения календаря рождений, так как в этих поколениях в более старших возрастных интервалах зафиксирован спад: в интервале 30–31 года для женщин 1988 г. р. – 0,09, 1989–1990 гг. р. – 0,08, в возрастном интервале 30–32 года: 1983–1985 гг. р. – 0,17, 1986 г. р. – 0,15, 1987 г. р. – 0,14, 1988 г. р. – 0,13, 1989 г. р. – 0,12.

Удельный вес первенцев в числе всех рождений в регионе составлял почти половину (49,6 %) в 2010 г., к 2016 г. снизился почти на 10,0 % (39,9 %). В 2017 г. доля немного возросла до 40,2 %, главным образом, ввиду снижения доли вторых рождений, а в 2018 г. снова снизилась, не изменилась в 2019 г. и продолжила снижение в 2020 и 2021 гг. В 2021 г. доля первых рождений (36,9 %) была на 12,7 п. п. меньше, чем в 2010 г., а в 2022 г. – увеличилась на 1,7 % (38,6 %).

Доля вторых рождений повышалась почти неуклонно (кроме 2013 г.) с 38,3 % в 2010 г. до 44,5 % в 2016 г., но к 2020 г. снизилась до уровня (38,0 %), меньшего, чем в 2010 г. В 2021 г. она немного выросла, составив 38,4 %, а в 2022 г. снизилась на 2,8 % (35,2 %).

Неуклонно повышается доля третьих и последующих рождений: в 2010 г. она составляла 12,1 %, в 2015 г. – 14,9, в 2021 г. – 24,7, в 2022 г. – 26,1 %. Таким образом, в 2022 г. доля третьих и последующих рождений увеличилась более чем вдвое относительно показателя 2010 г. Этому способствовали наиболее устойчивая динамика повышения показателей рождаемости по третьим и последующим рождениям и изменения в структуре репродуктивного контингента.

Смещение распределения родившихся к более высоким очередностям рождения находит отражение и в динамике показателя средней очередности рождения: от 1,66 в 2010 г. до 1,97 в 2022 г. Средняя очередность рождения была рассчитана также с учетом суммарной рождаемости различной очередности. Различия в величинах показателя средней очередности рождения, рассчитанных двумя этими способами, могут служить косвенным индикатором характера и степени трансформации возрастной структуры женщин репродуктивного возраста.

В 2010–2013 гг. разница в величине средней очередности рождений была в пользу расчетной величины по СКР, что косвенно указывает на смещение распределения женщин репродуктивного возраста к более молодым возрастам: на

начало 2010 г. доля 20–24-летних девушек была наибольшей (17,1 % от числа репродуктивного контингента), 25–29-летних – 15,0 %, тогда как в возрастах 35–44 лет – по 13,0 %.

В 2014 г. очередность родившихся в среднем составила 1,74 по обоим вариантам расчета, а наибольшая доля женщин в рамках репродуктивного возраста была в возрасте 25–29 лет (18,0 %), доля 30–34-летних (15,3 %) превышала долю 20–24-летних (15,0 %), а доля 35–39-летних составляла 14,4 %.

В последующие годы разница между показателями очередности рождений в реальных и календарных поколениях постоянно возрастала (2015 г. – 0,01; 2016 г. – 0,03; 2017 г. – 0,04; 2018 г. – 0,06; 2019 г. – 0,07; 2020 г. – 0,09; 2021 г. – 0,11; 2022 г. – 0,13), происходит смещение распределения женщин репродуктивного возраста к более старшим возрастам. В 2022 г. в рамках репродуктивного контингента доля 30–34- и 35–39-летних женщин была наибольшей (18,7 % и 18,1 % соответственно), а доли 40–44-летних (15,4 %) и 45–49-летних (14,7 %) превышали доли в пятилетних интервалах от 15 до 39 лет.

Возрастная модель рождаемости. Возрастная модель рождаемости в РТ смещается к более старшим возрастам. В 2021 г. число рождений в пятилетних группах от 15 до 29 лет на 1 000 чел. соответствующего возраста было ниже, чем в 2010 г., с максимальным преимуществом в когорте 25–29 лет. Но если в 2010–2014 гг. коэффициент рождаемости у 20–24-летних был выше, чем у 30–34-летних женщин, то с 2015 по 2021 гг., наоборот, он был выше в интервале 30–34 лет, в 2022 г. вновь в когорте 20–24-летних (65,65) незначительно превышал показатели 30–34-летних (65,001).

В диапазонах 18–19- (кроме 2020 г.) и 20–24-летних матерей рождаемость почти неуклонно снижалась соответственно с 2015 и 2014 гг., а в числе 25–29-летних в 2020 и 2021 гг. рождаемость увеличивалась. В диапазоне 30–34-летних рождаемость снижалась с 2017 г., незначительный прирост отмечен в 2021 г. Относительно предыдущего года в 2021 г. последовало повышение в диапазоне 25–29 (на 4,2 %), 30–34 (на 2,0 %), 35–39 (на 5,7 %) и 40–44 лет (на 6,5 %) и снижение в когортах 15–19- (на 13,0 %) и 20–24-летних девушек (на 3,4 %).

В 2022 г., по сравнению с 2021 г., увеличение последовало в группе 18–19 лет (на 12,0 %), в остальных возрастных группах произошло снижение с темпом от 6 до 14 %. Смещение возрастной модели рождаемости к более старшим возрастам в РТ проявлялось в большей степени, чем в целом по России и в ПФО. По сравнению с общероссийскими показателями, коэффициент рождаемости в 2021 и 2022 гг. был ниже в возрастах до 25 лет и, наоборот, в возрастном интервале 25–44 лет выше 2021 г., а в 2022 г. почти сравнялся с общероссийским, превышение показателей России сохранилось в числе 25–29-летних матерей. По сравнению с коэффициентами рождаемости в ПФО, в Татарстане они выше во всех диапазонах старше 20 лет.

Некоторое смещение первых рождений к более старшим возрастам происходило до 2015 г. По сравнению с общероссийскими показателями, в РТ среди 15–19-летних девушек рождаемость первых детей ниже, а в 25–29 лет относительный перевес (на 22,4 %) несколько больше, чем у 20–24-летних относительно показателей по России в целом (на 16 %) и ПФО, возрастная модель рождаемости первенцев в РТ смещена к более старшим возрастам.

По вторым рождениям нет оснований говорить о том или ином устойчивом смещении возрастной модели рождаемости: соотношение коэффициентов в пятилетних интервалах от 20 до 39 лет несколько различается по годам, но не имеет выраженной динамики изменения. Возрастная модель рождаемости второй очередности в РТ в большей мере смещена к более старшим возрастам, чем в РФ и ПФО.

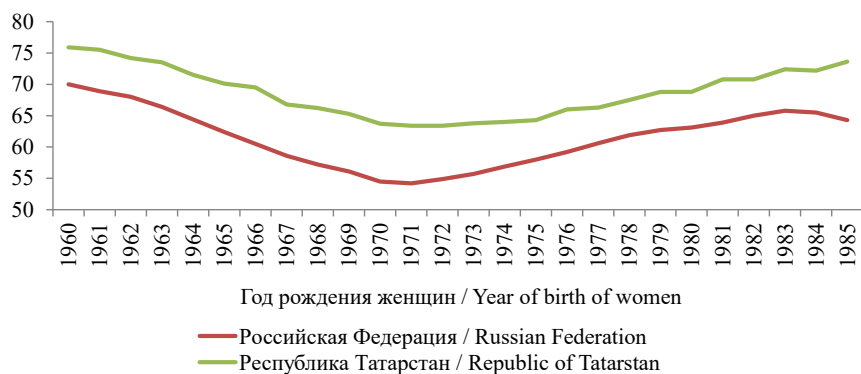
В региональной возрастной модели рождаемости третьих детей в РТ, как и в России и ПФО, экстремум находится в интервале 30–34 лет, при этом в большей мере отмечено смещение к более старшим возрастам. В отличие от республики, у российских 35–39-летних матерей рождаемость третьих детей ниже, чем у 25–29-летних, а в пятилетних диапазонах от 30 до 44 лет республиканские показатели превышают показатели России и ПФО.

Показатели рождаемости в реальных поколениях. Среднее число рождений значительно снижалось в российских поколениях 1960-х гг. р., достигнув минимума в поколениях начала 1970-х гг. р., затем в более молодых поколениях последовал рост. В РТ в 2022 г. у женщин 1979 г. р. оно было максимальным (1,72), превышало показатели по России (для женщин 1979 и 1982 гг. р. – 1,68). Среди регионов ПФО выше, чем в РТ, показатели в республиках Башкортостан (1,84), Чувашской (1,78) и Марий Эл (1,75), в Пермском крае (1,78), Оренбургской (1,82) и Кировской (1,73) областях. Разница в поколениях с наименьшим и наибольшим показателями в Республике Татарстан составила 0,07 (с 1,65 у женщин 1972 г. р. до 1,72 у женщин 1979 г. р.). В целом по России такой поколенческий прирост составил 0,1 (с 1,58 у женщин 1973 г. р. до 1,68 у женщин 1979 и 1982 гг. р.). Среди регионов ПФО более существенным, чем в Татарстане, повышение этого показателя было в республиках Марий Эл (на 0,12) и Чувашии (на 0,09), Пермском крае (на 0,12), Кировской (на 0,16), Оренбургской (на 0,12), Самарской (на 0,11) и Ульяновской (на 0,11) областях.

У женщин 1968–1969 гг. р. в РТ среднее число первых детей равно 0,92, 1970–1972 гг. р. – 0,91, 1973–1974 гг. р. – 0,90, 1975–1977 гг. р. – 0,89, 1978 г. р. – 0,88, 1979–1980 гг. р. – 0,87, 1981 г. р. – 0,86, 1982 г. р. – 0,85, 1983–1984 гг. р. – 0,84. Для женщин начала 1980-х гг. р. возможен прирост среднего числа первых рождений к концу репродуктивного периода, но не столь существенный, как у женщин середины 1980-х гг. р.

У женщин 1980 и 1981 гг. р. среднее число первых рождений в РТ совпадало с российским и было ниже, чем почти во всех регионах ПФО. Удельный вес вторых рождений среди матерей, родивших первого, по региону в поколении 1985 г. р. (73,6 %) существенно выше наибольшей (после повышения) в целом по России (1983 г. р. – 65,8 %) и самая высокая среди регионов ПФО (свыше 70,0 % она еще только в республиках Башкортостан (1983 г. р. – 72,4 %), Марий Эл (1983 г. р. – 72,2 %) и Чувашской (1984 г. р. – 72,1 %), в Оренбургской области (1985 г. р. – 71,7 %) и Пермском крае (1984 г. р. – 70,3 %).

Темп прироста от наименьшей (63,4 %) к наибольшей величине (73,6 %) доли вторых рождений среди женщин 1970–1980-х гг. р., родивших первого, в Республике Татарстан составил 10,2 %. В ряде регионов ПФО темп прироста доли таковых (как и в целом в России) был выше в республиках Мордовия (13,0 %) и Марий Эл (11,6 %), Кировской (12,9 %), Самарской (12,2 %), Ульяновской (11,5 %) и Пензенской (11,3 %) областях, Пермском крае (11,0 %) (рисунок).

Р и с у н о к. Доля родивших второго ребенка среди родивших первого в поколениях женщин 1960–1985 годов рождения (на начало 2022 г.), %

F i g u r e. Proportion of second births among first births in generations of women born in 1960–1985 (at the beginning of 2022), %

В РТ в поколениях 1970-х гг. р. максимальный удельный вес матерей троих детей среди родивших двоих детей на начало 2022 г. был у женщин 1980 г. р. (30,4 %) в целом по России (32,0 %). Среди регионов ПФО большая, чем в РТ, доля третьих рождений из числа родивших двоих детей 1970–1980-х гг. р. зафиксирована в республиках Башкортостан (1978 г. р. – 35,8 %), Марий Эл (1984 г. р. – 33,6 %) и Чувашской (1981 г. р. – 32,7 %), Пермском крае (1981 г. р. – 35,7 %), Оренбургской области (1982 г. р. – 33,9 %).

Прогноз численности населения в РТ, проведенный нами методом передвижки возрастов, позволяет утверждать, что до 2028 г. произойдет снижение численности молодежи как в РФ на 7 % – от 38,3 млн чел. до 35,5 млн чел., так и в РТ на 9 % по сравнению с 2022 г. – с 1,05 млн чел. до 0,95 млн чел. Увеличение численности молодежи (14–35 лет) в РТ и достижение наивысших показателей прогнозируется в 2038 г. у женщин и в 2040 г. у мужчин. К 2040 г. в РТ численность молодежи достигнет максимума – 1,02 млн чел. из 3,52 млн чел. населения, а в России в 2038 г. – 37,9 млн чел. из 133,63 млн чел. населения. Число рождений в РТ по прогнозу снизится на 10 %: от 36 673 в 2022 г. до 32 873 в 2031 г., далее последует рост на 16 % и к 2042 г. может составить 38 160 детей. Таким образом, негативное действие изменений в половозрастной структуре населения будет продолжаться, несмотря на снижение до 0,3 %, до 2030 г. В 2031–2042 гг. структурный фактор, наоборот, будет способствовать повышению ОКР.

Материалы исследования стали основой для разработки «Региональной программы (плана мероприятий) по повышению рождаемости в Республике Татарстан на 2023–2025 годы»⁸, которая содержит беспрецедентные меры социально-экономической поддержки семей с детьми, особенно многодетных. Программа включает следующие меры поддержки: материальное стимулирование рождаемости, помощь в решении жилищного вопроса, обеспечении и оплате мест для детей в организациях, осуществляющих образовательную

⁸ В соответствии с п. 2 постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.06.2023 № 756 «Об утверждении Региональной программы (плана мероприятий) по повышению рождаемости в Республике Татарстан на 2023–2025 годы».

деятельность по образовательным программам дошкольного образования, развитие гибких форм занятости населения в активном репродуктивном возрасте, а также ряд мероприятий, направленных на сохранение здоровья, в том числе репродуктивного и психологического, и формирование положительных установок процептивного поведения, культуры многодетности в условиях прогнозируемых нами до 2028 г. негативных для динамики рождаемости трансформаций половозрастной структуры населения. Данная программа была признана Минтрудом России одной из лучших в стране.

Обсуждение и заключение. Превышение СКР в РТ общероссийских показателей и показателей ПФО обусловлено более высоким СКР первой и второй очередности. Несмотря на превышение общероссийских и окружных показателей, СКР первой очередности низкий. Аналогом данного показателя для реальных поколений является среднее число первых рождений. В данном случае величина 0,636 гипотетически свидетельствует, что 36,4 % женщин к концу репродуктивного возраста не будут иметь детей. Однако в реальных поколениях женщин фертильного возраста прогнозируемая величина среднего числа первенцев составляет 0,83–0,84. Существенные отличия в расчетах для календарных лет и в реальных поколениях свидетельствуют о смещении календаря рождений, обусловленном откладыванием первых рождений в связи как с поздним заключением семейных союзов (это подтверждает сопоставление динамики коэффициентов по первым бракам и СКР), так и с увеличением протогенетического интервала в зарегистрированных браках (следует из данных о снижении числа рождений первенцев в первые годы брака в реальных поколениях по году заключения брака). Следует ожидать постепенное сокращение тайминговых сдвигов и некоторого повышения СКР по первым рождениям. В 2020 г. в РТ уже не было снижения СКР по первым рождениям, а в 2021 г. оно было незначительным, особенно по сравнению с тем, какое могло последовать после значительного снижения числа первых браков в связи с пандемией в 2020 г. Вероятно, негативному влиянию снижения брачности в какой-то мере противостоял эффект введения новых федеральных мер пронаталистской политики в 2020 г. После существенного повышения до 2016 г. СКР по вторым рождениям снижался и только в 2021 г. несколько повысился также ввиду «тайминговых сдвигов». Смещение календаря рождений подтверждают данные о среднем числе вторых детей в расчетах для реальных поколений. Среди матерей 1986–1989 гг. р. существенно выше относительно других когорт средний показатель рождений вторых детей в возрасте до 30 лет и, наоборот, ниже в последующих возрастах. Эти выводы подтверждаются предварительными итогами для российских реальных поколений: 1981 г. р. – 1,71, наибольший показатель для женщин 1987 г. – 1,78, для женщин 1991 г. р. – 1,65. По мнению экспертов, в ближайшие 3–4 года в России вероятно дальнейшее снижение СКР, по разным оценкам, до 1,1–1,4 [11].

Подобные тенденции мы можем наблюдать и в странах скандинавской модели рождаемости, столкнувшихся с проблемой снижения рождаемости за счет снижения первых рождений уже в 2010 г., при этом спад происходил на фоне вступления в репродуктивный возраст многочисленного поколения женщин, появившихся на свет в период «тайминговых сдвигов» 1980-х гг., что свидетельствует

об изменении модели рождаемости. Рождаемости более высокой очередности эти изменения не коснулись. Для российской модели, и татарстанской в частности, важным является именно структурный фактор движения демографической волны, что сближает ее с моделями рождаемости в развитых азиатских странах (Япония, Южная Корея, Сингапур), в которых кризис рождаемости обусловлен не изменением репродуктивного поведения женщин, согласно теории демографического перехода, а негативными тенденциями в половозрастной структуре населения. Расчет перспективной численности населения в Республике Татарстан до 2042 г. на основании статистических данных 2022 г. позволяет прогнозировать снижение численности молодежи до 2028 г. и числа рождений до 2031 г. Таким образом, негативное влияние фактора половозрастной структуры населения продлится до 2030 г. В 2030-е гг. структурный фактор, наоборот, будет способствовать повышению ОКР.

По результатам оценки динамики рождаемости в реальных поколениях, в РТ существенно более высокая, чем в ПФО и России, доля вторых рождений из числа матерей первой половины 1980-х гг. р. с одним ребенком. Это отражает относительно благоприятные обстоятельства для реализации более высоких репродуктивных планов, на обеспечение которых направлена разработанная с участием авторов статьи Региональная программа по повышению рождаемости в РТ на 2023–2025 гг., которая может служить методическим ориентиром при разработке подобных стратегических документов по развитию демографии во всех субъектах Федерации.

Перспективы исследования лежат в области обобщения европейского опыта пронаталистской политики, например, стран скандинавской модели в отношении многочисленного поколения граждан, появившихся на свет на этапе ее реализации в 1980-х гг., а также оценки результативности государственных мер демографической политики азиатских стран с традиционным семейноцентристским поведением и регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский А. Г. Эпидемиологический переход и его интерпретации // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 6–50. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11635>
2. Захаров С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 4–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>
3. Жуков Д. С., Бабараш Н. С. Анализ демографической политики в странах с низкой рождаемостью: опыт и некоторые итоги // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2021. Т. 31, № 1. С. 77–84. <https://doi.org/10.35264/1996-2274-2021-1-77-84>
4. Hart R. K., Galloway T. A. Universal Transfers, Tax Breaks and Fertility: Evidence from a Regional Reform in Norway // Population Research and Policy Review. 2023. Vol. 42, issue 3. Article no. 49. <https://doi.org/10.1007/s11113-023-09793-z>
5. Luci-Greulich A., Thévenon O. The Impact of Family Policies on Fertility Trends in Developed Countries // European Journal of Population. 2013. Vol. 29, issue 4. Pp. 387–416. <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9295-4>
6. Nishikido M., Cui Q., Esteve A. Partnership Dynamics and the Fertility Gap between Sweden and Spain // Genus. 2022. Vol. 78. Article no. 26. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00170-w>
7. Parker R., Alexander M. Factors Influencing Men's and Women's Decisions about Having Children // Family Matters. 2004. No. 69. Pp. 24–31. URL: <https://aifs.gov.au/research/family-matters/no-69/factors-influencing-mens-and-womens-decisions-about-having-children> (дата обращения: 15.11.2023).

8. Chen W. Declining Number of Births in China: A Decomposition Analysis // China Population and Development Studies. 2021. Vol. 5. Pp. 215–228. <https://doi.org/10.1007/s42379-021-00094-6>
9. Tan J. Perceptions Towards Pronatalist Policies in Singapore // Journal of Population Research. 2023. Vol. 40. Article no. 14. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09309-8>
10. Антонов А. И. У истоков второго рождения (или возрождения) социологии семьи // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 14–18. <https://doi.org/10.31857/S013216250014121-6>
11. Архангельский В. Н. Возможности использования показателей для реальных поколений при оценке динамики рождаемости // Human Progress. 2022. Т. 8, № 2. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_2/Arkhangelsky.pdf (дата обращения: 15.11.2023).
12. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Оценка демографических установок глазами мужчин и женщин в условиях дефицита рождаемости // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 121–135. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.8>
13. Raymo J. M. The Second Demographic Transition in Japan: A Review of the Evidence // China Population and Development Studies. 2022. Vol. 6. Pp. 267–287. <https://doi.org/10.1007/s42379-022-00116-x>
14. Lu R., Gauthier A., Stulp G. Fertility Preferences in China in the Twenty-First Century // Journal of Population Research. 2023. Vol. 40. Article no. 8. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09303-0>
15. Choi Y. A Decomposition of Declining Crude Birth Rate in South Korea, 1990–2015 // Journal of Population Research. 2022. Vol. 39. Pp. 373–389. <https://doi.org/10.1007/s12546-022-09287-3>
16. Descriptive Finding Cohort Fertility Patterns in the Nordic Countries / G. Andersson [et al.] // Demographic Research. 2009. Vol. 20. Article 14. Pp. 313–352. <https://doi.org/10.4054/Dem-Res.2009.20.14>
17. Lappegård T., Rønsen M. The Multifaceted Impact of Education on Entry into Motherhood // European Journal of Population. 2005. Vol. 21. Pp. 31–49. <https://doi.org/10.1007/s10680-004-6756-9>
18. Jalovaara M., Andersson G. Disparities in Children's Family Experiences by Mother's Socioeconomic Status: The Case of Finland // Population Research and Policy Review. 2018. Vol. 37. Pp. 751–768. <https://doi.org/10.1007/s11113-018-9485-1>
19. Barclay K., Myrskylä M. Advanced Maternal Age and Offspring Outcomes: Reproductive Aging and Counterbalancing Period Trends // Population and Development Review. 2016. Vol. 42, issue 1. Pp. 69–94. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00105.x>
20. Вакуленко Е. С. Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости России 1990–2021 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 258–281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357>
21. Валидова А. Ф. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 494–511. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511>
22. Экономические факторы повышения рождаемости в Приволжском федеральном округе: ретроспективный анализ (2000–2020 гг.) / Ч. И. Ильдарханова [и др.] // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 2. С. 288–303. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.288-303>
23. Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Валидова А. Ф. Диалог труда и материнства в условиях социально-экономической и территориальной дифференциации в Республике Татарстан // Регионология. 2019. Т. 27, № 4. С. 801–830. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.801-830>

Поступила в редакцию 23.08.2023; поступила после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 07.11.2023.

Об авторах:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, доктор социологических наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, Researcher ID: N-6382-2016, chulpanildusovna@gmail.com

Архангельский Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а); заведующий сектором воспроизводства

населения и демографической политики Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>, Researcher ID: T-4845-2017, archangelsky@yandex.ru

Ершова Гузель Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-0521>, ershova104@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Ч. И. Ильдарханова – концепция и дизайн исследования; научное руководство; развитие методологии; критический анализ и доработка текста; утверждение окончательного варианта статьи.

В. Н. Архангельский – развитие методологии; курирование данных; формализованный анализ данных; подготовка первоначального варианта текста.

Г. Н. Ершова – подготовка первоначального варианта текста; визуализация/представление данных в тексте.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Vishnevsky A.G. Epidemiologic Transition and its Interpretations. *Demographic Review*. 2020;7(3):6–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11635>
2. Zakharov S.V. The History of Fertility in Russia: From Generation to Generation. *Demographic Review*. 2023;10(1):4–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>
3. Zhukov D.S., Babarash N.S. Analysis of the Population Policy in the Low Birth Rate Countries. Their Experience and Some Results. *Innovatics and Expert Examination*. 2021;31(1):77–84. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35264/1996-2274-2021-1-77-84>
4. Hart R.K., Galloway T.A. Universal Transfers, Tax Breaks and Fertility: Evidence from a Regional Reform in Norway. *Population Research and Policy Review*. 2023;42(3):49. <https://doi.org/10.1007/s11113-023-09793-z>
5. Luci-Greulich A., Thévenon O. The Impact of Family Policies on Fertility Trends in Developed Countries. *European Journal of Population*. 2013;29(4):387–416. <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9295-4>
6. Nishikido M., Cui Q., Esteve A. Partnership Dynamics and the Fertility Gap between Sweden and Spain. *Genus*. 2022;78:26. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00170-w>
7. Parker R., Alexander M. Factors Influencing Men's and Women's Decisions about Having Children. *Family Matters*. 2004;(69):24–31. Available at: <https://aifs.gov.au/research/family-matters/no-69/factors-influencing-mens-and-womens-decisions-about-having-children> (accessed 15.11.2023).
8. Chen W. Declining Number of Births in China: A Decomposition Analysis. *China Population and Development Studies*. 2021;(5):215–228. <https://doi.org/10.1007/s42379-021-00094-6>
9. Tan J. Perceptions Towards Pronatalist Policies in Singapore. *Journal of Population Research*. 2023;40:14. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09309-8>
10. Antonov A.I. At the Origins of the Second Birth (or Rebirth) of the Sociology of the Family. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2021;(5):14–18. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250014121-6>
11. Arkhangelsky V.N. The Possibilities of Using Indicators for Real Generations in Assessing the Dynamics of Fertility. *Human Progress*. 2022;8(2):4. Available at: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_2/Arkhangelsky.pdf (accessed 15.11.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Evaluation of Demographic Attitudes by the Eyes of Men and Women under Conditions of Fertility Deficiency. *Woman in Russian Society*. 2021;(S):121–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.8>
13. Raymo J.M. The Second Demographic Transition in Japan: A Review of the Evidence. *China Population and Development Studies*. 2022;6:267–287. <https://doi.org/10.1007/s42379-022-00116-x>
14. Lu R., Gauthier A., Stulp G. Fertility Preferences in China in the Twenty-First Century. *Journal of Population Research*. 2023;40:8. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09303-0>

15. Choi Y. A Decomposition of Declining Crude Birth Rate in South Korea, 1990–2015. *Journal of Population Research*. 2022;39:373–389. <https://doi.org/10.1007/s12546-022-09287-3>
16. Andersson G., Ronsén M., Knudsen L. B., Lappegård T., Neyer G., Skrede K., et al. Descriptive Finding Cohort fertility Patterns in the Nordic Countries. *Demographic Research*. 2009;20:313–352. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2009.20.14>
17. Lappegård T., Ronsén M. The Multifaceted Impact of Education on Entry into Motherhood. *European Journal of Population*. 2005;21:31–49. <https://doi.org/10.1007/s10680-004-6756-9>
18. Jalovaara M., Andersson G. Disparities in Children's Family Experiences by Mother's Socioeconomic Status: The Case of Finland. *Population Research and Policy Review*. 2018;37:751–768. <https://doi.org/10.1007/s11113-018-9485-1>
19. Barclay K., Myrskylä M. Advanced Maternal Age and Offspring Outcomes: Reproductive Aging and Counterbalancing Period Trends. *Population and Development Review*. 2016;42(1):69–94. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00105.x>
20. Vakulenko E.S. Effects of Period, Age and Cohort in the Dynamics of the Birth Rate in Russia in 1990–2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2023;(2):258–281. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357>
21. Validova A.F. Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. *Russian Journal of Regional Studies*. 2018;26(3):494–511. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511>
22. Ildarhanova Ch.I., Ershova G.N., Ershova Yu.N., Ibragimova A.A. Economic Factors of Increasing Fertility in the Volga Federal District: A Retrospective Analysis (2000–2020). *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2022;13(2):288–303. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.288-303>
23. Ildarhanova Ch.I., Gnevasheva V.A., Validova A.F. Dialogue of Labor and Motherhood in the Context of Socio-Economic and Territorial Differentiation in the Republic of Tatarstan. *Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(4):801–830. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.801-830>

Submitted 23.08.2023; revised 26.10.2023; accepted 07.11.2023.

About the authors:

Chulpan I. Ildarhanova, Dr.Sci. (Sociol.), Director, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, Researcher ID: N-6382-2016, chulpanildusovna@gmail.com

Vladimir N. Arkhangelsky, Cand.Sci. (Econ.), Leading Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Head of the Sector of Population Reproduction and Demographic Policy of the Center for the Study of Population Problems of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>, Researcher ID: T-4845-2017, arkhangelsky@yandex.ru

Guzel N. Ershova, Cand.Sci. (History), Leading Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-0521>, ershova104@mail.ru

Contribution of the authors:

Ch. I. Ildarhanova – concept and design of the study; scientific leadership; development of methodology; critical analysis and revision of the text; approval of the final version of the article.

V. N. Arkhangelsky – development of methodology; data curation; formalized data analysis; preparation of the initial version of the text.

G. N. Ershova – preparation of the initial version of the text; visualization/presentation of data in the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.421

doi: [10.15507/2413-1407.126.032.202401.144-162](https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.144-162)

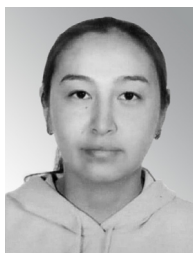
Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Assessment Future Evolution of Massive Open Online Courses (MOOCs): SWOT Analysis (Global and Regional Measuring)

M. S. Ashilova^a

A. S. Begalinov^b

Yu. V. Pushkarev^c

I. Yu. Pushkareva^c

K. K. Begalinova^d

E. A. Pushkareva^c ✉

^a *Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages
(Almaty, Republic of Kazakhstan)*

^b *International University of Information Technologies (Almaty, Republic of Kazakhstan)*

^c *Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)*

^d *Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)*

✉ pushkarev73@mail.ru

Аннотация

Introduction. Digital technologies contribute to the rapid development of communications in various spheres of society. However, MOOCs, despite being a young and exciting phenomenon, have both positive and negative aspects. The purpose of the article is to study and analyze the phenomenon of MOOCs in its global and regional dimensions, and assessment their future evolution, identifying the strengths and weaknesses in their development, especially for the development of regional education systems.

Materials and Methods. Theoretical research is carried out in the context of a systematic approach to maximize the study of all the features and patterns of the phenomenon under study, which is a system. The research methodology used is SWOT analysis, which helps to identify the advantages, disadvantages, opportunities, and threats for the future of higher education. The method helped to identify, on

© Ashilova M. S., Begalinov A. S., Pushkarev Yu. V., Pushkareva I. Yu., Begalinova K. K.,
Pushkareva E. A., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

the one hand, the positive and negative aspects of the development of massive open online courses of the MOOC, on the other, to identify the opportunities and threats of online learning systems for the future development of higher education (global and regional levels).

Results. The authors show that open online courses are an important addition to traditional university education, built on the basis of common forms, but working within the framework of a regional dimension. They allow you to increase the level of knowledge and competencies in various industries and beyond territorial borders by building specific online communities). However, the authors also show that this open communication system is considered by many of its participants not as a specific addition to the traditional one, but as its real alternative. The main results of the study is the identification of hidden and unexpressed weaknesses in the MOOC system. Instead of the expected democratization of education and enlightenment, if the existing threats are underestimated, it may lead to degradation and a new phase of the global educational crisis. The scientific novelty of this research lies in the fact that the phenomenon of MOOCs is still young and has been poorly studied in scientific literature.

Discussion and Conclusion. In conclusion, the authors summarize the specifics of the manifestations of an open system of knowledge communication (its global and regional dimensions). The practical significance of this study of the authors lies in the analysis and generalization of the problems of the development of online education. This article will be useful for anyone interested in research issues of theoretical and practical aspects of the modern education system development (both regional and global levels of its formation).

Keywords: global social systems, regional changes in social systems, MOOCs, open online communities, SWOT analysis, prospects for the development of education, information development of society, aspects of regional systems, open communication system, digital communication technologies

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan within the framework of the scientific project AP09058341 “Transformation of the values of Kazakhstan higher education system in a multicultural and globalizing world”.

For citation: Ashilova M.S., Begalinov A.S., Pushkarev Yu.V., Pushkareva I.Yu., Begalinova K.K., Pushkareva E.A. Assessment Future Evolution of Massive Open Online Courses (MOOCs): SWOT Analysis (Global and Regional Measuring). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):144–162. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.144-162>

Оригинальная статья

Оценка перспектив развития массовых открытых онлайн-курсов (МООС): SWOT-анализ (глобальное и региональное измерение)

М. С. Ашилова¹, А. С. Бегалинов², Ю. В. Пушкарёв³, И. Ю. Пушкарёва³,
К. К. Бегалинова⁴, Е. А. Пушкарёва³ ✉

¹ Казахский университет международных отношений и мировых языков
имени Абылай Хана (г. Алматы, Республика Казахстан)

² Международный университет информационных технологий
(г. Алматы, Республика Казахстан)

³ Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск, Российская Федерация)

⁴ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
(г. Алматы, Республика Казахстан)

✉ pushkarev73@mail.ru

Abstract

Введение. Цифровые технологии способствуют быстрому развитию коммуникаций в различных сферах жизнедеятельности общества. Массовые открытые онлайн-курсы в данном контексте – противоречивый феномен: он несет в себе не только положительные, но и негативные аспекты, особенно для развития региональных систем образования. Цель исследования – проанализировать феномен МООС в его глобальном и региональном измерении, оценить его перспективы, выявить сильные и слабые стороны в его развитии.

Материалы и методы. Теоретическое исследование осуществляется в контексте системного подхода для максимальной проработки всех особенностей и закономерностей изучаемого феномена, являющегося системой. Основой исследования выступил метод SWOT-анализа, который способствовал выявлению положительных и отрицательных аспектов развития массовых открытых онлайн-курсов и определению возможностей и угроз систем онлайн-образования для будущего развития сферы высшего образования (глобального и регионального уровней).

Результаты исследования. Выявлено, что открытые онлайн-курсы являются важным дополнением к традиционному университетскому образованию, выстроенному на основе общих форм, но работающих в рамках регионального измерения. Они позволяют повысить уровень знаний и компетенций в различных отраслях и вне территориальных границ, выстраивая специфичные онлайн-сообщества. Также определено, что онлайн-курсы многими участниками рассматриваются не как специфическое дополнение к традиционной форме образования, а как его реальная альтернатива. Авторами выявлены скрытые, непроявленные слабые черты системы МООС, которые вместо ожидаемых демократизации образования и просвещения могут привести к прямо обратному результату – деградации и новому витку мирового образовательного кризиса. Научная новизна обусловлена темой исследования, поскольку феномен МООС – молодой и еще крайне малоизученный в научно-исследовательской литературе.

Обсуждение и заключение. Обобщается специфика проявлений открытой системы знания и коммуникации (глобальное и региональное измерение). Практическая значимость исследования заключается в анализе и структурировании проблем развития онлайн-образования. Статья будет полезна всем интересующимся вопросами исследования теоретических и практических аспектов развития современной системы образования (как регионального, так и глобального уровней ее формирования).

Ключевые слова: глобальные социальные системы, региональные изменения социальных систем, МООС, открытые онлайн-сообщества, SWOT-анализ, перспективы развития образования, информационное развитие общества, аспекты региональных систем, открытая система коммуникации, цифровые коммуникационные технологии

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научного проекта AP09058341 «Трансформация ценностей казахстанской системы высшего образования в мультикультурном и глобализирующемся мире».

Для цитирования: Оценка перспектив развития массовых открытых онлайн-курсов (МООС): SWOT-анализ (глобальное и региональное измерение) / М. С. Ашилова [и др.] // Регионология. 2024. Т. 32, № 1. С. 144–162. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.144-162>

Introduction. Massive Open Online Courses, or MOOCs, are often researchers called a revolution in modern education [1–5]. Some researchers, like Sh. Urooj, A. Sajjad, N. Bano, and M. Mukarram [1], compare the advent of MOOCs to Johannes Gutenberg's invention of the printing press. Although the first massive online courses appeared not in 2020 during the pandemic [2; 3] but much earlier, in 2008, it is now that they have become so popular and in demand according to sources [4; 5].

In 2021, there were approximately 20,000 online courses offered by 950 universities worldwide, with a total number of students reaching 220 million people¹. It is expected that by 2028, the market for massive open online courses will grow at an average annual growth rate of 34.7%².

¹ Shah D. By The Numbers: MOOCs in 2021 [Electronic resource]. The Report. 2021. Available at: <https://www.classcentral.com/report/mooc-stats-2021> (accessed 24.06.2023).

² Market of Massive Open Online Courses (MOOC) – Growth, Trends, COVID-19 Impact, and Forecasts (2023–2028) [Electronic resource]. Available at: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/massive-open-online-course-mooc-market> (accessed 24.06.2023).

Before the pandemic, MOOCs were seen more as a complement to traditional face-to-face education [6–8], but today they question the necessity of universities, compete with them, and present a serious alternative to traditional learning [1; 9; 10].

MOOCs have compelled traditional and mostly elite higher education institutions worldwide to reconsider their approaches and strategies in the field of online and open learning. They have been an invaluable resource during the pandemic when schools and universities were physically closed for a long time. And to this day, they remain an important element in promoting universal education³.

However, not everything in the MOOC system is so straightforward. As research progresses, contradictory factors are being identified, revealing both the strengths and weaknesses of open education.

The purpose of this article is to study and analyze the phenomenon of MOOCs and assess their future evolution, identifying the strengths and weaknesses in their development (both regional and global levels of its formation).

Literature Review. Some researchers believe that after the pandemic there have been significant changes in the structure of traditional education: problems of the unstable development [11–13]; problems of the educational quality [14–16]; changing of the educational value content [17–19]; change of the educational paradigm in general [20; 21]. Some researchers believe [1] that over time, long-term higher education will be replaced by such short-term courses.

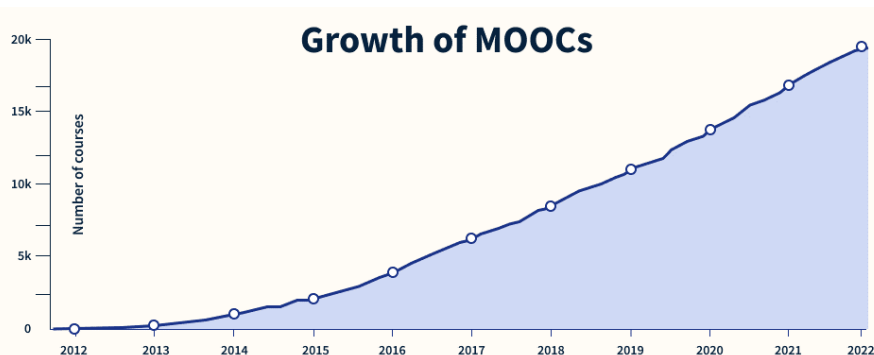
The first online course considered as a MOOC was the course on connectives and connective knowledge conducted in 2008 at the University of Manitoba in Canada [4]. In-person, 25 students attended the course, and an additional 2,200 students took it remotely. In 2011, Stanford University launched three free online courses: databases, machine learning, and artificial intelligence [22]. Each course received over 100,000 applications from students all over the world. The courses included video lectures by renowned professors and assignments that were automatically assessed by algorithms. This marked the emergence of MOOCs in their modern understanding [23].

Since 2017, it has been possible to earn bachelor's and master's degrees, as well as numerous micro-credentials through courses [1, p. 94]. Currently, we are witnessing a boom in the development of MOOCs. By the end of 2020, more than 16,300 MOOCs from 950 universities worldwide had reached over 180 million students [24] (Figure 1).

MOOCs, according to several researchers [25; 26], are a phenomenon in higher education that represents the most influential initiative, aimed at the implementation and effective use of the most popular features of digital technologies.

Thus, the article examines the actual contemporary problem of global and regional changes in social systems in modern conditions of information development of modern society. Digital technologies contribute to the rapid development of communications in various spheres of society. On the one hand, they contribute to the spread of specific regional cultures; on the other hand, on the contrary, they entail threats to the preservation of regional characteristics and traits, traditions.

³ Ritchie H., Mathieu E., Roser M., Ortiz-Ospina E. Internet [Electronic resource]. *OurWorldInData.org*. 2023. Available at: <https://ourworldindata.org/internet> (accessed 24.06.2023).

Fig. 1. Dynamics of MOOC Course Development⁴

Materials and Methods. Theoretical research is carried out in the context of a systematic approach to maximize the study of all the features and patterns of the phenomenon under study, which is a system.

This article presents a SWOT analysis of the MOOC system.

The authors systematize the data about this system at its current stage of development.

The main thing is to identify the strengths, weaknesses, opportunities, and threats.

The authors focus on this aspect of influence that MOOCs present to individual students as well as the higher education sector as a whole.

The method helped to identify, on the one hand, the positive and negative aspects of the development of massive open online courses of the MOOC, on the other, to identify the opportunities and threats of online learning systems for the future development of higher education (global and regional levels).

Results. Massive Open Online Courses are a “groundbreaking technology in the field of higher education” [27]. Some scientists compare the invention of MOOCs to the invention of printing. Others consider them one of the most important modern revolutions, a significant shift in the global community, where the old system is discarded and a new one is embraced [27]. Some researchers note that MOOCs have literally turned the education system upside down.

The “flipped classroom” departs from the traditional approach focused on lectures and the transmission of knowledge from teachers to students. Instead, it adopts an approach centered around the learners and the problems they encounter during the learning process [27]. In this model, students watch videos and complete online assignments before attending face-to-face discussions at their own convenient time and pace. During in-person sessions, typically, homework is done, and educators dedicate their time to explaining complex concepts, providing academic and individual support in the classroom, fostering collaboration, and teamwork on projects and ideas. One example of a “flipped classroom” is the Khan Academy⁵, an online learning service whose mission is to provide free, world-class education to anyone interested. Currently, Khan

⁴ Shah D. By The Numbers: MOOCs in 2021.

⁵ Khan Academy Press Room [Electronic resource]. 2014. Available at: <https://khanacademy.zendesk.com/hc/en-us/articles/202483630-Press-room> (accessed 24.06.2023).

Academy is one of the largest schools in the world, with ten million users accessing the site each month, over 400 million lessons translated into twenty-eight languages, and approximately four million exercises completed daily⁶ [7].

Equally impressive are the achievements of the Coursera platform⁷. As of today, the Coursera community brings together over 100 million registered learners and collaborates with more than 275 universities and companies worldwide⁸. The main mission of Coursera courses is to educate millions of students from around the globe, transforming the traditional teaching method⁹.

By the end of 2020, there were more than 16,300 MOOCs offered by 950 universities worldwide, reaching over 180 million students [24].

Considering the fact that in the next thirty years, more children will leave school than ever before in history¹⁰, and that by 2030, 27 million teachers will need to be hired¹¹, undoubtedly, MOOCs play a key role in the global mission of education and the promotion of quality open education for all.

MOOCs have been particularly important during the pandemic. Scientists acknowledge that during this challenging time, “teaching and learning systems have become completely dependent on e-learning since the world has turned to electronic transactions in all areas, especially in education, and the most used technology includes the use of online training courses such as MOOCs” [28].

Only in the first month of the pandemic, enrollment on Coursera increased by 640% compared to the same period the previous year, from 1.6 million to 10.3 million people¹². In this situation, MOOCs became an excellent platform for quality online education [29].

Scientists hope that thanks to MOOCs, higher education can be significantly democratized [30], making it accessible, which is crucial primarily for developing countries that lag behind in development. As possibilities of MOOCs, researchers also consider new formats of education, including multimedia content, digital tools, interactive learning, virtual laboratories, elements of computer games, etc., which will allow reforming the centuries-old system of higher education, reshaping it into personalized learning, lifelong learning.

However, despite the impressive achievements of MOOCs in recent years, there are certain threats that cannot be ignored. First and foremost, scientists have noticed that

⁶ Khan Academy Press Room.

⁷ Mercado A. Coursera Statistics: The Growth of e-Learning in 2023 [Electronic resource]. Skill Academia. 2023. Available at: <https://www.skillademia.com/statistics/coursera-statistics/> (accessed 24.06.2023).

⁸ Ibid.

⁹ Kamenetz A. How Coursera, a Free Online Education Service, Will School Us All [Electronic resource]. Fast Company. 2012. Available at: <https://www.fastcompany.com/3000042/how-coursera-free-online-education-service-will-school-us-all> (accessed 24.06.2023).

¹⁰ Education at a Glance 2012: Highlights, OECD Publishing. 2012. https://doi.org/10.1787/eag_highlights-2012-en

¹¹ Wanted: Trained Teachers to Ensure Every Child's Right to Primary Education [Electronic resource]. UNESCO. 2014. Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002299/229913E.pdf> (accessed 24.06.2023).

¹² Impey Ch. Massive Online Open Courses See Exponential Growth During COVID-19 Pandemic [Electronic resource]. The Conversation. 2020. Available at: <https://theconversation.com/massive-online-open-courses-see-exponential-growth-during-covid-19-pandemic-141859> (accessed 24.06.2023).

“the majority of people studying MOOCs already have jobs, have higher education, and hardly encounter obstacles related to the accessibility of higher education” [30]. For example, 85% of participants in Coursera already have higher education¹³.

In a research report by A. D. Ho et al. [31], “researchers from Harvard University and the Massachusetts Institute of Technology found that on the first 17 MOOCs offered through edX, 66% of all participants and 74% of those who received certificates had a bachelor’s degree or higher, with an average age of 26 years” [31].

In a study F. Holland and D. Tirthali “active in the MOOC space” based on more than 80 interviews at 62 institutions, “researchers from the Teachers College at Columbia University, also concluded that most MOOC participants are already well-educated and employed, and only a small fraction of them are fully engaged in the courses”¹⁴.

Overall, the data indicate that “MOOCs currently fall short of ‘democratizing’ education and may, at the moment, do more to increase the education gap than to reduce it”¹⁵. Speaking of the future, “another concern inevitably arises that wealthy students will attend university while the poor will study using a computer”¹⁶.

Furthermore, scientists [31] critically evaluate the audience of MOOC courses, noting the passivity of the majority of students. EdX researchers [31] identified several levels of engagement in MOOCs: “only registered: registrants who never access the courseware (35 percent); only viewed: non-certified registrants who access the courseware, accessing less than half of the available chapters (56 percent); only explored: non-certified registrants who access more than half of the available chapters in the courseware, but did not get a certificate (4 percent); certified: registrants who earn a certificate in the course (5 percent)” [31]. As we can see, the number of students who have completed MOOC courses with a certificate and without one does not exceed 10% of the total number of registered users on the platform. P. Hill¹⁷ identified five types of participants in Coursera courses, where the number of active users is extremely low (Figure 2).

W. Engle discovered similar patterns for MOOCs at the University of British Columbia on Coursera¹⁸: from one-third to half of the participants who registered for MOOCs ultimately do not actively participate in the courses. Among those who have at least listened to one lecture, only 5–10% go on to obtain a certificate¹⁹. Thus, researchers note the high passivity of MOOC students.

¹³ Coursera Conference Data. Paper Presented at the Coursera Partners’ Conference. London, UK: University of London; 2014.

¹⁴ Hollands F., Tirthali D. MOOCs: Expectations and Reality. New York: Columbia University Teachers’ College, Center for Benefit-Cost Studies of Education; 2014. Available at: <https://www.cbcsce.org/publications/moocs-expectations-and-reality> (accessed 24.06.2023).

¹⁵ Bates A.W. (Tony) Teaching in a Digital Age. Guidelines for Designing Teaching and Learning. University of British Columbia: BCCampus; 2015. Available at: <https://opentextbc.ca/teachinginadigitalage/> (accessed 24.06.2023).

¹⁶ McGhee P. Why Online Courses can Never Totally Replace the Campus Experience [Electronic resource]. The Guardian. 19 November 2012. Available at: <https://www.theguardian.com/education/2012/nov/19/open-online-courses-higher-education> (accessed 24.06.2023).

¹⁷ Hill P. Some Validation of MOOC Student Patterns Graphic [Electronic resource]. e-Literate. 2013. Available at: <https://eliterate.us/validation-mooc-student-patterns-graphic/> (accessed 24.06.2023).

¹⁸ Engle W. UBC MOOC Pilot: Design and Delivery Vancouver BC: University of British Columbia; 2014. Available at: <http://flexible.learning.ubc.ca/files/2014/09/MOOC-Report.pdf> (accessed 24.06.2023).

¹⁹ Ibid.

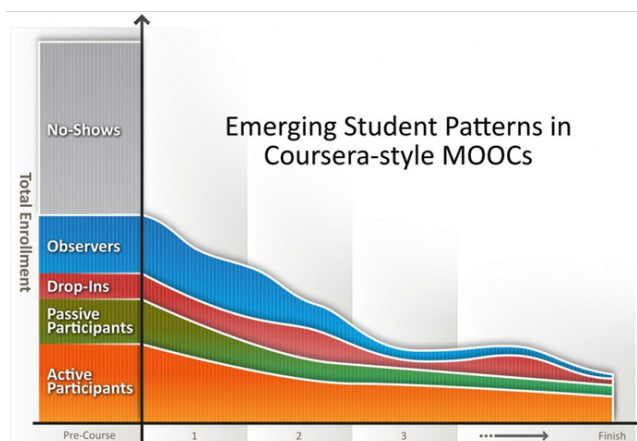

Fig. 2. Types of audiences in Coursera²⁰

When discussing the drawbacks of short-term courses, researchers also highlight the weak technical infrastructure in the world, especially in developing countries, where many people lack access to the Internet and computers, preventing them from joining the courses. In 2017, more than half of the world's population (52%) did not have Internet access²¹. According to the United Nations, as of now, 37% of the world's population has never used the World Wide Web. Out of the 2.9 billion people not connected to the Internet, around 96% live in developing countries. Even among the 4.9 billion considered Internet users, many have infrequent access²². Even if Internet access is available, in many countries, the level of English proficiency does not allow local students to study on the courses. Localization of content, attracting substantial investments for translation or subtitling of courses into local languages, and involving a large number of editors, translators, and researchers may not always be feasible in poor developing countries. The lack of practical experience in online education is another significant drawback. Not all disciplines and courses can be replaced with virtual laboratories and interactive practical exercises. Many areas of knowledge still require offline work, practical immersion in reality, and collaboration in teams, which require the development of complex communication skills. Psychological problems arise for students studying exclusively online, including the need for strict self-control and self-discipline, declining motivation over time, the difficulty of evaluating creative assignments using machine algorithms, and the absence of direct communication with educators and peers. These are the realities of distance education that the pandemic, which closed schools and universities for several years, vividly demonstrated.

MOOCs are far from the only platform for open and free education. Other historical forms include libraries, archives, open textbooks and resources, educational broadcasting through various media, and other forms that are also freely available, but

²⁰ Engle W. UBC MOOC Pilot...

²¹ Polonskaya A. [Almost 4 Billion People in the World Do Not Have Access to the Internet] [Electronic resource]. DW. 2017. Available at: <https://www.dw.com/ru/почти-4-миллиарда-человек-не-имеют-доступа-к-интернету/a-40568345> (accessed 24.06.2023).

²² [37% of People Have Never Used the Internet] [Electronic resource]. United Nations. 2021. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1414732> (accessed 24.06.2023).

they do not have the same high reach as online delivery. However, unlike MOOCs, alternative forms of open education have never posed a threat to traditional university education, nor did they seek to replace or supplant formal credit-based learning; they were simply used as supplementary education. In the case of MOOCs, the situation is different. Today, MOOCs are posing a threat to the existence of universities, and there is an opinion that the knowledge obtained online is sufficient for effective work in the future.

“Non-formal and informal education, thanks to Internet technologies, are becoming real competitors to universities because they can provide education of sufficiently high quality but at a lower cost than modern higher education institutions, while reaching a significantly larger audience,” argue T. Klyachko and V. Mau²³.

The idea that MOOCs courses could eventually push universities into the margins of history is real [32]. This idea is based on the current crisis in university education. Regarding this, J. Brewer asks, “Do any of these organizations [universities] apply a fully integrative approach to uniting human and ecological systems, capable of developing and implementing political solutions to avoid a massive planetary systemic collapse? Do they teach people to intervene in such a way as to save us from falling off the precipice of civilization? Are universities truly failing in their tasks and letting humanity down? I’m afraid the answer is yes” [33].

“The Western university is dead”²⁴ – with these words, Ronald Barnett began his inaugural professorial lecture at the Institute of Education at the University of London in 1997. Previously, J.-F. Lyotard wrote in his work “The Postmodern Condition” that in the postmodern world, “the university risks disappearing”²⁵.

The value of the university in society is currently so low that more and more researchers are inclined to think that its necessity is disappearing [33].

Another question is to what extent MOOCs courses can be a sufficient alternative to traditional and declining classical universities?

At the moment, the answer is negative. Moreover, the complete replacement of university knowledge with online education, including MOOCs courses, carries serious threats, the consequences of which will be social catastrophes and a decline in the level of education worldwide.

In online education, it is not about the comprehensive formation of knowledge; rather, it is about the transmission and delivery of currently relevant information. Information is easily transmitted; it can be easily broken down into digital modules, expressed in programming languages in kilobytes/megabytes/gigabytes, and transmitted through various media. Furthermore, it can be unreliable and fake. “Possessing information is not equivalent to possessing knowledge” [34, p. 39] because knowledge is more than just possessing information. Knowledge is personally internalized, comprehensive, holistic information about the object of study. “The value of knowledge is determined by the measure of its truthfulness, while the value of information

²³ Klyachko T.L., Mau V.A. [The Future of Universities]. Moscow: Publishing House “Delo” RANEP; 2015.

²⁴ Barnett R. [“Interpreting the University”]. In: Gusakovskiy M.A., Polonnikov A.A., Korbut A.M., editors. [Theoretical Issues in Education: Anthology]. Minsk: BSU; 2013. p. 5.

²⁵ Lyotard J.-F. [The Postmodern Condition]. Moscow: Institute of Experimental Sociology. St. Petersburg: Aleteya; 1998.

is determined by the measure of its functionality, its assistance in achieving a goal. In other words, information is instrumental in its essence” [34, p. 42].

Education through MOOCs is questionable because it does not encompass a number of crucial educational aspects: elements of upbringing, including ethics, aesthetics, moral education, and patriotic education; it does not adequately develop practical skills due to the limitations of the online sphere; it does not foster communicative skills due to the lack of live dialogue with other participants in the process. This form of education does not provide a holistic understanding of the world; it is limited by the functional, institutional, and narrowly pragmatic needs of the individual. Furthermore, the MOOC system is shaped by market conditions, which inevitably leads to the influence of commercialization and consumerism on the field of education. Only those courses and disciplines that are chosen by students, who act as clients within this system, receive support. Only those courses and disciplines that generate profit are actively invested in.

Finally, there is the phenomenon of education globalization, as knowledge today emanates from developed countries to less developed ones, with the vector of knowledge flowing from the West to the lagging East, from the more advanced North to the poorer South. “The main providers of MOOCs are predominantly based in North America. However, the students participating in MOOCs come from all over the world, including the United States (38.5%), Brazil (5.9%), India (5.2%), China (4.1%), Canada (4.1%), and the United Kingdom (4.0%)”²⁶. Massive open online courses have recently become a hot topic for discussion in the field of higher education. Scholars from China, such as Yao Li and others, believe that “as a large-scale open online learning system, MOOCs have disrupted the old rules of global academic exchange and cooperation. It has not only established a new order, logic, and mechanism for the internationalization of higher education but also provided a new structure and opportunities for the globalization of higher education” [35].

Questions of fairness in higher education arise sharply, as MOOCs, proclaimed as a “means for unprecedented access to education and overcoming racial, class, age, gender, and geographical differences,” have not actually become such a means. R. Ichou, a scholar from Australia, doubts the ability of MOOCs to address this issue. “Courses will do little to reduce the global educational gap,” she writes [36].

Summing up the above, it should be noted that massive open online courses, despite having numerous positive aspects proven during the COVID-19 pandemic, pose a direct opposite threat to current universities. They entail the loss of integrity and fundamentality of education, the neglect of educational elements in higher education, excessive commercialization and consumerism in education. Additionally, they can become new conduits for the globalization of education, unfair and unequal distribution of resources, and the imposition of Western thinking and perception of the world on others, especially developing countries. The ambiguous interpretation of the role and significance of MOOCs in higher education, as well as the fact that massive online courses are a relatively recent human invention, suggests the need for further in-depth research and analysis of this contradictory phenomenon.

²⁶ Harris L. The Globalization of Education [Electronic resource]. Research Information. 2013. Available at: <https://www.researchinformation.info/feature/globalisation-education> (accessed 02.07.2023).

SWOT analysis helps to identify the advantages, disadvantages, opportunities, and threats for the future of higher education. The method helped to identify, on the one hand, the positive and negative aspects of the development of massive open online courses of the MOOCs, on the other, to identify the opportunities and threats of online learning systems for the future development of global and regional levels of higher education (Figure 3).

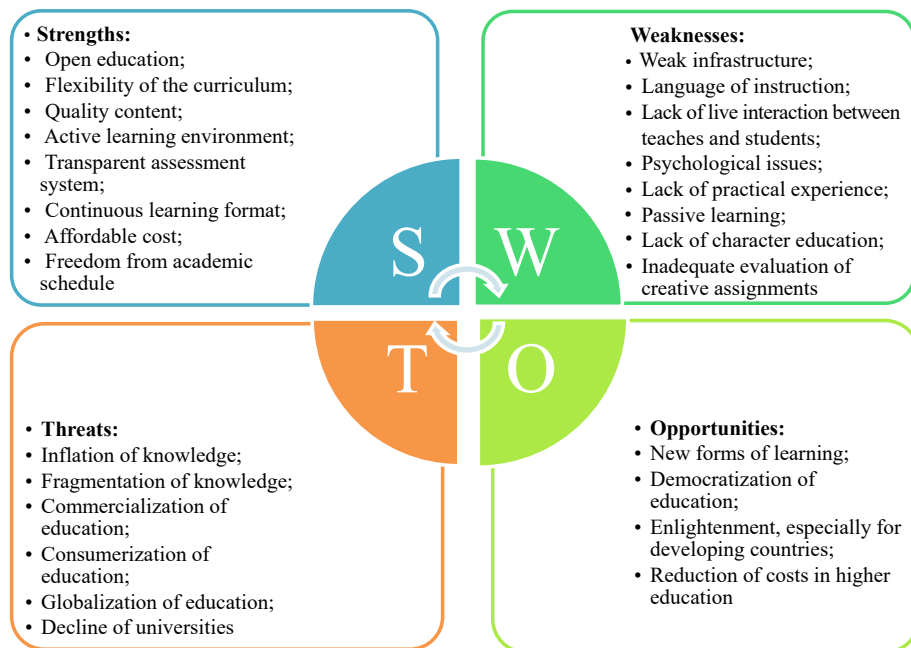

Fig. 3. SWOT Analysis – Assessment future evolution of massive open online courses²⁷

Strengths. The strengths of MOOCs include:

1. Open education. MOOCs are educational courses offered by top universities around the world. They are accessible to anyone with a computer and Internet connection. This significant strength of MOOCs allows for valuable supplementation to traditional university education.

2. Flexibility of the educational program. The motto of short-term learning is “study only what you really need or like” [26]. MOOCs do not restrict the amount of information obtained, nor do they require the completion of all assignments. Users can choose to only attend lectures and take tests that they consider important for themselves. There is also the possibility to combine and complement various courses simultaneously.

3. High-quality content provided by leading universities worldwide. According to the US News World Report ranking, approximately 22 out of the top 25 universities in the United States currently offer free online courses. In 2023, the total number of universities involved in the MOOC system exceeded 1200. This advantage of short-term

²⁷ Figure compiled by the authors of the article.

online courses is particularly important for developing countries, as it provides an opportunity for accelerated development and bridging the education gap.

4. Active educational environment that encourages open discussion of the learning process, as well as a feedback mechanism that allows for timely improvements in the quality and effectiveness of the pedagogical process. MOOCs also provide opportunities for creating active educational and online communities based on interests.

5. Transparent assessment system that includes both testing and peer review. After providing answers, students receive detailed explanations of the questions. Peer reviews are conducted by multiple colleagues, and in some cases, instructors as well.

6. MOOCs are a valuable form of lifelong or continuous learning.

7. Low cost of MOOC courses due to computer automation, digitization, Internet access, and streamlined communication. This has significantly reduced the expenses associated with supporting students and evaluating their knowledge in higher education.

8. Freedom from academic schedules and university accreditation. MOOC courses are not tied to traditional semester-based university models. They can start at any time and have any duration. This makes MOOCs attractive to students focused on a specific topic or series of courses. They are also not tied to traditional university accreditation and can be offered with or without a certificate, depending on the students' needs.

Weaknesses. However, modern MOOC courses have several weaknesses, including:

1. Weak technical infrastructure. MOOC courses require access to high-speed Internet to transmit videos and other multimedia content. In many countries, even after the pandemic, there are issues with Internet access, especially in rural areas. According to Our World in Data, Internet access is still limited to less than 60% of the world's population. As a result, the impact of MOOCs is currently severely limited.

2. Language barrier. Typically, the majority of MOOC courses are offered in English, which limits access to resources for non-English-speaking students.

3. Lack of direct interaction between educators and students. Communication in courses is conducted in written form and mediated by computer technologies. Students do not develop oral communication and interpersonal skills.

4. Psychological issues related to solitary learning, such as feelings of isolation.

5. Lack of practical experience. Courses cannot replace hands-on or laboratory sessions that require offline participation. Online education is often limited in terms of practical application.

6. Passive learning and low motivation. Most online course participants are passive users. Courses, especially those that are more challenging to comprehend, require a high level of concentration, self-discipline, and responsibility. Prolonged online learning can lead to decreased motivation, resulting in many courses being left unfinished.

7. Lack of elements of character development in the educational process, including moral, spiritual, ethical, aesthetic, and patriotic education, as well as the absence of skills in teamwork and interpersonal communication.

8. Inadequate assessment of creative assignments. Neither machines nor fellow learners can adequately evaluate creative tasks. Only educators can do that. However,

in MOOC courses, instructors typically do not engage in grading assignments. Consequently, they are unable to identify the potential and talent of learners.

Opportunities. Open education also presents numerous opportunities, as scientists highlight the following:

1. New forms of learning. The possibility of shifting the focus from traditional forms of education to learner-centered educational approaches that cater to their needs.

2. Democratization of education. As digitization and Internet access continue to advance, providing high-quality content from top universities worldwide to a larger number of individuals who are interested.

3. Enlightenment. MOOCs can serve as an important tool for enlightenment in developing countries with low-income levels.

4. Cost reduction. MOOCs can significantly reduce the costs of university education.

Threats. The main threat of the MOOC system is the crisis faced by traditional university education. When the number of courses reaches its limit and offers students short-term programs in various disciplines and subjects, there is a high probability that students will prefer open, free courses over attending universities. This could lead to the degradation of university knowledge and even the complete disappearance of universities. The main threats are as follows:

1. Inflation and fragmentation of knowledge. Information replacing knowledge. MOOC courses offer not knowledge that should be personally internalized but rather a specific set of information. Information is easily fragmented, easily translated into machine language (in megabytes, gigabytes, and terabytes), easily evaluated, and easily transformed into new courses. Moreover, short-term online courses cannot meet the needs of the student community for fundamental knowledge that provides a comprehensive understanding of the subject being studied.

2. Commercialization of education. MOOC projects are commercial endeavors that generate real income for universities. Profit is given priority. Consequently, commercially successful courses have the opportunity for development and the creation of new sub-courses, while courses that do not generate profit and incur losses are doomed to failure and oblivion, even if they address important areas of science and life.

3. Consumerization of education. MOOC courses are designed not based on the logic of real needs in science and society but rather on the preferences of the audience – the learner users. Accordingly, the emphasis is placed on less important topics for society, such as business and finance, at the expense of natural and humanities sciences.

4. Globalization of education. MOOC courses are predominantly offered by Western and American higher educational institutions, which dominate technologically in the world. Along with information, the courses also transmit the dominant Western way of thinking, teaching style, and worldview.

5. Oblivion of universities. The threat to the existence of universities and the decline of higher education. As a result, there is a crisis and decline in culture.

Discussion and Conclusion. Thus, Massive open online courses have proven themselves as an important addition to traditional university education. They allow students to enhance their skills.

The flexibility of the curriculum, accessibility from anywhere in the world, active learning environment and online student communities, lifelong learning opportunities, affordable tuition, and high-quality content from top universities attract an increasing number of students to the MOOC system. MOOCs are associated with hopes for the democratization of higher education, overcoming global educational inequality, and are referred to as a new tool for the Enlightenment of peoples, a new paradigm in education, thanks to the active implementation of the latest information and virtual technologies, a revolution similar to Gutenberg's invention of the printing press.

However, alongside the positive aspects of MOOCs, scholars often point out the negative sides of massive open online courses. Some of these issues have already manifested, such as the problems faced by the majority of the world's population in accessing computers and the Internet, which raises questions about the democratization of education, or the problems experienced by students due to the lack of live dialogue and teacher involvement, leading to both psychological and communicative challenges.

Other problems, however, will only become apparent in the future. These issues pose serious threats to the functioning of higher education, risking stagnation and a new phase of the global educational crisis. We are talking about the complete displacement of higher educational institutions by MOOCs. Today, massive open education is no longer viewed by many participants in the education process as a supplement to traditional education but as a real alternative. In this form, MOOCs pose a significant threat as they undermine the fundamentality and integrity of education. They do not contribute to the humanization of knowledge, do not nurture or shape individuals but merely transmit up-to-date information from various spheres of life, narrowly focused and market-oriented. MOOCs become conduits for globalization originating from Western countries, carriers of neoliberalism that prioritizes the market, breaking ties with the traditional university that has long-standing roots and the traditions of classical learning. All of this raises serious concerns about the loss of education as a whole.

It should also be noted that the phenomenon of MOOCs is young, starting from 2008. Many in-depth and multi-aspect research is still required to uncover the potential of massive open education, mitigate its negative aspects, strengthen the positive ones, reduce threats, and harness potential opportunities so that MOOCs can truly become a means for universal enlightenment.

However, there is no doubt that despite all the strengths of online education, MOOCs will not be able to compete with universities. The idea of completely replacing universities through open education, actively discussed in contemporary scientific research literature, carries serious negative consequences. At the same time, MOOCs can be used as a supplement to traditional education, providing students with high-quality and relevant information on many subjects.

The practical significance of this study of the authors lies in the analysis and generalization of the problems of the development of online education. This article will be useful for anyone interested research issues of theoretical and practical aspects of the modern education system development (both regional and global levels of its formation).

REFERENCES

1. Urooj S., Sajjad A., Bano N., Mukarram M. Gutenberg and the MOOC. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. 2022;17(12):93–105. <https://doi.org/10.3991/ijet.v17i12.31357>
2. Begalinov A.S., Ashilova M.S., Begalinova K.K. On the Image of Higher Education in the Post-Covid World: Formation and Development of the New Type of Thinking. *Science for Education Today*. 2021;11(1):110–123. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2101.07>
3. Pushkarev Yu.V., Pushkareva E.A. Specifics of Information and Communication Developments in Education: Analysis of Value Changes Before and After 2020 (A Critical Review). *Science for Education Today*. 2021;11(6):96–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2106.06>
4. Liyanagunawardena T.R., Adams A.A., Williams S.A. MOOCs: A Systematic Study of the Published Literature 2008–2012. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2013;14(3):202–227. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v14i3.1455>
5. Alhazzani N. MOOC's Impact on Higher Education. *Social Science & Humanities Open*. 2020;2(1):100030. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100030>
6. Pushkarev Yu.V., Pushkareva E.A. Virtualization of Social Communication in Education: Values-Based Approach to Information Development (A Critical Review). *Science for Education Today*. 2020;10(2):73–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2002.05>
7. Ashilova M.S., Begalinov A.S., Begalinova K.K. About the Impact of Digitalization of Society on Education in Kazakhstan. *Science for Education Today*. 2019;9(6):40–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1906.03>
8. Pushkarev Yu.V., Pushkareva E.A. Reflexive Principles of Personal Development in the Changing Information Content. *Science for Education Today*. 2019;9(2):52–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1902.04>
9. Pavlikova M., Sirotkin A., Kralik R., Petrikovicova L., Garcia M.J. How to Keep University Active During COVID-19 Pandemic: Experience from Slovakia. *Sustainability*. 2021;13(18):10350. <https://doi.org/10.3390/su131810350>
10. Ashilova M.S., Begalinov A.S., Begalinova K.K. The Collapse of Neoliberal Concept of Education in the COVID-19 Era and the Prospects for Post-COVID Education. *Science for Education Today*. 2022;12(1):30–54. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2201.02>
11. Chernykh S.I., Allaham Y.S., Parshikov V.I. Education as a Destructor of Social Order. *Science for Education Today*. 2021;11(2):81–101. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2102.04>
12. Latuha O.A. Assessing the Sustainability Development of an Organization. *Science for Education Today*. 2021;11(6):142–159. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2106.08>
13. Trofimov V.M. On the Nature of the Sustainability of the Process in Time. *Science for Education Today*. 2021;11(5):27–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2105.02>
14. Tkacová H., Pavlikova M., Jenisová Z., Maturkanič P., Kralik R. Social Media and Students' Wellbeing: An Empirical Analysis During the COVID-19 Pandemic. *Sustainability*. 2021;13(18):10442. <https://doi.org/10.3390/su131810442>
15. Kostina L.M., Kalabina I.A., Nikolaeva E.I., Dunaevskaya E.B. Problems of Emergency Distance Learning: The Point of View of Education Stakeholders. *Science for Education Today*. 2023;13(3):7–27. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2303.01>
16. Toktarova V.I., Rebko O.V., Semenova D.A. Comparative Analysis of Models of Educators' Digital Competencies in the Context of Digital Transformation of Education. *Science for Education Today*. 2023;13(5):79–104. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2305.04>
17. Petrovic F., Murgas F., Kralik R. Happiness in Czechia during the COVID-19 Pandemic. *Sustainability*. 2021;13(19):10826. <https://doi.org/10.3390/su131910826>
18. Gonashvili A.S., Lanina E.E., Spirina M.Y. Establishing Scientific Educational Space within the University: Factors Contributing to Successful Eurasian Integration. *Science for Education Today*. 2023;13(5):179–194. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2305.09>
19. Ashilova M.S., Begalinov A.S., Pushkarev Yu.V., Begalinova K.K., Pushkareva E.A. Values in Foundation of Modern Globalizing Society: Change Study. *Science for Education Today*. 2023;13(2):99–121. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2302.05>
20. Emikh N.A., Fomina M.N. Specifics of the New Paradigm of Higher Education in the Context of its Digitalization. *Science for Education Today*. 2023;13(4):100–121. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2304.05>

21. Ivanchenko I.S. Assessing the Prospects for Using Artificial Intelligence in Higher Education System. *Science for Education Today*. 2023;13(4):170–194. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2304.08>
22. Zheng B., Tong D., Li M., Liu F., Hong C., Geng G., et al. Trends in China's Anthropogenic Emissions Since 2010 as the Consequence of Clean air Actions. *Atmospheric Chemistry and Physics*. 2018;18(19):14095–14111. <https://doi.org/10.5194/acp-18-14095-2018>
23. Ng A., Widom J. Origins of the Modern MOOC (xMOOC). MOOCs: Expectations and Reality: Full Report, Center for Benefit-Cost Studies of Education, Teachers College, Columbia University. New York; 2014. Available at: <https://ai.stanford.edu/~ang/papers/mooc14-OriginsOfModernMOOC.pdf> (accessed 28.06.2023).
24. Despujol I., Castañeda L., Marín V. I., Turró C. What Do We Want to Know About MOOCs? Results from a Machine Learning Approach to a Systematic Literature Mapping Review. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2022;19:53. <https://doi.org/10.1186/s41239-022-00359-1>
25. Rodriguez C.O. MOOCs and the AI-Stanford Like Courses: Two Successful and Distinct Course Formats for Massive Open Online Courses. *European Journal of Open, Distance and E-Learning*. 2012;2012(1). Available at: <https://www.learntechlib.org/p/73828/> (accessed 28.06.2023).
26. Smriti A., Kumar R. A SWOT Analysis of MOOC on Management Education Teaching. *International Journal of Creative Research Thoughts*. 2021;9(2):5024–5030. Available at: <https://www.ijcrt.org/papers/IJCRT2102605.pdf> (accessed 28.06.2023).
27. Jewitt K. The MOOC Revolution – Massive Open Online Courses: The Answer to Problems Facing Education or an Experiment that Could Destroy Centuries of Tradition. *Compass: Journal of Learning and Teaching*. 2017;10(1). <https://doi.org/10.21100/compass.v10i1.371>
28. Aljarrah A.A., Ababneh M.A.-K., Cavus N. The Role of Massive Open Online Courses during the COVID-19 Era. *New Trends and Issues Proceedings on Humanities and Social Sciences*. 2020;7(3):142–152. <https://doi.org/10.18844/prosoc.v7i3.5244>
29. Despujol I., Castañeda L., Turró C. MOOCs as a Massive Learning Resource for a Higher Education Community. The Universitat Politècnica de València Experience Using the EdX Remote Access Program. *Education and Information Technologies*. 2022;27(9):12999–13020. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-11140-2>
30. Dillahun T.R., Wang B.Z., Teasley S. Democratizing Higher Education: Exploring MOOC Use Among Those Who Cannot Afford a Formal Education. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2014;15(5). <https://doi.org/10.19173/irrodl.v15i5.1841>
31. Ho A.D., Reich J., Nesterko S.O., Seaton D.T., Mullaney T., Waldo J., et al. HarvardX and MITx: The First Year of Open Online Courses, Fall 2012-Summer 2013. HarvardX and MITx Working Paper No. 1. 2014. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2381263>
32. Conway M. Contested Ideas and Possible Futures for the University. *On the Horizon*. 2019;28(1):22–32. <https://doi.org/10.1108/oth-10-2019-0070>
33. Perkin H. History of Universities. In: Forest J., Altbach P., editors. *The International Handbook of Higher Education*. Dordrecht: Springer; 2007. p. 159–205. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-4012-2_10
34. Magomedov K.M. Knowledge and Information in Various Cognitive and Communication Strategies. *Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*. 2019;34(1):39–47. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-1-39-47>
35. Li Y. The Impact of Massive Open Online Courses Globalization on the Educational Equity. In: 2021 2nd International Conference on Education, Knowledge and Information Management (ICEKIM). 2021. p. 248–251. <https://doi.org/10.1109/icekim52309.2021.00061>
36. Pollack Ichou R. Can MOOCs Reduce Global Inequality in Education? *Australasian Marketing Journal*. 2018;26(2):116–120. <https://doi.org/10.1016/j.ausmj.2018.05.007>

Submitted 16.11.2023; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 01.02.2024.

About the authors:

Madina S. Ashilova, Cand.Sci. (Philos.), Ph.D, Associate Professor, Chair of International Communications, Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages (200 Muratbayev St., Almaty 050001, Republic of Kazakhstan), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7634-7727>, madina.almatytv@mail.ru

Alibek S. Begalinov, Cand.Sci. (Philos.), Ph.D, Associate Professor, Chair of Media Communications and History of Kazakhstan, International University of Information Technologies (34/1 Manas St., Almaty 050001, Republic of Kazakhstan), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7439-221X>, alibek557@inbox.ru

Yury V. Pushkarev, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Chair of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk 630126, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5919-7221>, pushkarev73@mail.ru

Irina Yu. Pushkareva, Master's Student, Institute of Arts, Institute of Continuing Education, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk 630126, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6344-1694>, irina.phr@mail.ru

Kalimash K. Begalinova, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Chair of Religious Studies and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Ave., Almaty 050001, Republic of Kazakhstan), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5575-5142>, kalima910@mail.ru

Elena A. Pushkareva, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Chair of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk 630126, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1857-6783>, pushkarev73@mail.ru

Contribution of the authors:

M. S. Ashilova – collection of materials and initiation of research; definition of research methodology; literary review.

A. S. Begalinov – collection of materials; preparation of the initial version of the text.

Yu. V. Pushkarev – structuring and analysis of research data.

I. Yu. Pushkareva – structuring and analysis of research data.

K. K. Begalinova – the collection of materials; formulation of a scientific problem research and definition of the main directions of its decision.

E. A. Pushkareva – organization of the study; interpretation of the research results.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gutenberg and the MOOC / S. Urooj [et al.] // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2022. Vol. 17, no. 12. Pp. 93–105. <https://doi.org/10.3991/ijet.v17i12.31357>

2. Бегалинов А. С., Ашилова М. С., Бегалинова К. К. Об образе высшего образования в постковидную эпоху: формирование и развитие мышления нового порядка // Science for Education Today. 2021. Т. 11, № 1. С. 110–123. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2101.07>

3. Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. Специфика информационного и коммуникационного развития образования: аналитика ценностных изменений до и после 2020 (критический обзор) // Science for Education Today. 2021. Т. 11, № 6. С. 96–119. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2106.06>

4. Liyanagunawardena T. R., Adams A. A., Williams S. A. MOOCs: A Systematic Study of the Published Literature 2008–2012 // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2013. Vol. 14, issue 3. Pp. 202–227. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v14i3.1455>

5. Alhazzani N. MOOC's Impact on Higher Education // Social Science & Humanities Open. 2020. Vol. 2, issue 1. Article no. 100030. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100030>

6. Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. Виртуализация социальной коммуникации в образовании: ценностные основания информационного развития (обзор) // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 2. С. 73–90. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2002.05>

7. Ашилова М. С., Бегалинов А. С., Бегалинова К. К. О влиянии цифровизации общества на казахстанское образование // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 6. С. 40–51. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1906.03>

8. Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. Рефлексивные принципы развития личности в условиях изменяющегося информационного содержания // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 2. С. 52–66. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1902.04>

9. How to Keep University Active During COVID-19 Pandemic: Experience from Slovakia / M. Pavlikova [et al.] // Sustainability. 2021. Vol. 13, issue 18. Article no. 10350. <https://doi.org/10.3390/su131810350>

10. Ашилова М. С., Бегалинов А. С., Бегалинова К. К. Смена неолиберальной концепции образования в эпоху COVID-19 и перспективы постковидного образования // Science for Education Today. 2022. Т. 12, № 1. С. 30–54. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2201.02>

11. Черных С. И., Аллахам Я. С., Паршиков В. И. Образование как деструктор социального порядка // *Science for Education Today*. 2021. Т. 11, № 2. С. 81–101. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2102.04>
12. Латуха О. А. Оценка потенциала устойчивости развития организации // *Science for Education Today*. 2021. Т. 11, № 6. С. 142–159. <http://doi.org/10.15293/2658-6762.2106.08>
13. Трофимов В. М. О природе устойчивости процесса во времени // *Science for Education Today*. 2021. Т. 11, № 5. С. 27–42. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2105.02>
14. Social Media and Students' Wellbeing: An Empirical Analysis During the Covid-19 Pandemic / Н. Tkáčová [et al.] // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, issue 18. Article no. 10442. <https://doi.org/10.3390/su131810442>
15. Проблемы вынужденного перехода к дистанционному обучению: оценка качества образовательного процесса разными его участниками / Л. М. Костина [и др.] // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 3. С. 7–27. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2303.01>
16. Токтарова В. И., Ребко О. В., Семенова Д. А. Сравнительно-сопоставительный анализ моделей цифровых компетенций педагогов в условиях цифровой трансформации образования // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 5. С. 79–104. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2305.04>
17. Petrovic F., Murgas F., Kralik R. Happiness in Czechia During the COVID-19 Pandemic // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, issue 19. Article no. 10826. <https://doi.org/10.3390/su131910826>
18. Гонашвили А. С., Ланина Е. Е., Спирина М. Ю. Формирование научно-образовательного пространства университета: факторы успешной евразийской интеграции // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 5. С. 179–194. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2305.09>
19. Ценности в основании современного глобализирующегося общества: исследование трансформаций / М. С. Ашилова [и др.] // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 2. С. 99–121. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2302.05>
20. Эмих Н. А., Фомина М. Н. Специфика новой парадигмы высшего образования в условиях его цифровизации // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 4. С. 100–121. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2304.05>
21. Иванченко И. С. Оценка перспектив применения искусственного интеллекта в системе высшего образования // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 4. С. 170–194. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2304.08>
22. Trends in China's Anthropogenic Emissions Since 2010 as the Consequence of Clean air Actions / B. Zheng [et al.] // *Atmospheric Chemistry and Physics*. 2018. Vol. 18, issue 19. Pp. 14095–14111. <https://doi.org/10.5194/acp-18-14095-2018>
23. Ng A., Widom J. Origins of the Modern MOOC (xMOOC). MOOCs: Expectations and Reality: Full Report, Center for Benefit-Cost Studies of Education, Teachers College, Columbia University. New York, 2014. URL: <https://ai.stanford.edu/~ang/papers/mooc14-OriginsOfModernMOOC.pdf> (дата обращения: 28.06.2023).
24. What do we want to know about MOOCs? Results from a Machine Learning Approach to a Systematic Literature Mapping Review / I. Despujol [et al.] // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2022. Vol. 19. Article no. 53. <https://doi.org/10.1186/s41239-022-00359-1>
25. Rodriguez C. O. MOOCs and the AI-Stanford Like Courses: Two Successful and Distinct Course Formats for Massive Open Online Courses // *European Journal of Open, Distance and E-Learning*. 2012. Vol. 2012, no. 1. URL: <https://www.learntechlib.org/p/73828/> (дата обращения: 28.06.2023).
26. Smriti A., Kumar R. A SWOT Analysis of MOOC on Management Education Teaching // *International Journal of Creative Research Thoughts*. 2021. Vol. 9, issue 2. Pp. 5024–5030. URL: <https://www.ijcrt.org/papers/IJCRT2102605.pdf> (дата обращения: 28.06.2023).
27. Jewitt K. The MOOC Revolution – Massive Open Online Courses: The Answer to Problems Facing Education or an Experiment that Could Destroy Centuries of Tradition // *Compass: Journal of Learning and Teaching*. 2017. Vol. 10, issue 1. <https://doi.org/10.21100/compass.v10i1.371>
28. Aljarrah A. A., Ababneh M. A.-K., Cavus N. The Role of Massive Open Online Courses During the COVID-19 Era // *New Trends and Issues Proceedings on Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 7, no. 3. Pp. 142–152. <https://doi.org/10.18844/prosoc.v7i3.5244>
29. Despujol I., Castañeda L., Turró C. MOOCs as a Massive Learning Resource for a Higher Education Community. The Universitat Politècnica de València experience using the EdX Remote Access Program // *Education and Information Technologies*. 2022. Vol. 27, issue 9. Pp. 12999–13020. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-11140-2>
30. Dillahun T. R., Wang B. Z., Teasley S. Democratizing Higher Education: Exploring MOOC use among those who cannot afford a Formal Education // *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2014. Vol. 15, issue 5. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v15i5.1841>

31. HarvardX and MITx: The First Year of Open Online Courses, Fall 2012-Summer 2013 / A. D. Ho [et al.]. HarvardX and MITx Working Paper No. 1. 2014. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2381263>
32. Conway M. Contested Ideas and Possible Futures for the University // On the Horizon. 2019. Vol. 28, issue 1. Pp. 22–32. <https://doi.org/10.1108/oth-10-2019-0070>
33. Perkin H. History of Universities // The International Handbook of Higher Education / eds by J. Forest, P. Altbach. Dordrecht : Springer, 2007. Pp. 159–205. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-4012-2_10
34. Магомедов К. М. Знание и информация в различных познавательных и коммуникационных стратегиях // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т. 34, вып. 1. С. 39–47. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-1-39-47>
35. Li Y. The Impact of Massive Open Online Courses Globalization on the Educational Equity // 2021 2nd International Conference on Education, Knowledge and Information Management (ICEKIM). 2021. Pp. 248–251. <https://doi.org/10.1109/icekim52309.2021.00061>
36. Pollack Ichou R. Can MOOCs Reduce Global Inequality in Education? // Australasian Marketing Journal. 2018. Vol. 26, issue 2. Pp. 116–120. <https://doi.org/10.1016/j.ausmj.2018.05.007>

Поступила 16.11.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

Об авторах:

Ашилова Мадина Серикбековна, кандидат философских наук, доктор философии, ассоциированный профессор кафедры международных коммуникаций Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай Хана (050001, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Муратбаева, д. 200), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7634-7727>, madina.almatytv@mail.ru

Бегалинов Алибек Серикбекович, кандидат философских наук, доктор философии, ассоциированный профессор кафедры медиакоммуникаций и истории Казахстана Международного университета информационных технологий (050001, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Манаса, д. 34/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7439-221X>, alibek557@inbox.ru

Пушкарев Юрий Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета (630126, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5919-7221>, pushkarev73@mail.ru

Пушкарева Ирина Юрьевна, магистрант Института непрерывного образования, старший лаборант Института искусств Новосибирского государственного педагогического университета (630126, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6344-1694>, irina.phr@mail.ru

Бегалинова Калимаш Капсамаровна, доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета им. Аль-Фараби (050001, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5575-5142>, kalima910@mail.ru

Пушкарева Елена Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета (630126, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1857-6783>, pushkarev73@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М. С. Ашилова – сбор материалов и инициация исследования; определение методологии исследования; литературный обзор.

А. С. Бегалинов – сбор материалов; подготовка начального варианта текста.

Ю. В. Пушкарев – структурирование и анализ данных исследования.

И. Ю. Пушкарева – структурирование и анализ данных исследования.

К. К. Бегалинова – сбор материалов; постановка научной проблемы исследования и определение основных направлений ее решения.

Е. А. Пушкарева – организация исследования; интерпретация и обобщение результатов исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

УДК 316.356.2-057.87(470+571)

doi: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.163-181

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Трансформации института семьи в восприятии студенческой молодежи Юга России

П. Я. Циткилов

*Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
petrcitkilov@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Семья, будучи одним из важнейших и основополагающих социальных институтов, подвержена значимым изменениям, которые происходят в обществе, в его социальной организации. Однако направленность семейных трансформаций не сразу становится очевидной, что актуализирует их научное осмысление на основе социологических замеров. Цель исследования – выявить отношение студенческой молодежи Юга России к характеру трансформаций, происходящих в современном институте семьи и на их основе сформулировать обобщающие выводы и рекомендации.

Материалы и методы. Объектом изучения стала студенческая молодежь Юга России. Эмпирическую основу исследования составили результаты опроса студентов очного отделения 13 вузов и вузовских филиалов Юга России (Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев) по репрезентативной выборке ($n = 639$). Метод анкетного опроса позволил выявить некоторые установки и устремления студентов относительно институционального состояния семьи. Концептуальной основой исследования стал конструктивистский подход, рассматривающий важнейшие теоретические смыслы и траектории процесса семейной трансформации (кризисную и модернистскую) как социальные конструкты, влияющие на восприятие студенческой молодежью направленности развития института семьи.

Результаты исследования. Проведенный анализ показал раздвоенность в позиции студенческой молодежи Юга России в определении приоритетных траекторий развития института семьи. Об этом свидетельствует студенческое восприятие кризисного и модернистского конструктов трансформации семьи через анализ их основных индикаторов. Обнаружено некоторое преобладание в студенческой среде негативных оценок влияния индивидуалистских ценностных настроек на институциональную устойчивость семьи.

Обсуждение и заключение. На примере южного региона России подтвердился вывод о том, что мировоззренческое, социально-экономическое и информационно-когнитивное состояние общества влияет на приоритет восприятия различных траекторий институциональной трансформации семьи (кризисной и модернистской). Отношение студенческой молодежи к смысловым индикаторам их восприятия является неоднозначным. В значительной мере это связано с неоднородностью ценностных ориентаций в нашем обществе. Полученные результаты могут быть полезны исследователям, изучающим данную проблематику, а также практикам, формирующим и осуществляющим молодежную политику.

Ключевые слова: трансформация института семьи, индикаторы трансформации, кризисный и модернистский конструкты, специфика восприятия конструктов студенчеством Юга России

© Циткилов П. Я., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Циткилов П. Я. Трансформации института семьи в восприятии студенческой молодежи Юга России // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 1. С. 163–181. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.163-181>

Original article

Transformations of the Family Institution in the Perception of Student Youth in the South of Russia

P. Ya. Tsitkilov

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)
petrcitkilov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The family, being one of the most important social institutions, is subject to significant changes that occur in society and in its social organization. However, the direction of family transformations does not immediately become obvious, which actualizes their scientific understanding on the basis of sociological measurements. The purpose of the article is to identify the attitude of student youth in the South of Russia to the nature of the transformations taking place in the modern institution of the family and, on their basis, to formulate generalizing conclusions and recommendations. The importance of such research is determined by the special role of the student social group in ensuring the sustainability of society and in shaping its future appearance.

Materials and Methods. The object of the study was student youth of the South of Russia. The empirical basis of the study was the results of a survey of full-time students at 13 universities and university branches in the South of Russia (Rostov Region, Krasnodar and Stavropol Territories) based on a representative sample ($n = 639$). The questionnaire survey method made it possible to identify some of the students' attitudes and aspirations regarding the institutional state of the family. The conceptual basis of the study was the constructivist approach, which considers the most important theoretical meanings and trajectories of the process of family transformation (crisis and modernist) as social constructs that influence students' perception of the direction of development of the family institution.

Results. Analysis of the collected empirical material shows a certain duality in the position of student youth in the South of Russia in determining priority trajectories for the development of the family institution. This is evidenced by students' perception of the crisis and modernist constructs of family transformation through the analysis of their main indicators (the state of attractiveness of a family-child lifestyle; attitude to the dominance of having few children and having one child; perception of childfreeness; attitude to divorce and cohabitation, etc.). The survey also revealed a certain predominance among students of negative assessments of the influence of individualistic value sentiments on the institutional stability of the family.

Discussion and Conclusion. Using the example of the southern region of Russia, the conclusion was confirmed that the worldview, socio-economic and information-cognitive state of society influences the priority of perception of various trajectories of transformation of the family institution (crisis and modernization). The attitude of students to semantic indicators of their perception is ambiguous. This is largely due to the heterogeneity of value orientations in our society. The practical significance of the study lies in the fact that it made it possible to identify the opinion of student youth about their attitude to the current state of the family institution and the prospects for its development. The results obtained may be useful to scientists studying this issue, as well as practitioners forming and implementing youth policy.

Keywords: transformation of the family institution, transformation indicators, crisis and modernist constructs, specifics of perception of constructs by students in the South of Russia

Conflict of interests. The author declares no conflict of interest.

For citation: Tsitkilov P.Ya. Transformations of the Family Institution in the Perception of Student Youth in the South of Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):163–181. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.163-181>

Введение. Семья, являясь одним из важнейших социальных институтов, не только зависима от процессов, происходящих в обществе, в его социальной организации, но и влияет на них. Такое взаимодействие, а также ценностно-мировоззренческий фактор, доминирующий в различных социальных слоях и группах, включая студенческую молодежь, во многом определяют направленность семейной трансформации в современных условиях.

Актуальность исследования определялась на основе трех важных факторов. Во-первых, современной молодежи вскоре предстоит решать вопросы создания семьи и обеспечения реализации ее репродуктивной функции. От того, какую семейную траекторию и соответствующую ей модель поведения выберут студенты, во многом будет зависеть институциональная устойчивость семьи в ближайшую перспективу. Во-вторых, актуализирует исследование и нынешнее тревожное демографическое состояние страны. В-третьих, проведенный нами опрос имеет значение в связи с необходимостью популяризации студенческой семьи.

Новизна исследования заключается в осмыслении проблемы семейных траекторий через их понимание студенческой молодежью южно-российского региона. Объектом исследования стала студенческая молодежь Юга России, а предметом – специфика восприятия ею процессов трансформации института семьи.

Цель исследования – выявить отношение студенческой молодежи Юга России к характеру трансформаций, происходящих в современном институте семьи, и на их основе сформулировать обобщающие выводы и рекомендации. Важность такого исследования определяется особой ролью социальной группы студенчества в обеспечении устойчивости общества и становления его будущего облика. Выбор целевой группы объясняется необходимостью формирования в сознании молодежи потребности в укреплении института семьи, ее естества как фактора устойчивости общественного развития.

Обзор литературы. Научный анализ семейных траекторий во многом связан с осмыслением в социологической литературе основных концепций семейной трансформации. Представители научной школы модернизационной парадигмы (семейной пластичности) свою теоретическую концепцию соотносят со вторым демографическим переходом, приводящим к падению рождаемости ниже уровня простого воспроизводства. Они полагают, что этот процесс объективно обусловлен переходом в постиндустриальную эпоху, когда в браке начинают преобладать не семейно-коллективные, а личностные, индивидуалистские интересы. Следствием этого становятся: рост сожительства и внебрачных рождений; увеличение среднего возраста заключения брака и рождения первого ребенка; доминирование однодетных семей; распространение альтернативных браков, включая однополые и др.

Один из лидеров отечественного направления этой школы профессор А. Г. Вишнеvский полагал, что низкий уровень рождаемости, недостаточный для воспроизводства населения и ставший характерным для многих стран мира, включая Россию, является «в глобальном отношении благом» [1, с. 58]. Известный социолог проблем семьи Т. А. Гурко утверждает, что «ежегодное повышение возраста вступления в брак и возраста рождения первого ребенка

неизбежны в условиях постиндустриальных обществ»¹; по мнению ученого, такая ситуация может иметь даже положительные последствия, «приводя к зрелому, планируемому родительству».

По мнению С. В. Захарова, широкое распространение разводов – естественное и даже нормальное явление, так как после развода люди, как правило, не остаются одинокими, а вступают либо в повторный брак, либо сожительствуют в «партнерском союзе». Он полагал, что между официальным браком и сожительством нет принципиального различия². Такие суждения формировали определенный оценочный конструкт представлений о направленности институциональной трансформации семьи.

Голландский демограф Д. Ван де Каа утверждал, что в семье определяющий характер приобретают сугубо личные интересы: нормой становятся «различные сексуальные предпочтения», а «вступление во внебрачный союз, аборт, стерилизация или добровольная бездетность – дело самих индивидов [2, р. 425].

Американский социолог Э. Клиненберг, описывая преимущества жизни в условиях модернизации института семьи, указывал на «привлекательную жизнь в одиночестве» [3, р. 15–16]. Он утверждал, что многие люди, «живущие самостоятельно, имеют более богатую социальную жизнь, чем другие люди, включая тех, которые живут в семьях».

Сторонники парадигмы кризиса семьи в российской социологии (А. И. Антонов, А. Б. Синельников и др.) важными его проявлениями считают снижение рождаемости, ослабление института брака, определенное разобщение поколений и др. А. И. Антонов полагает, что «повышение рождаемости в рамках демографической политики до уровня простого воспроизводства и выше эффективно лишь за счет роста ценностных ориентаций на семью и детей – никакие манипуляции пособиями и с улучшением условий жизни сами по себе не ведут к принципиальному изменению ситуации»³.

А. Б. Синельников, полемизируя со сторонниками модернизационной траектории трансформации семьи, утверждал, что в реальной жизни разводы не компенсируются повторными союзами, а различия между законным браком и сожительством весьма существенны [4, с. 105–106]. По его мнению, негативно сказалось на демографической ситуации в стране и на институциональной устойчивости российской семьи существенное увеличение за последние 30 лет среднего возраста вступления в первый брак. За эти годы число первых браков и первых рождений уменьшилось в два раза [5, с. 43, 46].

В начале XXI в. американские ученые А. Карлсон и П. Метро констатировали наличие институционального кризиса семьи. В своем исследовании они

¹ Гурко Т. А. Диверсификации института семьи и репродуктивные установки в России // Горские миры России и Китая: модернизация и ее влияние : моногр. / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М. : Новый Хронограф, 2023. С. 271.

² Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. В. Малевой, О. В. Синявской. М. : НИСЦ, 2007. С. 115.

³ Антонов А. И. 80 лет со дня рождения Владимира Александровича Борисова [Электронный ресурс] // Демоскоп-Weekly. 2013. № 543–544. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0543/nauka05.php> (дата обращения: 13.10.2023).

отмечали, что «все больше молодых людей отвергают радость брака, выбирая дешевую подмену – жизнь вне брака» [6, р. 6–7].

О важном аспекте кризисных тенденций в развитии института семьи – «кризисе отцовства» – писали такие западные ученые, как Д. Бланкенхорн [7], Н. Таунсенд [8], С. Баскервиль [9] и др. Так, Д. Бланкенхорн называл безотцовщину «самой разрушительной тенденцией нашего поколения» [7, р. 1]. Американский социолог Д. Попеное утверждал, что из-за роста в обществе эгоцентристских настроений наблюдается «упадок семьи как социального института» [10, р. 3–17]. По его мнению, такая ситуация во многом определяется ценностным сдвигом в направлении от коллективизма к индивидуализму.

На ценностный и духовный факторы кризисных тенденций в институте семьи указывали Д. Зохар и И. Маршал [11]. Они полагали, что более значимой причиной распада института семьи, чем изменения экономического и социального характера, является духовный кризис в обществе.

К ослаблению устойчивости института семьи ведет и усиление карьерных устремлений многих современных женщин. По данным американских социологов, 66 % молодых женщин США в возрасте от 18 до 34 лет ставят в приоритет карьерный рост в своем списке жизненных предпочтений по сравнению с 59 % молодых мужчин⁴. Почти половина респондентов из числа опрошенных женщин Германии признавались, что работа для них важнее семьи⁵. При этом некоторые зарубежные исследователи признают, что женская экономическая независимость не является гарантией семейного благополучия [12], отводя особую роль «эмоциональному капиталу супружества».

Имеются исследования отечественных и зарубежных авторов проблем семьи применительно к молодежной аудитории. Так, Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, О. В. Сорокин на основе материалов всероссийского соцопроса (n = 803) определили, что ценность продолжения себя в будущих поколениях, реализуемая преимущественно в семье, не вошла в первую тройку смысложизненных ценностей современной молодежи, заняв четвертую по значимости позицию после «спокойной безбедной жизни», «проявления своей индивидуальности» и др. Судя по результатам опроса, ценностная установка на продолжение себя в будущих поколениях в большей мере оказалась значимой для мужчин (33,8 %), чем женщин (29,2 %) [13, с. 50]. Ю. Р. Вишневский и М. В. Ячменева, используя материалы мониторингового исследования, выявили особенности отношения студенческой молодежи к семейным ценностям и констатировали низкий уровень подготовки молодежи к семейной жизни [14, с. 136].

По данным всероссийского социологического исследования молодых людей в возрасте от 15 до 35 лет (n = 1 155), проведенного Н. А. Романович осенью 2020 г., у большинства респондентов не было детей (65 %), а среди лиц, заведших, что имеют их, преобладали ответы «один ребенок» (19 %) или «два ребенка» (14 %). Трех детей имели лишь 2 % опрошенных лиц [15, с. 99]. Это

⁴ Patten E., Parker K. A Gender Reversal on Career Aspirations [Электронный ресурс] // Pew Research Center : сайт. 2012. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2012/04/19/a-gender-reversal-on-career-aspirations/> (дата обращения: 13.10.2023).

⁵ Mehr Frauen ziehen die Karriere den Kindern vor [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/de-de/news-und-presse/uberblick> (дата обращения: 13.10.2023).

свидетельствует о низкой мотивации молодежи применительно к репродуктивной функции семьи.

В числе зарубежных социологов, исследовавших отношение молодежи к семье, следует назвать С. Л. Браун, В. Д. Мэннинг, Дж. Б. Стайкс. На основе материалов соцопроса ($n = 12\,994$) они пришли к выводу о важной роли в обеспечении благополучия молодых супругов структуры семьи и проблем во взаимоотношениях ее членов [16, с. 178]. К. Эрикссон с соавторами, используя метод контент-анализа, проанализировали практику отложенного родительства в молодых семьях. По их мнению, это стало «следствием современного образа жизни со многими конкурирующими приоритетами» [17, с. 123]. Данное обстоятельство характерно и для современной России.

Изучение литературы по рассматриваемой проблеме свидетельствует о важном вкладе в ее разработку, которую внесли ряд российских и зарубежных авторов. Однако пока недостаточно работ, в которых анализируется региональная специфика студенческого восприятия основных конструктов (кризисного, модернистского) и различных индикаторов процесса трансформации современного института семьи. Анализу именно этого аспекта проблемы на примере изучения мнения студенческой молодежи Юга России (Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев) посвящено данное исследование.

Нормативно-правовые основы исследования. Государственная семейная политика, влияющая на институциональную устойчивость семьи, регулируется Конституцией Российской Федерации, Семейным кодексом Российской Федерации, законодательными и правительственными нормативными актами, соответствующими национальными проектами. С целью сохранения гендерного естества супружества с 2020 г. «защита института брака как союза мужчины и женщины» стала конституционной нормой (ст. 72)⁶. В связи с этим некоторые изменения внесены в Семейный кодекс: в ст. 16 было включено положение о том, что брак прекращается вследствие «внесения изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов»; в ст. 127 и 146 было добавлено, что усыновителями и опекунами (попечителями) детей не могут быть лица, изменившие пол⁷.

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации в 2014 г., направлена на обеспечение поддержки института семьи. Она была взаимоувязана с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., с Национальной стратегией действий в интересах детей, с национальным проектом «Здоровье» и др. Благодаря реализации концепции предполагалось укрепить престиж брака и семейного образа жизни, обеспечить положительную динамику демографических показателей, включая

⁶ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter3> (дата обращения: 01.12.2023).

⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26 окт. 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=lpq7chnjpa81815744 (дата обращения: 02.12.2023).

дальнейшее снижение числа аборт, уменьшение числа разводов⁸ и др. Удалось достичь определенных успехов: расширения выплат пособий семьям с детьми, введение семейной ипотеки, увеличения количества многодетных семей и пр. Однако позитивная динамика в демографии вскоре сменилась высоким уровнем депопуляции. Количество разводов по отношению к числу браков в России не только не уменьшилось, а возросло с 54,5 % в 2013 г.⁹ до 68,0 % в 2022 г.¹⁰ Также за последние годы не наблюдается существенного уменьшения числа аборт: их количество в 2020–2022 гг. остается на уровне более 500 тыс. в год. При этом ряд экспертов, включая владельцев крупных частных клиник, утверждают, что реальное число аборт превышает данные официальной статистики примерно в два раза¹¹. Такие неоднозначные результаты реализации Концепции семейной политики в некоторой мере сказались и на студенческом восприятии процессов трансформации института семьи.

Материалы и методы. Исследовательской группой Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета под руководством профессора П. Я. Циткилова в ноябре 2020 – феврале 2021 гг. был проведен социологический опрос студенческой молодежи Юга России, обучающейся в 13 вузах и вузовских филиалах Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев. В их числе: Южный федеральный университет, Донской государственный технический университет, Ростовский государственный экономический университет, Ростовский филиал Всероссийского государственного университета юстиции, Кубанский государственный аграрный университет, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт – филиал Донского государственного аграрного университета, Таганрогский института управления и экономики, Ростовский филиал Российской государственного университета правосудия, Ростовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Кубанский государственный университет, Ставропольский государственный педагогический институт, Ставропольский государственный аграрный университет, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма.

Для теоретического обоснования исследования использовались концепции изучения семьи А. И. Антонова, В. В. Солодников, методики определения жизненных ценностей М. Рокича, В. А. Ядова, В. Т. Лисовского. Объектом изучения стала студенческая молодежь Юга России, а предметом – специфика

⁸ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 25 авг. 2014 г. № 1618-р URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 03.12.2023).

⁹ Статистика по количеству браков и разводов на территории России. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Общероссийский информационный ресурс. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 13.10.2023).

¹⁰ Статистика разводов в России 2022–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://novomoscow.ru/info/statistika-razvodov-v-rossii-prichiny-prodolzhitelnost-braka/?ysclid=lmw000e5zd845431484> (дата обращения: 13.10.2023).

¹¹ Частные клиники выполнили в 2022 году пятую часть от всех аборт, подсчитал Росстат [Электронный ресурс] // Ведомости : сайт. 2023. 26 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/07/26/986928-chastnie-kliniki-vipolnili-v-2022-godu-pyatuyu-chast-ot-vseh-abortov?ysclid=low53wimlz699274103> (дата обращения: 13.10.2023).

восприятия ею процессов трансформации института семьи. Задачами исследования стали: рассмотрение научного дискурса на основе изучения отечественной и зарубежной литературы по проблеме; разработка программы опроса, его проведение и осуществление анализа эмпирических материалов; изучение отношения студенческой молодежи к основным трансформациям института семьи через их проявления в виде определенных индикаторов; выявление мнения студентов о ценностном факторе семейных траекторий. Концептуальную основу исследования составил конструктивистский подход, рассматривающий теоретические смыслы и семейные трансформации как социальные конструкты, влияющие на восприятие студенческой молодежью процесса институциональной эволюции семьи.

Основным методом исследования стал анкетный опрос. Опросник включал в себя 90 вопросов, прошел апробацию, с учетом которой был отредактирован. В инструкцию по заполнению анкеты были включены и разъяснения по поводу отдельных слов и фраз, содержащихся в анкете. В частности, в ней указывалось, что «традиционные смыслы супружества – это сохранение его естества, передаваемого от прежних поколений и определяемого нормами религиозной культуры». Также в инструкции пояснялось, что гендерная установка о социальных полах – это предоставление права выбирать свою половую принадлежность, что является альтернативой сохранения традиционных гендерных ролей мужчин и женщин.

Способами анкетного опроса были раздаточный опрос в местах проживания и онлайн-опрос студентов на сайтах в интернете. На первый способ приходилось 97,7 % опросов, на второй – 2,3 %.

Репрезентативность выборки по отношению к целевой группе определялась, во-первых, количеством респондентов. Генеральная совокупность составляла 155 тыс. студентов, обучающихся на очных отделениях вузов и вузовских филиалов Ростовской области, Ставропольского, Краснодарского краев. Выборочная совокупность составила 639 чел. Отклонение результатов от тех, которые могли быть получены при опросе генеральной совокупности, не превысило в целом по выборке 3,9 %.

Во-вторых, репрезентативность обеспечивалась обоснованием выбора ее вида. Им стала комплексная – серийно-гнездовая и квотная – выборка, когда выборочная совокупность распределялась на определенные серии (по курсам обучения со сплошным опросом респондентов по гнездам в виде студенческих групп, комнат в общежитиях и т. п., а также с выделением квот по признаку половой принадлежности). Из общего количества опрошенных студентов 48 % были респонденты мужского пола, 52 % – женского пола, что позволило избежать селективного предубеждения при проведении исследования.

Исходная гипотеза: семейные траектории (модернизационная и кризисная) через их индикативные проявления отражают мировоззренческое, социально-экономическое и информационно-когнитивное состояние общества. Определенный его спектр выражают различные социальные слои и группы, включая студенческую молодежь.

Основные семейные траектории, будучи важнейшими векторами трансформации института семьи, в смысловом отношении разнятся в зависимости от ценностного, мировоззренческого фактора. Это проявляется в позициях разных

научных школ. В качестве *индикаторов основных семейных траекторий* могут рассматриваться частные траектории эволюции семьи, связанные с ее образованием и развитием (заключение брака или внебрачное сожитие; рождение ребенка или осознанный отказ его заводить; намерение создать большую семью или родить только одного ребенка; воспринимать смену пола как норму или как исключительную меру, деструкцию и др.).

Результаты исследования. Для выявления предпочтений студенческой молодежи о характере траекторий развития института семьи были определены основные индикаторы, выражающие сущностные стороны парадигм семейной трансформации (модернизационной и кризисной). К числу таких индикаторов были отнесены следующие: состояние привлекательности семейно-детного образа жизни; восприятие индивидуалистских и традиционных смыслов супружества; отношение к преобладанию малодетности и преимущественно однодетности; оценки высокого уровня разводимости и увеличения внебрачного сожития; восприятие осознанной бездетности (практики чайлдфри); особенности восприятия гендерной установки о «социальных полах»; отношение к пониманию различных смысловых оценок трансформации института семьи.

О наличии неблагополучия в институте семьи свидетельствовали ответы респондентов о *семейно-детном состоянии*. На вопрос анкеты «Наблюдается ли в Российской Федерации снижение привлекательности семейно-детного образа жизни?» большинство (55,6 % от общего числа респондентов) ответило «да». Почти в два раза меньше опрошенных студентов (27,0 %) высказались отрицательно, а 17,4 % затруднились с ответом. В таблице 1 эти данные приведены с учетом гендерного своеобразия позиции респондентов.

Т а б л и ц а 1. Студенческое восприятие состояния привлекательности семейно-детного образа жизни в России, %

Table 1. Student perception of attractiveness of the family-child lifestyle in Russia, %

Вариант ответа / Possible answers	Мужчины / Male	Женщины / Female	Все респонденты / All respondents
Да (наблюдается снижение привлекательности семейно-детного образа жизни) / Yes (there is a decrease in the attractiveness of a family-child lifestyle)	54,0	57,2	55,6
Нет (не наблюдается снижение привлекательности семейно-детного образа жизни) / No (there is no decrease in the attractiveness of a family-child lifestyle)	23,1	31,0	27,0
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	22,9	11,8	17,4

Эмпирический материал свидетельствует, что почти в 2 раза больше респондентов женского и мужского полов констатировали снижение привлекательности семейно-детного образа жизни по сравнению с теми, кто с этим не соглашался. Гендерная разница в их восприятии была существенной лишь в третьем варианте ответа. По сравнению с мужчинами, почти в два раза меньшее количество студентов выбрали позицию «затрудняюсь ответить». Во многом это связано с тем, что вопросы детности физиологически ближе им и не вызывают у абсолютного большинства неопределенности в позиции.

Значительная часть современного российского студенчества, судя по результатам нашего исследования, понимает, что закрепление в общественном сознании *индивидуалистских ценностных установок* ведет к снижению привлекательности семейно-детного образа жизни (так полагают 45,7 % респондентов). Гендерные различия этой позиции были незначительны: 46,5 % – ответы респондентов-мужчин, 44,9 % – ответы респондентов-женщин.

Осознание негативного влияния на институт семьи индивидуалистских устремлений и потребительских настроений было свойственно половине (50,7 %) респондентов от общего их числа. Другая же их часть не соглашалась с такой оценкой, из них 30,7 % респондентов однозначно выбрали вариант «нет», а 18,6 % опрошенных студентов затруднялись с ответом.

У респондентов-мужчин негативное воздействие индивидуалистских устремлений и потребительских настроений на институт семьи признавали около 50 %, а у респондентов-девушек – 52 %. Следовательно, гендерные различия ответов по этому вопросу были незначительными. Однако в целом, независимо от половой принадлежности, мнение опрошенных студентов разделилось примерно на две равные части. Один полюс мнений представляли ответы ребят и девушек, утверждавших, что индивидуалистские устремления и потребительские настроения негативно воздействуют на институт семьи, другой полюс – респонденты, которые не соглашались с такой позицией. Данный результат вполне коррелирует с суждением М. А. Клупта о «значительной неоднородности ценностных ориентаций» [18, с. 44], свойственных сегодня различным группам общества.

У многих представителей российского студенчества есть понимание того, что утверждение ценностного императива индивидуализма ведет к *ослаблению традиционных начал семейной жизни*. Подтверждением тому служат результаты ответа респондентов на вопрос «Происходит ли постепенное размывание в сознании молодежи традиционных нравственных смыслов супружества?» (табл. 2).

Таблица 2. Отношение студентов к восприятию российской молодежью традиционных нравственных смыслов супружества, %

Table 2. Attitude of students to the perception by Russian youth of the traditional moral meanings of marriage, %

Вариант ответа / Possible answers	Мужчины / Male	Женщины / Female	Все респонденты / All respondents
Да (в сознании молодежи происходит постепенное размывание традиционных нравственных смыслов супружества) / Yes (there is a gradual blurring of traditional moral meanings of marriage in the minds of young people)	55,4	55,0	55,2
Нет (в сознании молодежи не происходит размывания традиционных нравственных смыслов супружества) / No (there is no blurring of traditional moral meanings of marriage in the minds of young people)	28,6	35,2	31,9
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	16,0	9,8	12,9

Судя по эмпирическому материалу, большинство респондентов (55,2 %) полагают, что в сознании российской молодежи происходит размывание традиционных нравственных смыслов супружества. Были не согласны с этим 31,9 % опрошенных лиц, 12,9 % респондентов затруднились с ответом.

По первому варианту ответа на вопрос о восприятии традиционных нравственных смыслов супружества гендерные различия в позиции респондентов не просматривались, а по второму и третьему вариантам – были заметны. Девушки по сравнению с опрошенными мужчинами, во-первых, в большей мере (почти на 7 %) выбрали вариант «в сознании молодежи не происходит размывания традиционных нравственных смыслов супружества» (35,2 % и 28,6 % соответственно). Во-вторых, они на такой же процент меньше указали на вариант «затрудняюсь ответить» (9,8 % и 16,0 %). Это можно объяснить большей степенью поляризации в умонастроениях опрошенных студенток по вопросу о традиционных нравственных смыслах супружества. В их сознании сильнее мог закрепиться стереотип отождествления традиционного с патриархально-деспотическим, ущемляющим женские права. Правомерность такого суждения подтверждают результаты ряда исследований, включая опросы, проведенные сотрудниками Института социологии РАН. В соответствии с теми из них, которые посвящены семье, ее ценностным смыслам, «мужчины по сравнению с женщинами в большей степени традиционалисты»¹². Поэтому молодые женщины чаще, чем мужчины, воспринимают некоторые традиционные основы семьи как устаревшие, ограничивающие равноправие супругов.

Доминирование малодетности в Российской Федерации не воспринималось большинством опрошенных студентов как негативный фактор. Напротив, судя по их ответам (табл. 3), оно оценивалось позитивно.

Таблица 3. Отношение студентов к доминированию в России малодетности преимущественно в форме однодетности, %

Table 3. Attitude of students to the dominance of having few children in Russia, mainly in the form of having one child, %

Вариант ответа / Possible answers	Мужчины / Male	Женщины / Female	Все респонденты / All respondents
Позитивное / Positive	48,5	50,1	49,3
Нейтральное / Neutral	34,8	36,7	35,8
Негативное / Negative	16,7	13,2	14,9

Эмпирический материал, представленный в таблице 3, свидетельствует, что большая часть респондентов (49,3 %) относится к тенденции доминирования в России малодетных (преимущественно однодетных) семей позитивно, 35,8 % – нейтрально, только 14,9 % опрошенных студентов восприняли такое доминирование негативно. Как видим, гендерная специфика по данному вопросу не была выраженной.

У многих представителей студенчества не просматривалось понимания взаимосвязи однодетности с углублением демографического кризиса и угрозой

¹² Юлия Лежнина. Что происходит с гендерными ролями и семьей в современной России? [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 19 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3804532?ysclid=lp1wbq3csr13608012> (дата обращения: 14.11.2023).

безопасности страны. Как отмечал А. И. Антонов, при сплошной однодетности «происходит стремительное вымирание народа»¹³, поэтому в стратегическом отношении однодетную семью можно рассматривать как квазисемейную структуру.

В Российской Федерации *разводы и сожительства стали распространенным явлением*, что способствует формированию к ним позитивного отношения у значительной части студенчества. Это подтвердили ответы на вопрос «Нужны ли государственные меры, направленные на сокращение разводимости российских семей и уменьшение практики сожительства?». Большинство респондентов (56,3 %) посчитали, что «нет, это сугубо личное дело супругов», а 43,7 % опрошенных ответили положительно.

В гендерном отношении девушки-респонденты, по сравнению с опрошенными юношами, более критически воспринимали необходимость принятия государственных мер в сфере разводимости и практики сожительства. 59,6 % девушек от общего числа респондентов ответили «нет, это сугубо личное дело супругов», а 40,4 % выбрали вариант «да». Проценты ответов мужчин-респондентов на данный вопрос были соответственно 53 % и 47 %. Это можно объяснить большим опасением представительниц женского пола каких-либо мер государственного регулирования данной сферы, понимаемых многими из них как «ограничение свободы и равноправия», ведь до 40-летнего возраста супругов в большинстве случаев инициаторами разводов выступают женщины¹⁴.

Модернистская тенденция нейтрального и даже позитивного восприятия практики *осознанного отказа заводить детей (чайлдфри)* сегодня характерна для немалой части российской молодежи. Судя по результатам нашего исследования, нейтральную позицию по отношению к ценностной позиции чайлдфри высказали 48,4 % от общего числа опрошенных лиц. Отрицательный ответ выбрали 26,4 % респондентов, а 25,1 % положительно отнеслись к осознанной бездетности. Гендерные различия в ответах нельзя назвать значительными, но все же они были. На 4 % больше число респондентов-мужчин по сравнению с респондентами-девушками положительно оценивали практику чайлдфри (27,3 % и 23,1 %), и на 3 % мужчин меньше отрицательно характеризовали чайлдфри (25,3 % и 28,3 % соответственно). Такие гендерные различия могут быть объяснимы физиологией женщин, их природной устремленностью к материнству.

В ходе проведения социологического опроса удалось зафиксировать не только уровень ценностной ориентации респондентов из числа студентов относительно чайлдфри, но и *выявить их поведенческие установки применительно к осознанной бездетности*. С этой целью в анкету был включен вопрос «Считаете ли Вы возможным приобщение к субкультуре чайлдфри?». Большинство респондентов (56,0 %) ответили «нет», 27,9 % – «да», а 16,1 % – затруднились дать определенный ответ. В восприятии данной поведенческой установки были некоторые гендерные различия. 29,7 % респондентов-мужчин считали для себя возможным

¹³ Антонов Анатолий: «Мы стремительно теряем страну» [Электронный ресурс] // Православие.ру : сайт. 2008. 29 дек. URL: <https://pravoslavie.ru/37209.html?ysclid=l8imvkeaqd463300062> (дата обращения: 14.11.2023).

¹⁴ Статистика браков и разводов в России [Электронный ресурс] // Семейное право : сайт. URL: <http://semeinoe-pravo.net/statistika-brakov-i-razvodov-v-rossii/?ysclid=lp1z6ktaqz857160041> (дата обращения: 13.11.2023).

приобщение к субкультуре чайлдфри; среди женщин такую позицию заняли на 5 % меньше респондентов (24,7 %), что, по нашему мнению, определялось женской природной потребностью в репродуктивной самореализации.

Сравнительный анализ ценностных ориентаций и поведенческих установок респондентов по чайлдфри показал, что в численном отношении был близок положительный их маркер (соответственно 25,2 % и 27,9 %). Однако существенно различалось количество респондентов, отрицательно относившихся к чайлдфри (26,4 %), и респондентов, не считавших для себя возможным приобщение к субкультуре чайлдфри (56,0 %). Следовательно, при отрицательном восприятии респондентами ценностных и поведенческих установок относительно чайлдфри доминирующим фактором выступает поведенческий. Значительное число молодых людей готово абстрактно и нейтрально высказываться по некоторым ценностным позициям, но более определенно – по поведенческим установкам, которые непосредственно могут их затронуть.

Некоторое распространение в современном российском обществе получил концепт «социального пола», в соответствии с которым люди вправе сами выбирать гендер, меняя при необходимости свой пол. Такой подход направлен на разрушение естественных устоев семьи. Однако многие молодые люди вполне терпимо воспринимают это. Судя по материалам электронного анкетирования студентов 35 крупных вузов России на базе платформы SurveyMonkey (проведено в июле – сентябре 2020 г. с выборкой 1 130 студентов), примерно половина респондентов заявляла о своем нейтральном отношении к проживанию рядом с представителями различных социальных групп, включая ЛГБТ-семьи [19, с. 128]. Тем самым респонденты признавали толерантное отношение к таким супружеским союзам, не соответствующим семейному естеству.

На вопрос нашей анкеты, касающийся отношения студентов к гендерной установке о «социальных полах», 29 % респондентов ответили «поддерживаю ее», а 62 % – «не поддерживаю»; 9 % опрошенных студентов затруднились дать определенный ответ. Это означает, что большинство респондентов с сомнением восприняли данную гендерную установку. Однако такое большинство не являлось абсолютным и устойчивым, ведь почти 40 % опрошенных положительно или нейтрально относились к данной установке.

Гендерное различие в ответах на данный вопрос оказалось незначительным (в пределах 2–4 %). В частности, опрошенных студенток, не поддерживавших гендерную установку «социальных полов», было на 4 % больше, чем респондентов-мужчин. Это можно объяснить детородной функцией женщин и счастьем материнства, заложенными в них самой природой. Данные результаты в определенной мере коррелируют с итогами социологического опроса исследовательского холдинга «Ромир» и международного сообщества исследовательских компаний GlobalNR (2020 г.). По их данным, 71 % опрошенных россиян считали, что традиционные гендерные роли для мальчиков и девочек лучше всего подходят для общества¹⁵.

¹⁵ Литвинова Мария. Россияне не готовы забыть гендерные роли [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : сайт. 2020. 14 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4614123?ysclid=lnsxexlg8v720989958> (дата обращения: 15.04.2023).

В ходе нашего исследования почти треть респондентов (29 %) поддерживали гендерную установку о «социальных» полах. Объясняется это склонностью части студенческой молодежи позитивно воспринимать различные новшества, включая «гендерную свободу», с их индивидуалистскими ценностными предпочтениями.

Еще одним индикатором, выражающим сущностные стороны траекторий семейной трансформации, было выявление отношений студенческой молодежи к пониманию различных смысловых оценок направлений этого процесса. В таблице 4 приведены результаты социологического опроса по данному индикатору представлений молодежи.

Таблица 4. Восприятие студентами состояния трансформационного процесса российской семьи, %

Table 4. Students' perception of the transformational process of the Russian family, %

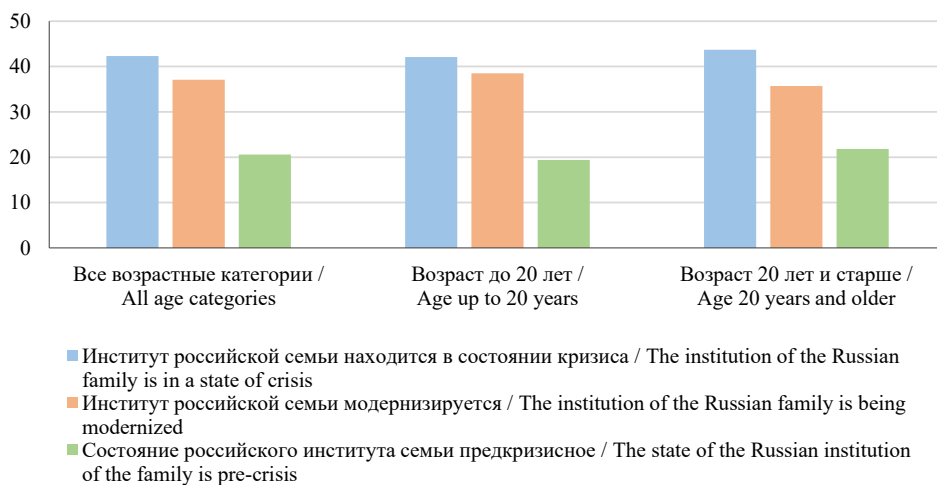
Вариант ответа / Possible answers	Мужчины / Male	Женщины / Female	Все респонденты / All respondents
Институт российской семьи модернизируется / The institution of the Russian family is being modernized	35,0	39,2	37,1
Институт российской семьи находится в состоянии кризиса / The institution of the Russian family is in a state of crisis	37,0	47,6	42,3
Состояние российского института семьи предкризисное / The state of the Russian family institution is pre-crisis	28,0	13,2	20,6

Как видим из таблицы 4, большая часть (42,3 %) от общего числа респондентов полагала, что институт российской семьи переживает институциональный кризис. 20,6 % опрошенных студентов считали, что институт семьи находится в предкризисном состоянии, а 37,1 % респондентов утверждали, что он модернизируется.

Анализ по гендерным признакам показывает наибольший уровень поляризации по данному вопросу в ответах респондентов женского пола. Их, по сравнению с ответами мужчин, разделявших точку зрения о преобладании процесса модернизации семьи, было на 4,2 % больше, и на 10,6 % больше, чем мужчин-респондентов, являвшихся сторонниками кризисной траектории семейной эволюции. Почти в два раза меньшее число предпочтений (в процентном отношении) респондентами-женщинами было отдано варианту «предкризисное состояние семьи». Это можно объяснить тем, что женщины в вопросах семьи проявляют большую устремленность к определенности, конкретной выраженности, а не к этапу переходности в виде «предкризисного состояния».

Анализ студенческого восприятия оценок смысловой направленности современных траекторий эволюции института семьи был проведен и с учетом различных возрастных групп респондентов (рисунок).

Данные, содержащиеся в диаграмме, свидетельствует о наличии некоторых различий в ответах респондентов из числа студентов младшей (до 20 лет) и старшей (20 лет и выше) возрастных групп. Опрошенные студенты возраста до 20 лет более модернистски (38,5 %) оценивали состояния трансформационного процесса института российской семьи, чем представители старшей возрастной группы (35,7 %).

Р и с у н о к. Восприятие студентами различного возраста состояния трансформационного процесса российской семьи, %

F i g u r e. Of the perception of students of different ages on the state of transformation of the process of the Russian family, %

Соответственно, меньшее количество респондентов до 20 лет по сравнению с возрастной группой 20 лет и старше воспринимало состояние института семьи как кризисное (42,1 % и 43,7 %) и как предкризисное (19,4 % и 21,8 %). Такая тенденция свидетельствует о несколько большем влиянии модернистских подходов и ценностных установок индивидуализма на сознание студентов возрастной группы до 20 лет.

Обсуждение и заключение. Исходя из результатов исследования, можно в системном виде представить взаимосвязь теоретического и эмпирического его аспектов. Следует различать модернизацию как процесс объективного развития семьи и модернизацию как систему теоретических знаний, научную парадигму. Модернизация как особое состояние эволюции может рассматриваться в единстве с противоречивым, кризисным процессом трансформации семьи. В концептуальном же отношении парадигмы модернизации и кризиса трудно совместимы, так как представляют разное понимание состояния и перспектив развития современной семьи, а также разные подходы к реагированию государства и общества на ее институциональные проблемы. Это различие проявилось в неоднозначном отношении студенческой молодежи Юга России к смысловым индикаторам восприятия важнейших семейных траекторий.

В эмпирическом отношении материалы исследования позволяют сформулировать ряд обобщающих выводов.

1. Мировоззренческое, социально-экономическое и информационно-когнитивное состояние страны влияет на отношение общества, его слоев и групп к основным трансформациям института семьи (кризисной и модернизационной). Неоднозначное их восприятие студенческой молодежью в значительной мере связано с плюрализмом ценностных ориентаций в нашем обществе.

2. Можно констатировать наличие в студенческой среде значительных модернистских настроений в понимании направленности институциональной

эволюции современной семьи. По эмпирическим данным, 37,1 % от общего числа опрошенных студентов и 39,2 % от опрошенных респондентов женского пола не усматривали кризисных тенденций в институциональном развитии семьи, полагая, что семья позитивно модернизируется. О принятии многими студентами модернистских изменений в облике семьи свидетельствует позитивное отношение большинства респондентов (49,3 %) к доминированию в России малодетности, нейтральное (48,4 %) и положительное (25,1 %) восприятие ими осознанной бездетности, отрицание со стороны большинства респондентов (56,3 %) необходимости принятия государственных мер, направленных на сокращение разводимости и уменьшение сожительства, а также положительное или нейтральное отношение к гендерной установке о «социальных полах» (почти 40 % опрошенных студентов).

3. Эмпирическое исследование показало, что наряду с модернистскими настраиваниями в студенческой среде сильны и традиционные представления, связанные с опасениями ослабления устойчивости института семьи и деформации ее естества. 42,3 % респондентов полагали, что современная российская семья переживает институциональный кризис. Есть понимание у многих студентов ценностной сомнительности индивидуалистско-потребительского принципа бытия применительно к перспективам развития семьи. Констатировали негативное его влияние на институт семьи более половины (50,7 %) респондентов из числа опрошенных студентов Юга России.

4. Ситуация, когда одна значительная часть студенческой молодежи принимает модернистские изменения в трансформации семьи, а другая – выступает сторонницей иного, традиционно-кризисного вектора эволюции института семьи, свидетельствует об определенной раздвоенности в ценностном восприятии студенчеством состояния и траекторий развития семьи. Поэтому проблема осмысления вариаций ее трансформации имеет и практический характер.

5. Учитывая позитивное отношение к практике сожительства у значительной части российской молодежи, было бы целесообразным придать гражданскому браку, в котором имеется совместный ребенок (дети), юридически обязывающий статус «незарегистрированного супружеского союза». В таком случае права ребенка (детей) сожительствающих супругов были бы гарантированно защищены государством.

6. Популяризации студенческих семей способствовало бы введение дополнительных ежемесячных выплат от вуза и дополнительной разовой выплаты от государства на ребенка, родившегося в такой семье, введение для них на период учебы ежемесячных компенсационных выплат на съём жилья, а также (при необходимости) перевод супругов на бюджетную форму обучения. Важна и системная информационная поддержка таких семей.

Исследование мнения студенческой молодежи о состоянии института семьи и перспективах его развития приобретает особую значимость в условиях обострения демографического неблагополучия в стране и ослабления традиционных основ семьи. Ведь молодежи принадлежит будущее, и от ее ценностных устремлений и поведенческих установок во многом зависит то, каким оно будет.

Материалы данной научной статьи могут представлять интерес для исследователей, изучающих рассматриваемую тему, а также могут быть востребованы органами государственной власти и местного самоуправления, занимающимися вопросами молодежной, демографической, семейной политики, проблемами популяризации и социальной поддержки молодых семей, включая студенческие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский А. И. Великая малонаселенная держава // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1, № 3. С. 54–72. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/velikaya-malonaseleonnaya-derzhava/> (дата обращения: 13.11.2023).
2. Van de Kaa D. J. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // Population Studies. 1996. Vol. 50, issue 3. Pp. 389–432. <https://doi.org/10.1080/0032472031000149546>
3. Klinenberg E. Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. New York : The Penguin Press, 2012. 273 p. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/11797459-going-solo> (дата обращения: 13.11.2023).
4. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>
5. Синельников А. Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36–48. <https://doi.org/10.31857/S013216250020195-7>
6. Carlson A. C., Mero P. T. The Natural Family: A Manifesto. Dallas : Spence Publishing Company, 2007. 271 p. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315133294-1/natural-family-manifesto-allan-carlson-paul-mero> (дата обращения: 13.11.2023).
7. Blankenhorn D. Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem. New York : BasicBooks, 1995. 336 p. URL: <https://fatherhood.gov/research-and-resources/fatherless-america-confronting-our-most-urgent-social-problem> (дата обращения: 13.11.2023).
8. Townsend N. W. The Package Deal: Marriage, Work and Fatherhood in Men's Lives. Philadelphia : Temple University Press, 2002. 264 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt14bt2mz> (дата обращения: 13.11.2023).
9. Baskerville S. Is There Really a Fatherhood Crisis? // The Independent Review. Spring. 2004. Vol. VIII, no. 4. Pp. 485–508. URL: https://www.independent.org/pdf/tir/tir_08_4_1_baskerville.pdf (дата обращения: 13.11.2023).
10. Popenoe D. War over the Family. London: Routledge; 2008. 269 p. <https://doi.org/10.4324/9781351299725>
11. Zohar D., Marshal I. The Quantum Society. London : Bloomsbury, 1993. 254 p. URL: <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/danah-zohar/the-quantum-society/> (дата обращения: 13.11.2023).
12. Geist C., Ruppanner L. Mission Impossible? New Housework Theories for Changing Families: Housework Theories for Changing Families // Journal of Family Theory & Review. 2018. Vol. 10, issue 1. Pp. 242–262. <https://doi.org/10.1111/jftr.12245>
13. Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. Специальный выпуск. С. 38–59. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.3>
14. Вишневский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 125–141. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>
15. Романович Н. А. Проблемы института семьи в молодежной среде // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 90–102. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.7>
16. Brown S. L., Manning W. D., Stykes J. B. Family Structure and Child Well-Being: Integrating Family Complexity // Journal of Marriage and Family. 2015. Vol. 77, issue 1. Pp. 177–190. <https://doi.org/10.1111/jomf.12145>
17. Reflections on Fertility and Postponed Parenthood – Interviews with Highly Educated Women and Men without Children in Sweden / C. Eriksson [et al.] // Upsala Journal of Medical Sciences. 2013. Vol. 118, issue 2. Pp. 122–129. <https://doi.org/10.3109/03009734.2012.762074>

18. Клупт М. А. Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 36–46. <https://doi.org/10.31857/S013216250014119-3>
19. Пушкарева Г. В., Кузнецов И. И., Батоврина Е. В. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 125–131. <https://doi.org/10.31857/S013216250012813-7>

Поступила в редакцию 19.06.2023; поступила после рецензирования 13.10.2023; принята к публикации 24.10.2023.

Об авторе:

Циткилов Петр Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий Южного федерального университета (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7540-0231>, Scopus ID: 57195678958, petrcitkilov@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Vishnevsky A.I. The Depopulated Superpower. *Russia in Global Affairs*. 2003;1(3):54–72. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/velikaya-malonaselennaya-derzhava/> (accessed 13.11.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Van de Kaa D.J. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Population Studies*. 1996;50(3):389–432. <https://doi.org/10.1080/0032472031000149546>
3. Klinenberg E. Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. New York: The Penguin Press; 2012. Available at: <https://www.goodreads.com/book/show/11797459-going-solo> (accessed 13.11.2023).
4. Sinelnikov A.B. Family and Marriage: Crisis or Modernization? *Sociological Journal*. 2018;24(1):95–113. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>
5. Sinelnikov A.B. Separation of Generations in Families as a Factor for Reducing Birth Rate. *Sociological Studies*. 2022;(5):36–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250020195-7>
6. Carlson A.C., Mero P.T. The Natural Family: A Manifesto. Dallas: Spence Publishing Company; 2007. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315133294-1/natural-family-manifesto-allan-carlson-paul-mero> (accessed 13.11.2023).
7. Blankenhorn D. Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem. New York: BasicBooks; 1995. Available at: <https://fatherhood.gov/research-and-resources/fatherless-america-confronting-our-most-urgent-social-problem> (accessed 13.11.2023).
8. Townsend N.W. The Package Deal: Marriage, Work and Fatherhood in Men's Lives. Philadelphia: Temple University Press; 2002. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt14bt2mz> (accessed 13.11.2023).
9. Baskerville S. Is There Really a Fatherhood Crisis? *The Independent Review*. 2004;VIII(4):485–508. Available at: https://www.independent.org/pdf/tir/tir_08_4_1_baskerville.pdf (accessed 13.11.2023).
10. Popenoe D. War over the Family. London: Routledge; 2008. <https://doi.org/10.4324/9781351299725>
11. Zohar D., Marshal I. The Quantum Society. London: Bloomsbury; 1993. Available at: <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/danah-zohar/the-quantum-society/> (accessed 13.11.2023).
12. Geist C., Ruppner L. Mission Impossible? New Housework Theories for Changing Families: Housework Theories for Changing Families. *Journal of Family Theory & Review*. 2018;10(1):242–262. <https://doi.org/10.1111/jftr.12245>
13. Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Sorokin O.V. Meanings in Self-Regulation of Young People's Life: Gender Differences in the Labor Sphere. *Woman in Russian Society*. 2021;(Special issue):38–59. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.3>

14. Vishnevsky Yu.R., Yachmeneva M.V. The Attitude of Student Youth to Family Values (Case Study of the Sverdlovsk Region). *The Education and Science Journal*. 2018;20(5):125–141. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>
15. Romanovich N.A. Problems of the Family Institution in the Youth Environment. *Science. Culture. Society*. 2023;29(1):90–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.7>
16. Brown S.L., Manning W.D., Stykes J.B. Family Structure and Child Well-Being: Integrating Family Complexity. *Journal of Marriage and Family*. 2015;77(1):177–190. <https://doi.org/10.1111/jomf.12145>
17. Eriksson C., Larsson M., Skoog Svanberg A., Tydén T. Reflections on Fertility and Postponed Parenthood – Interviews with Highly Educated Women and Men without Children in Sweden. *Upsala Journal of Medical Sciences*. 2013;118(2):122–129. <https://doi.org/10.3109/03009734.2012.762074>
18. Klupt M.A. Problems of the Family and Fertility in the Value Conflicts of the 2010s. *Sociological Studies*. 2021;(5):36–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250014119-3>
19. Pushkareva G.V., Kuznetsov I.I., Batovrina E.V. Specifics of Russian Students Inclusion into the Social Solidarity Relationships. *Sociological Studies*. 2021;(10):125–131. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250012813-7>

Submitted 19.06.2023; revised 13.10.2023; accepted 24.10.2023.

About the author:

Petr Ya. Tsitkilov, Dr.Sci. (History), Professor, Chair of Social Technologies, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7540-0231>, Scopus ID: 57195678958, petrcitkilov@yandex.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и iThenticate

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение (Introduction);

2) Материалы и методы (Materials and Methods);

3) Результаты исследования (Results);

4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков,*

таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *iThenticate* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.
2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *Е. П. Гординой*.
Перевод *С. В. Голованова*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-85159 от 23 апреля 2023 г.

Подписано в печать 15.03.2024. Дата выхода в свет 29.03.2024. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 15,27. Тираж 1 000 экз. I завод – 150 экз. Заказ № 158. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.

Desktop publishing by *E. P. Gordina*.

Translation by *S. V. Golovanov*.

Sub-editor *E. P. Gordina*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-85159 of 23 April 2023.

Signed to print 15.03.2024. Date of publishing 29.03.2024. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 15.27. Number of copies: 1,000. Print run 1: 150 copies. Order No. 158. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

Приглашаем всех, кто участвует и заинтересован в решении задач дальнейшего развития научно-публикационной и научно-издательской сферы России, преобразовании полученного за последние десятилетия опыта и построении в стране в сотрудничестве с дружественными странами новой системы научных коммуникаций, принять участие в **12-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2024: трансформация и устойчивое развитие»**.

Даты проведения: 21–24 мая 2024 года

Место проведения: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Организаторы: Ассоциация научных редакторов и издателей и Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Соорганизаторы: Российское психологическое общество, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Компания Антиплагиат, Лаборатория научного перевода Натальи Поповой, ООО «ВЦИ», ООО «Научная электронная библиотека», ООО «Эко-Вектор»

Формат проведения: очный и дистанционный (онлайн)

Приглашаем желающих выступить с докладами по темам конференции. Срок подачи заявок на доклады – 19 апреля 2024 г. При подаче заявки необходимо подготовить качественную, информативную аннотацию (150–250 слов). Заявки принимаются по электронной почте program.conf@rasep.ru.

ФОРМА ЗАЯВКИ

САЙТ КОНФЕРЕНЦИИ

Участие в Конференции платное.

Подробная информация о Конференции размещена на сайте <https://rasep.ru/conf/2024/>

Регистрация открыта до 3 мая 2024 года (включительно)
<https://rasep.ru/conf/registration/>

РЕГИСТРАЦИЯ

Вопросы о выступлении с докладом Конференции можно задать по электронной почте program.conf@rasep.ru

Вопросы по организации Конференции можно задать по электронной почте conf@rasep.ru